"Марк Солонин - Мозгоимение: Фальшивая история Великой войны"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Марк Солонин

Мозгоимение: Фальшивая история Великой войны

Глупость — это бесценный дар Божий, но не следует этим даром злоупотреблять.

Бисмарк

От автора

Когда деревья были большими, а я без труда помещался под столом, в нашей стране было принято работать. Каждое утро трамваи, увешанные гроздьями людей, уползали по мосту на пересечении улицы Красных коммунаров с улицей 22-го Партсъезда (на этот перекресток меня и привезли из роддома) в сторону огромных, дымящих и гудящих заводов. Гудели они нешуточно. Низкий, ровный и бесконечный гул заполнял мир каждый вечер. Лет до пяти я так и думал, что вечер — это когда темнеет и гудит. Потом испытательный стенд авиамоторного завода вынесли далеко за город, и гудеть перестало. Но люди все еще продолжали работать. В моих смутных детских воспоминаниях остался торжествующий голос Левитана, который сообщал о новых космических полетах и гигантских плотинах, перекрывавших могучие сибирские реки.

Даже школьнику средних классов и способностей было понятно, что люди, которые спроектировали ракету, рассчитали траекторию полета космического корабля, сделали авиамотор, турбина которого горит, но не сгорает в бушующем иссиня-белом пламени, — это очень умные люди, которые много учились, многому выучились, которые знают такое, о чем другие и не догадываются. И любой квалифицированный токарь понимал, что модельщик (это не тот, кто по подиуму в белых штанах ходит, а мастер — золотые руки, который вырезает из дерева точную копию будущей отливки) умеет и знает то, что ему, токарю, неведомо. И наоборот.

Вот на этом ОНИ нас и поймали. На естественном для каждого трудящегося человека уважении к знаниям и умениям другого трудящегося человека. На подсознательном (но очень прочном) представлении о «презумпции квалифицированности» каждого инженера, врача, геолога, музыканта, хлебороба… Советский трудящийся не мог предположить и поверить в то, что советский «доктор исторических наук» — это совсем не то, что доктор физических наук, придумавший синхрофазотрон.

В голове нормального человека не укладывалась мысль о том, что за длинной подписью: «доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории», скрывается зажиревший чиновник, который, во-первых, ничего не знает, а во-вторых, знать ничего не желает про новейшую (равно, как и иную прочую) историю. А не желает он ничего знать потому, что хочет спокойно спать и красиво жить, причем жить не на покрытой копотью заводских труб улице Красных коммунаров, а где-нибудь на Фрунзенской набережной в Москве. Но на Фрунзенскую набережную просто так не пускали. Там нужны были только «социально близкие». Только те, кто своим солидным видом и внушающей трепет подписью скрепят (от слова «крепить») дикий бред, высочайше предписанный к распространению в отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС.

ЦК КПСС уже нет. И отдела агитации с пропагандой уже нет. И таблички с названиями на многих улицах поменялись. Царь-император Николай Кровавый объявлен едва ли не «святым великомучеником». Рыцарь революции Феликс Эдмундович объявлен «кровавым палачом». Все

смешалось в нашем общем доме. Надо полагать, из-за этой суеты и неразберихи никто не догадался в тот самый день, когда железная статуя Дзержинского проплыла в воздухе над разгоряченной толпой, отменить одним указом все научные степени и звания, полученные на кафедрах истории КПСС, научного коммунизма и прочей «новейшей истории». А зря не догадались. Ох, зря…

И вот уже прежние «кадры» без тени смущения именуют себя «доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Международной академии маркетинга, франчайзинга и баблопилинга». Они все также читают студентам лекции по засиженным мухами конспектам тридцатилетней давности. И сурово машут при этом крючковатым перстом, требуя «прекратить переписывать историю». Один такой «кадр» на полном серьезе объяснял мне, что Виктор Суворов (с коим я имел удовольствие многократно общаться и в прямом радиоэфире, и в приватных беседах) не существует вовсе, а за этим псевдонимом скрывается группа матерых антисоветчиков, штатных сотрудников ЦРУ и МИ-6, что было неопровержимо установлено «о-о-очень серьезным учреждением» (глаза и палец поднимаются вверх: *«Ну, Вы, молодой человек, и сами должны понимать — что я имею в виду…»*).

Тем не менее — Земля вертится, и процесс, однажды запущенный, уже не остановить. Безнаказанно парить людям мозги в эпоху Интернета, спутникового телевидения и зависимого лишь от кошелька покупателей книгоиздания становится все труднее. За студентов я спокоен: большинство из них на лекции не ходит, исправно покупая (за родительские деньги, естественно) контрольные, курсовые и дипломные работы. Социально близкие всякому бездельнику профессора обычно снисходительно относятся к таким шалостям молодежи. Те же немногие, которым диплом нужен лишь в качестве приложения к знаниям, имеют возможность читать серьезные исследования добросовестных историков. Страшно сказать, но за это уже не выгоняют из института, не загоняют в «спецпсихбольницу МВД», не «шьют дела» по статьям 70 и 190.1 УК РСФСР, не подбрасывают наркотики…

Но что же делать тем, кто из студенческого возраста и юной праздности уже вышел, кто должен «крутиться» с утра до вечера, у кого время для чтения появляется лишь в вагоне метро или в купе поезда? Язык не поворачивается посоветовать им достать из кошелька деньги и купить одну из моих толстенных военно-исторических книг. Ну какой работающий человек может осилить эти 500–600 страниц мелким шрифтом, с таблицами, графиками и картами былых сражений?! Из этих грустных мыслей и родилась идея написать простую и веселую книгу, которая поможет читателю познакомиться и со смехом расстаться с наиболее яркими образцами отечественного исторического «мозгоимения». А попутно и узнать что-то новое о нашей непредсказуемой истории. Однако, даже читая эту книгу с любого места по диагонали в вагоне метро, не теряйте из виду, уважаемый читатель, одну очень важную, принципиально важную деталь: на осмеяние и публичный позор я выставляю не героев войны, не ветеранов, вернувшихся с фронта на костылях, не вашего дедушку и не своего отца, а лишь тех дармоедов и проходимцев, которые на протяжении долгих десятилетий превращали распространение заведомо ложных измышлений об обстоятельствах и причинах нашей величайшей трагедии в доходный личный промысел.

Глава 1

«Дегенеративные признаки вырождения»

За многие годы в памяти моего компьютера накопилось великое множество самых разных примеров «мозгоимения». Каждый по-своему хорош и пригож, каждый заслуживает

публичного поношения. С чего начать? По правилам дидактики следует двигаться «от простого к сложному». Вот и отлично. Не будем выдумывать новые правила и в первой главе представим такие ядреные глупости, которые, даже не будучи чем-то особо значимыми по сути, примечательны тем, что показывают нам самое дно «колодца невежества», из которого следует выбираться как можно скорее.

Почетное право открыть галерею я предоставляю одному забавному высказыванию, которое восхитило меня своей предельной, алмазной прозрачностью и простотой, сравнимой разве что с химической формулой алмаза. К тому же это один из самых свежих известных мне примеров.

В 2007 году издательство «Яуза-ЭКСМО» решило собрать под одной обложкой историков самых разных, можно сказать — диаметрально противоположных взглядов, перед которыми был поставлен один и тот же вопрос: в чем главная причина поражения Красной Армии летом 1941 года? Так появился сборник статей «Великая Отечественная катастрофа». Известный историк, начальник отдела статистики Института военной истории при МО РФ, полковник, кандидат исторических наук М. Э. Морозов (если на сей момент Мирослав Эдуардович стал уже доктором наук, то я прошу прощения и приношу ему свои поздравления) написал для этого сборника статью «Поражение летом 1941 года было закономерно». Название, на мой вкус, немного тяжеловесно, зато главная мысль выражена по-солдатски четко и ясно.

К слову говоря, я тоже считаю, что летом 41-го поражение было закономерным и неизбежным. Правда, на этой констатации совпадение наших взглядов и заканчивается. Полковник Морозов на 93 страницах развивает традиционную для всей советской историографии мысль о том, что «история отпустила нам мало времени» и Советский Союз оказался не готов к войне в материально-техническом отношении. Я же считаю, что пресловутая «история» отпустила Сталину недопустимо много времени, и 20-летнее растление народа, свирепое разрушение всех норм морали и нравственности привели народ и армию в совершенно небоеспособное состояние.

Вернемся, однако, к статье М. Э. Морозова. Поскольку статья эта была посвящена военной авиации, то в ней, конечно же, говорилось про безнадежно устаревшие советские самолеты, не идущие ни в какое сравнение с самолетами противника. Так, на странице 299 сказано дословно следующее:

«…горизонтальная скорость «Юнкерса» Ju-88 была в полтора раза выше скорости Ар-2».

Да, разумеется, не скоростью единой ценен фронтовой бомбардировщик, и все же — отставание в скорости в ПОЛТОРА РАЗА… Это серьезно. При такой технической отсталости поражение и вправду начинает казаться закономерным и неизбежным. Тем не менее хотелось бы узнать и конкретные цифры скоростей. Не беспокойтесь, уважаемый читатель! Я вовсе не собираюсь размахивать бумажками с отчетами о летных испытаниях и «грузить» вас полемикой по поводу достоверности этих отчетов. Боже упаси! Я же обещал — все будет предельно прозрачно и просто. На странице 249 полковник Морозов сообщает, что максимальная скорость бомбардировщика Ар-2 (этот самолет представлял собой глубокую модификацию самого массового предвоенного бомбардировщика СБ) составляла **480 км/час.** Скорость СБ образца 1939 г. Морозов определяет там же в 450 км/час.

А на странице 298 можно узнать, что максимальная скорость бомбардировщика «Юнкере» Ju-88 составляла **450 км/час.**

Так у нас пишется «история». Если нельзя, но очень хочется, то можно. Если очень хочется

втереть публике тезис о «технической отсталости» советских ВВС, то **число 450 окажется в полтора раза больше числа 480.** Но и это еще не все. Нужно важное уточнение: скорости указаны в таблицах, которые не всякий читатель станет еще изучать, а вот конечный вывод о подавляющем превосходстве «Юнкерса» дан прямым текстом!

Что это было? Досадная оплошность — или работа подлинного мастера «мозгоимения»? Не могу знать. С этим вопросом — к полковнику.

Вторым в ряду у нас стоит знаменитое, успевшее уже набить оскомину специалистам, но все еще ошеломляющее доверчивую публику *«Генеральное Соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (гестапо)».* Я очень люблю этот текст. Пользуюсь им в тех самых случаях, о которых А. С. Пушкин писал: *«Как мысли черные к тебе придут, откупори шампанского бутылку иль перечти «Женитьбу Фигаро».*

Жизнь нынче непростая, «мысли черные» приходят в голову частенько, и никакая печень не выдержит такой алкогольной нагрузки. Что же касается бессмертной комедии Бомарше, то она просто «отдыхает» рядом с такими перлами: *«Стороны поведут борьбу с дегенерацией человечества во имя оздоровления белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены. Виды и формы дегенерации, подлежащие стерилизации и уничтожению, стороны определили дополнительным протоколом № 1, являющимся неотъемлемой частью настоящего соглашения…».* В дополнительном протоколе № 1 указаны *«виды квалификации дегенеративных признаков вырождения»*, против которых решили совместно бороться НКВД и гестапо, а именно: *«рыжие, косые, хромоногие и косорукие от рождения, имеющие дефекты речи — шепелявость, картавость, заикание (врожденное), ведьмы и колдуны, шаманы и ясновидящие, горбатые, карлики, лица, имеющие большие родимые пятна и множественное кол-во маленьких, разного цвета кожное покрытие, разноцветие глаз и т. п.».*

Заканчивается сия беспримерная в своей тупой убогости фальшивка так: *«Текст соглашения отпечатан на русском и немецком языках в единственном экземпляре, каждый из которых имеет одинаковую силу…».* Подписали таинственное Соглашение *«Начальник Главного управления государственной безопасности НКВД СССР комиссар госбезопасности 1-го ранга Л. Берия и Начальник Четвертого управления (гестапо) Главного управления безопасности национал-социалистической рабочей партии Германии бригаденфюрер СС Г. Мюллер».*

Указана даже точная минута, в которую произошло историческое событие: *«Совершено в Москве, 11 ноября 1938 г. в 15 часов 40 минут».*

Этот горячечный бред усиленно пиарил в СМИ товарищ В. Карпов, бывший руководитель Союза писателей СССР, бывший депутат Верховного Совета и бывший член ЦК КПСС. Благодаря такой подписи грубо сработанная фальшивка, не заслуживающая даже малейшего упоминания, стала объектом широкого обсуждения, постоянного цитирования и т. п. Однако авторство текста принадлежит вовсе не Карпову. В 1999 году он был опубликован неким Г. С. Назаровым, деятелем, широко известным в узких кругах идейных борцов с засильем еврокаменщиков (они же «жидомасоны»). Опубликован «документ» был в журнале с замечательным для публикаций такого рода названием «Чудеса и приключения» (1999, № 10.)

Впрочем, я не исключаю, что и Назаров всего лишь переписал текст, придуманный кем-то

другим. По крайней мере, мне попадалось это «Генеральное Соглашение» со ссылкой на какую-то «Память» № 1/1999. В любом случае, только в измученных нарзаном организмах борцов с «*рыжими, шепелявыми и картавыми*» могла родиться фальшивка с таким набором грубейших ошибок:

— 11 ноября 1938 г. Г. Мюллер никак не мог оказаться в Москве. Он был в Берлине, и у него в тот день было очень много дел. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по личному указанию Гитлера был проведен всегерманский еврейский погром, вошедший в историю под названием «Хрустальная ночь». Было разрушено и сожжено 267 синагог, 815 магазинов и предприятий, 20 тыс. евреев были арестованы и брошены в концлагеря. Стихийный взрыв «народного гнева» такого масштаба надо было организовать, направлять и контролировать, 20 тыс. человек надо было этапировать в лагеря. Вся эта огромная работа легла на плечи руководителей карательных органов Германии, включая Мюллера, личное участие которого в событиях «Хрустальной ночи» подтверждается множеством свидетельств;

— и Главное управление имперской безопасности (РСХА), и входившее в его состав гестапо были государственными («имперскими» по принятой в нацистской Германии терминологии), а вовсе не партийными учреждениями. Никакого *«Главного управления безопасности национал-социалистической рабочей партии Германии»* в ноябре 1938 г. не было. НСДАП к тому времени стала монопольно-правящей партией, и на базе ее военизированных структур были созданы карательные органы фашистского государства. Для того чтобы об этом узнать, вовсе не обязательно сидеть месяцами в пыли библиотек. Аббревиатура РСХА (RSHA), известная каждому, кто смотрел «кино про Штирлица», как раз и образована от слова «Reichs», т. е. «имперский». Слово «гестапо» также является аббревиатурой, в которой буквы «ста» обозначают слово «статс», т. е. «государственный». Полное название этой преступной организации: Geheime Staatspolizei, т. е. «тайная государственная полиция»;

— все звания и должности «подписантов» хаотично перепутаны. На момент составления мифического «Соглашения» Мюллер в звании «штандартенфюрер СС» возглавлял 2-й отдел Главного управления полиции безопасности и СД. Главное управление имперской безопасности было создано 27 сентября 1939 года, т. е. почти через год после вымышленного «визита» Мюллера в Москву. Еще через год, 14 декабря 1940 г. Мюллеру было присвоено звание «бригадефюрер СС», что пишется именно так, а не «бригадеНфюрер». В преамбуле «Генерального Соглашения» сказано, что Мюллер действует на основании доверенности, выданной ему *«Рейхсфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом».* Персональное звание «рейхсфюрер СС» имел один-единственный человек — Г. Гиммлер. Что касается Р. Гейдриха, то он действительно был непосредственным начальником Мюллера, однако в более «скромном», генеральском звании «группен-фюрер СС» (позднее, в 1941 году — «обергруппенфюрер СС»);

— наконец, такие глупости, как *«единственный экземпляр, каждый из которых хранится»* и использование конторского термина *«отпечатан»* вместо «составлен», не заслуживают уже подробного обсуждения.

При всем при том сотрудничество НКВД с карательными органами фашистской Германии является неоспоримым фактом. Вот только предметом этого сотрудничества была не борьба с «рыжими, косыми и разноцветноглазыми», а гораздо более значимые для Гитлера и Сталина задачи.

После того как в сентябре 1939 г. вермахт и Красная Армия оккупировали Польшу, перед двумя диктаторскими режимами встала задача борьбы с польским движением Сопротивления. Эта борьба требовала взаимодействия карательных структур. Юридическим основанием для такого взаимодействия послужил Секретный дополнительный протокол к Договору о дружбе и

границе, подписанному в Москве 28 сентября 1939 г. Вот полный текст этого Протокола:

«г. Москва

28 сентября 1939 г.

Нижеподписавшиеся уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

«г. Москва

28 сентября 1939 г.

Нижеподписавшиеся уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

По уполномочию

За Германское

Правительство И. Риббентроп

За Правительство СССР В. Молотов».

Текст Протокола хранится в Архиве внешней политики РФ (АВП РФ, ф. 06, on. 1, п. 8, д. 77, л. 4). Опубликован, в частности, в двухтомном сборнике документов «1941 год. Документы» (Кн. 2, стр. 587).

В рамках провозглашенной «дружбы» происходила и «репатриация германских подданных, находящихся на территории СССР». Причем за этой странной формулой скрывались два диаметрально противоположных процесса. С одной стороны, из тюрем и лагерей освобождались немцы, арестованные в годы Большого Террора 1937–1938 гг. по обвинениям в шпионаже. С другой стороны, Гитлеру выдавали германских и австрийских антифашистов, нашедших в 1933–1939 гг. убежище в «стране победившего пролетариата». Одним словом, у НКВД и гестапо было много общих дел и забот, но вопросы эти решались в рабочем порядке, без написания развесистых «Генеральных Соглашений».

Глава 2

Штирлиц Вольфович

Topreading.ru

Если идея борьбы «с рыжими и картавыми» пока еще находится в самом дальнем, заросшем плесенью и паутиной углу подсознательных страхов и людских предрассудков, то история Великой Отечественной войны по-прежнему остается (и долго еще будет оставаться) одной из самых «горячих», самых болезненных точек общественного сознания. По-другому и быть не может в стране, принесшей на алтарь этого беспримерного жертвоприношения миллионы человеческих жизней. Соответственно, всякий мистификатор (или просто впавший в маразм графоман), сочинивший очередной «сенсационный документ», гарантированно получает свою порцию геростратовской славы. Не удержался от желания получить порцию и упомянутый выше товарищ В. Карпов, раскрывший нам тайну «секретных сепаратных переговоров» Сталина с немецким командованием, якобы происходивших в феврале 1942 г. в оккупированном вермахтом городе Мценске.

С одновременно смешной и грустной в подобной ситуации горделивостью В. Карпов рассказывал журналистам (интервью в «Комсомольской правде» от 17 октября 2002 г.), что у него есть *«так называемый допуск номер один, дающий право работать с совершенно секретными документами».* Дальше сообщения Карпова о практическом использовании «допуска номер один» разнятся. В одних интервью он говорит, что обнаружил документы о «переговорах в Мценске» в бывшем личном кабинете Сталина (типа завалялись под столом), в других кабинет Сталина также присутствует, но в этом кабинете якобы размещается «особо секретный архив», доступ в который открыт лишь обладателям сокровенного «допуска номер один». Обозревателю газеты «Московский комсомолец» М. Дейчу на вопрос о месте нахождения документов В. Карпов ответил совсем уже просто: *«Вот еще! Вам, может быть, и ключи от квартиры на блюдечке с голубой каемочкой?»*

Может ли все это быть правдой? Нет, не может. Вероятность обнаружения совершенно секретных документов при подобных обстоятельствах равна нулю. Не одной стомиллионной, а исключительно и только нулю. Рассказываю — почему.

С момента смерти Сталина прошло уже более 50 лет. Но и пяти дней должно было хватить для того, чтобы ни одного бесхозно валяющегося на полу документа в кабинете (даче, квартире, машине) Сталина не осталось. В настоящее время секретные документы, к которым прикасалась рука Хозяина, могут находиться в двух и только в двух возможных состояниях: они или уничтожены, или оприходованы, пронумерованы и взяты на учет в соответствующих архивах. Найти под столом документ о сепаратных переговорах с немцами в принципе невозможно. Теоретически такой документ может обнаружиться в архиве, но тогда публикатор документа обязан произнести четыре волшебных слова: «фонд, опись, дело, лист». Без этих слов исторический документ не существует. Может быть только фальшивка — более или менее грубо сработанная.

Но и это еще не все. Обладатель «допуска номер один» (а также «два» и «три») должен понимать, что *«праворабо*тать *с совершенно секретными документами»* абсолютно не предполагает права ПУБЛИКОВАТЬ секретные документы. Это азбука, которую знает каждый, кто действительно работал с секретными документами. Эта «азбука» состоит из особой закрытой комнаты, секретной тетради с прошитыми и пронумерованными страницами, охраняемого сейфа, в который каждый вечер укладывается эта тетрадь, фельдсвязи, которая только и имеет право переместить ставшую секретной тетрадь из пункта А в пункт Б и так далее. Если документ еще не рассекречен, то любая копия этого документа, любая выписка из него, даже простое упоминание о его существовании открытой публикации не подлежит. Нарушение этого порядка есть уголовное преступление. Всякий обладатель «допуска» расписался в том, что он предупрежден об ответственности за разглашение.

Если же документ уже рассекречен, то он может быть опубликован, но лишь с обязательным

указанием фонда, описи, дела и листа. Это придумано людьми для того, чтобы любой желающий — а по закону (не скажу, что «по жизни») любой гражданин РФ имеет право ознакомиться с любым рассекреченным документом — мог прийти в архив, назвать интересующие его «фонд, опись, дело, лист» и проверить: правильно ли публикатор переписал документ, не забыл ли чего, не добавил ли от себя *«дегенеративные признаки вырождения»*.

Покончив с этим «ликбезом», перейдем к выяснению единственного остающегося вопроса: насколько качественно сделана фальшивка, описывающая пресловутые «переговоры в Мценске»? Вот эти два «документа», сочиненные В. Карповым или теми, кто решил зло подшутить над стариком (на момент публикации В. Карпову было уже далеко за 80 лет):

«Предложения немецкому командованию.

1. С 5 мая 1942 г., начиная с 6 часов, по всей линии фронта прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 г. до 18 часов.

2. Начиная с 1 августа 1942 г. и до 22 декабря 1942 г. германские войска должны отойти на рубежи, обозначенные на схеме № 1. Предлагается установить границу между Германией и СССР по протяженности, обозначенной на схеме № 1.

3. После передислокации армий вооруженные силы СССР к концу 1943 г. готовы будут начать военные действия с германскими вооруженными силами против Англии и США.

4. СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943–1944 годов вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства (схема № 2).

Примечание: *В случае отказа выполнить вышеизложенные требования в п. п. 1 и 2, германские войска будут разгромлены, а германское государство прекратит свое существование на политической карте как таковое.*

Предупредить германское командование об ответственности.

Верховный Главнокомандующий Союза ССР И. СТАЛИН

Москва; Кремль 19 февраля 1942 г.

№ 1/242827февраля 1942 г.

Товарищу СТАЛИНУ

РАПОРТ

В ходе переговоров в Мценске 20–27 февраля 1942 г. с представителем германского командования и начальником персонального штаба рейхсфюрера СС группенфюрером СС Вольфом, германское командование не сочло возможным удовлетворить наши требования.

Нашей стороне было предложено оставить границы до конца 1942 г. по линии фронта как есть, прекратив боевые действия.

Правительство СССР должно незамедлительно покончить с еврейством. Для этого

полагалось бы первоначально отселить всех евреев в район дальнего севера, изолировать, а затем полностью уничтожить. При этом власти будут осуществлять охрану внешнего периметра и жесткий комендантский режим на территории группы лагерей. Вопросами уничтожения (умерщвления) и утилизации трупов еврейского населения будут заниматься сами евреи.

Германское командование не исключает, что мы можем создать единый фронт против Англии и США. После консультаций с Берлином Вольф заявил, что при переустройстве мира, если руководство СССР примет требования германской стороны, возможно, Германия потеснит свои границы на востоке в пользу СССР.

Германское командование в знак таких перемен готово будет поменять цвет свастики на государственном знамени с черного на красный.

При обсуждении позиций по схеме № 2 возникли следующие расхождения:

1. Латинская Америка. Должна принадлежать Германии.

2. Сложное отношение к пониманию «китайской цивилизации». По мнению германского командования, Китай должен стать оккупированной территорией и протекторатом Японской империи.

3. Арабский мир должен быть германским протекторатом на севере Африки.

Таким образом, в результате переговоров следует отметить полное расхождение взглядов и позиций. Представитель германского командования Вольф категорически отрицает возможность разгрома германских вооруженных сил и поражения в войне. По его мнению, война с Россией затянется еще на несколько лет и окончится полной победой Германии. Основной расчет делается на то, что, по их мнению, Россия, утратив силы и ресурсы в войне, вынуждена будет вернуться к переговорам о перемирии, но на более жестких условиях, спустя 2–3 года.

Первый заместитель народного комиссара Внутренних дел СССР

(МЕРКУЛОВ)

Ну что тут сказать? Это даже не фальшивка. Это скорее розыгрыш, глупая шутка, стеб. Авторы текста (еще раз повторю предположение о том, что кто-то злой и неумный подсунул эту писульку Карпову, желая посмеяться над заслуженным, но, увы, уже слишком старым человеком) даже не стараются придать своему сочинению умеренно правдоподобный вид.

«Германское командование в знак таких перемен готово будет поменять цвет свастики на государственном знамени с черного на красный». На третьем году истребительной мировой войны цвет геральдических знаков — это последнее, что могло волновать Сталина и «германское командование». Но в данном конкретном случае предложение и вовсе абсурдное, так как цвет «государственного знамени» (по-русски это называется «государственный флаг») гитлеровской Германии был красным. Красная свастика на красном флаге — это уже откровенный стеб.

Группенфюрер СС Вольф появился в этой истории по той же самой причине, по какой

«Генеральное Соглашение» между НКВД и гестапо «подписал» бригадеНфюрер Мюллер. Авторы фальшивки откровенно издеваются над читателем, знания которого ограничены многократным просмотром легендарного «кино про Штирлица». Если бы авторы фальшивки старались быть убедительными, то они могли бы «назначить» в переговорщики не доживших до капитуляции Германии Гейдриха, Рейхенау, Бока, Моделя, Клюге, повешенных Йодля, Канариса или Кейтеля. Из героев фильма «Семнадцать мгновений весны» вполне сгодились бы отравившийся Гиммлер или казненный в 1946 году по приговору военного суда Кальтенбруннер.

Но вот Карл Вольф на роль участника сверхсекретных переговоров с советским руководством не годится совершенно. По самой простой и очевидной причине — он слишком долго жил и умер через 39 лет после окончания войны. К. Вольф написал мемуары, с ним беседовали десятки историков и журналистов. И если бы в его бурной биографии было хоть что-то, напоминающее переговоры с представителем Сталина, то об этом бы знал не только обладатель «допуска номер один», но и любой американский школьник. В годы «холодной войны» история о том, как Сталин за спиной союзников вел сепаратные переговоры с фашистами, причем в те самые дни, когда американские и английские моряки, доставлявшие военные грузы в Мурманск, гибли в ледяных водах северной Атлантики, стала бы «пропагандистской бомбой» номер один. Но ни о каких «переговорах в Мценске» Вольф никогда никому не говорил.

А чего стоит подпись *«Верховный главнокомандующий Союза ССР»!* У Союза ССР не было «главнокомандующего». И среди множества должностей Сталина такой — не было. Сталин был Верховным главнокомандующим Красной Армии. А также Председателем ГКО, Председателем Совнаркома, Наркомом обороны, Председателем Ставки ВГК, Генеральным секретарем (иногда в документах он писал просто «секретарь») ЦК ВКП(б). Верховный главнокомандующий Красной Армии писал грамотно и четко. Он не мог слепить такие корявые фразы, как *«установить границу по протяженности»* или *«боевые наступательные действия в целях устройства мирового пространства»*.

Это — форма. Содержание еще более маразматично. В Германии был тоталитарный режим. Главой этого режима был Гитлер. Командование вермахта исполняло его единоличные приказы. Вопросы мирового переустройства, дележа Латинской Америки, «китайской цивилизации» и «арабского мира на севере Африки» можно было обсуждать или с Гитлером, или с генералами, принявшими решение свергнуть Гитлера. Третьего тут просто не дано. В гитлеровской Германии не было места для легальной, играющей по конституционным правилам оппозиции.

Для переговоров с Гитлером (или с его доверенными лицами) надо было ехать не в разрушенный прифронтовой Мценск, а в любую из столиц государств, которые под держивали дипломатические отношения и с Германией, и с СССР (София, Стамбул, Стокгольм и пр.). Именно так все дела и делались. В спокойной, комфортной обстановке. В ресторане с хорошей кухней. В прифронтовом городе можно было вести только переговоры с генералами-заговорщиками. Но борьба с «международным еврейством» (на этом пунктике явно свихнулся или составитель фальшивки, или сам Карпов) никогда не была вопросом номер один для командования вермахта. Более того — большая часть этого командования отчетливо понимала опасность и губительность для Германии патологического антисемитизма Гитлера. Впрочем, и сам Гитлер в ходе вполне реальных переговоров с Молотовым в ноябре 1940 г. ни разу не поднял эту тему, и уж тем более — не обсуждал вопрос «утилизации трупов еврейского населения» вместе с проблемами глобального передела мира.

Столь же бредовым является и конкретное содержание «предложений». Хронология

получается такая: с 5 мая до 1 августа 1942 года (причем ровно до 18 часов!) длится «перемирие». Прекрасно. Ачто будет после «18 часов»? *«Начиная с 1 августа 1942 года и по 22 декабря 1942 года германские войска должны отойти на рубеж»*. Продолжается ли при этом «перемирие»? Если да, то почему его срок указан только «до 18 часов 1 августа»? Зачем для «отхода на рубеж» нужно 5 месяцев? В конце сентября 1939 г. происходил развод советских и германских войск на территории разгромленной Польши. Был составлен совместный документ с указанием реальных сроков и рубежей. Темп отвода — 20 км в день. Двадцать. При таком, нормальном, темпе марша за 5 месяцев немцы должны были дойти до Атлантики и утопиться в ней…

Полный апофигей наступает, однако, в «Примечании»:

«В случае отказа выполнить вышеизложенные требования в п. п. 1 и 2 германские войска будут разгромлены, а германское государство прекратит свое существование на политической карте как таковое. Предупредить германское командование об ответственности».

Абсолютно неряшливый слог (*«существование на политической карте как таковое»*). Совершенно абсурдная логика. Если считаешь себя в силах разгромить и уничтожить — разгроми; рвать на груди тельняшку и орать «держите меня семеро» в серьезных переговорах на высоком уровне как-то не принято.

Такой вызывающий тон (да еще и с «предупреждением об ответственности») абсолютно нехарактерен для реальных документов той эпохи. Вот, например, в каких выражениях Германия объявила утром 22 июня 1941 г. войну СССР: *«Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»*. И точка. Это последняя фраза заявления Германского правительства. Никакое *«существование на политической карте»* никогда не обсуждалось.

Стоило ли тратить столько букв на опровержение явной фальшивки? Конечно, нет — если бы эта бредятина с удручающим постоянством не всплывала то в одном, то в другом месте. Совсем недавно на глазах у миллионов телезрителей Первого канала один известный московский театральный режиссер, размахивая какой-то газетенкой, буквально с пеной на губах спешил сообщить публике об этой «исторической сенсации». Бог с ним, с режиссером, — людям такой специальности, видимо, нельзя жить без небольшой «сумасшедшинки». Но почему ведущий телепередачи, многоопытный и эрудированный В. Познер не вызвал санитаров при первом же упоминании о «переговорах в Мценске»?

21–22 июня 2007 г. «Комсомольская правда» с подзаголовком *«Опубликованные в книге В. Карпова «Генералиссимус» копии документов стали самой громкой сенсацией в историографии Великой Отечественной войны»* поместила очередную статью о «переговорах в Мценске». Правды ради надо отметить, что содержание статьи полностью противоречило подзаголовку, и «самая громкая сенсация» была на этот раз признана заурядной фальшивкой. Однако вопрос, вынесенный в название статьи — «Предлагал ли Сталин союз Гитлеру?» — так и остался без ответа. По умолчанию читатель должен предположить, что если «документы» Карпова оказались графоманским бредом, то и никакого союза Сталина с Гитлером не было. Строго говоря, перед нами еще один образец «мозгоимения», только в этом случае гораздо более качественного.

Вопрос о том, предлагал ли Сталин союз Гитлеру, относится к числу риторических. То есть таких вопросов, ответ на который давно и точно известен. В поисках ответа нет никакой нужды лезть под стол в кабинете Сталина, размахивая при этом «допуском номер один». Все гораздо проще. 30 сентября 1939 г. все центральные газеты СССР опубликовали следующий текст заявления министра иностранных дел Германии Риббентропа:

«Мое пребывание в Москве опять было кратким, к сожалению, слишком кратким. В следующий раз я надеюсь пробыть здесь больше. Тем не менее мы хорошо использовали эти два дня. Было выяснено следующее:

1. Германо-советская дружба теперь установлена окончательно.

2. Обе стороны никогда не допустят вмешательство третьих держав в восточно-европейские вопросы.

3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии.

4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».

Для тех, кто родился, вырос и состарился в Новой Зеландии, спешу пояснить, что даже сообщение о новых надоях в колхозе «Красный серп» проходило многоступенчатую строжайшую цензуру прежде, чем появиться на первой полосе газеты «Правда». Текст заявления Риббентропа, в котором от имени «Германии и СССР» прозвучали прямые угрозы в адрес «англо-французских поджигателей войны», был, разумеется, предварительно согласован с советской стороной. Более того — товарищ Сталин был тем единственным человеком, который мог дать разрешение на такую публикацию.

Можно ли считать зловещие намеки Риббентропа документом о союзе Сталина и Гитлера? Конечно, нет. На первой полосе «Правды» появилась лишь самая верхушечка айсберга. Конкретное обсуждение условий создания агрессивного союза четырех тоталитарных государств началось 12–13 ноября 1940 г., в ходе официального визита Молотова в Берлин и его переговоров с Гитлером. После возвращения Молотова в Москву, 25 ноября 1940 г. советский вариант условий создания «оси Рим — Берлин — Москва — Токио» был лично вручен Молотовым послу Германии графу Шуленбургу. Ответом Гитлера было молчание, которое закончилось на рассвете 22 июня 1941 г. Но документ-то остался! И факт наличия этого документа не давал кремлевским правителям спать спокойно, после того как сталинская империя по удивительному и нелепому стечению обстоятельств оказалась участницей «антигитлеровской коалиции демократических стран». Я не шучу, именно так это тогда и называлось.

Сразу после войны по указанию Сталина был создан специальный орган, в разных документах именовавшийся по-разному: «правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу», «комиссия по руководству Нюрнбергским процессом». В состав комиссии были включены такие испытанные «работники правосудия», как заместители Берия товарищи Абакумов, Кобулов и Меркулов. Руководить комиссией было доверено главному сталинскому «правоведу» Вышинскому, навечно прославившему свое имя чеканной формулой: «признание обвиняемого — царица доказательств». Главная цель комиссии состояла в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не допустить в Нюрнберге публичного обсуждения фактов советско-германского сотрудничества 1939–1941 годов. Несмываемым позором на совести руководителей демократических государств остается официально согласованный со Сталиным

перечень вопросов, которые являются *«недопустимыми для обсуждения на суде».* Что же это за «суд», который заранее отказывается от своей обязанности найти и исследовать ВСЕ относящиеся к делу факты и документы?

Впрочем, противоестественный союз демократии (пусть и весьма несовершенной) с тиранией (равной которой не было в истории человечества) не мог быть долгим. В 1948 г. пакет документов, обнаруженных в захваченных западными союзниками архивах германского МИДа, был опубликован в ставшем воистину *«самой громкой сенсацией в историографии войны»* сборнике «Nazi-Soviet Relations» (что можно перевести как «взаимоотношения нацистской Германии и СССР»).

Более сорока лет советские историки гневно обличали эту «наглую выходку буржуазных фальсификаторов». Были исписаны горы книг и защищены сотни диссертаций. Затем, после получения команды «отбой», вторые экземпляры документов обнаружились в советских (ныне — российских) архивах. Так, в Архиве Президента России (АП РФ ф. 3, оп. 64, д. 675, л. 108) сохранился машинописный текст советских условий создания «союза четырех держав», да еще и с собственноручной пометой Молотова: *«Передано г. Шуленбургу мною 25 ноября 1940 г.».* И подпись: В. Молотов.

Вот этот текст подлинного документа (цитируется по сборнику «1941 год. Документы», Книга 1, стр. 417). Конечно, он не такой красивый, как «Генеральное Соглашение о борьбе с рыжими», но, если внимательно вдуматься в его содержание и возможные последствия — гораздо более страшный:

«СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г. Риббентропом в его беседе с В. М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4 пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии (на самом деле выводить было нечего, т. к. первые части вермахта были развернуты на территории Финляндии лишь в июне 1941 г. — *М. С.*), *представляющей сферу влияния СССР согласно советско-германского соглашения 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля).*

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспирации СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4-х держав, представленный г. Риббентропом о разграничении сфер влияния, в духе определения центра тяжести аспирации СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу (немцы предлагали направить территориальные устремления Советского Союза в сторону Индийского океана, Сталин же устами Молотова уточнил, что нефть интересует его

гораздо больше, нежели индийский чай и слоны с изумрудами. — *М. С.*).

Точно так же должен быть изменен изложенный г. Риббентропом проект Протокола-Соглашения между Германией, Италией и СССР и Турцией в духе обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение».

Если политическое, экономическое и военное сотрудничество гитлеровской Германии и сталинского СССР в период 1939–1941 гг. является достоверным фактом, то по вопросу о сепаратных переговорах во время советско-германской войны остается лишь строить очень зыбкие гипотезы. Документального материала для построения какой-либо обоснованной версии событий крайне мало. Попробуем кратко суммировать имеющиеся крохи информации.

Первое. Ни в архивах разгромленного Третьего рейха, ни в свидетельских показаниях представших перед судом главарей гитлеровского режима, ни в мемуарах тех, кто смог пережить «первую волну» возмездия (худо-бедно, но только по приговорам военных трибуналов было казнено 480 фашистов), нет никаких сведений о реально состоявшихся сепаратных советско-германских переговорах. Это серьезный аргумент в пользу того, что если что-то и было, то дальше предварительного зондажа намерений сторон это «что-то» не продвинулось.

Второе. Есть вполне достоверный документ: «Объяснительная записка П. А. Судоплатова в Совет Министров СССР от 7 августа 1953 г.» (хранится в Архиве Президента РФ, ф. 3, оп. 24, д. 465, лл. 204–208). Под «достоверностью» документа в данном случае я понимаю исключительно и только достоверность факта существования самих пожелтевших машинописных страниц — но ни в коем случае не доказанную достоверность содержания.

Второе. Есть вполне достоверный документ: «Объяснительная записка П. А. Судоплатова в Совет Министров СССР от 7 августа 1953 г.» (хранится в Архиве Президента РФ, ф. 3, оп. 24, д. 465, лл. 204–208). Под «достоверностью» документа в данном случае я понимаю исключительно и только достоверность факта существования самих пожелтевших машинописных страниц — но ни в коем случае не доказанную достоверность содержания.

Даже самый короткий рассказ о том, кто такой П. А. Судоплатов, займет половину этой главы. Поэтому ограничимся простым определением: Очень Крупный Чекист. Человек с биографией, превосходящей любой авантюрный роман. Если Судоплатов и использовал когда-нибудь выражение «сказать правду», то едва ли он понимал его так, как большинство обычных людей. «Объяснительная записка» Судоплатова появилась в рамках расследования уголовного дела Л. Берия. Для Судоплатова Лаврентий Берия был личным врагом. Правда, в конечном итоге Судоплатова в тюрьму на долгие годы отправил не Берия, а Хрущев… С учетом всех этих обстоятельств прочитаем несколько первых абзацев документа:

«Докладываю о следующем известном мне факте.

Через несколько дней после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, примерно числа 25–27 июня 1941 года, я был вызван в служебный кабинет бывшего тогда

народного комиссара внутренних дел СССР Берия. Берия сказал мне, что есть решение Советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным путем выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление немецко-фашистских войск. Берия объяснил мне, что это решение Советского правительства имеет целью создать условия, позволяющие Советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил. В этой связи Берия приказал мне встретиться с болгарским послом в СССР Стаменовым, который, по сведениям НКВД СССР, имел связи с немцами и был им хорошо известен (дальше в опубликованном тексте «Записки» идет многоточие. — *М. С.*).

Берия приказал мне поставить в беседе со Стаменовым четыре вопроса. Вопросы эти Берия перечислял, глядя в свою записную книжку, и они сводились к следующему:

1. Почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР;

2. Что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны;

3. Устроит ли немцев передача Германии таких советских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек;

4. Если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует.

Берия приказал мне, чтобы разговор со Стаменовымя вел не от имени Советского правительства, а поставил эти вопросы в процессе беседы на тему о создавшейся военной и политической обстановке и выяснил также мнение Стаменова по существу этих четырех вопросов».

Далее идет подробное изложение обстоятельств подготовки и проведения встречи, которая состоялась в ресторане «Арагви» в Москве. После этого Судоплатов пишет:

«Некоторое время продолжалось наблюдение за шифрованной перепиской Стаменова. Результатов это не дало. Однако это не исключает, что Стаменов мог сообщить об этой беседе через дипломатическую почту или дипломатическую связь тех посольств и миссий, страны которых к тому времени еще не участвовали в войне. Больше никаких указаний, связанных с этим делом или с использованием Стаменова, я не получал. Встречался ли лично Берия со Стаменовым, мне неизвестно. Мне организация подобной встречи не поручалась…»

Это — зондаж возможного мирного соглашения. Так как в тот момент Советский Союз юридически еще не был союзником Англии и США, то термин «сепаратный мир» в данном случае неуместен. Судя по известной на сей день информации, дальше осторожного зондажа дело тогда не продвинулось.

Третье. Доподлинно известно, что осенью 1941 г. Сталин шантажировал западных союзников возможностью заключения сепаратного мира с немцами. У. Черчилль в своей многотомной «Истории Второй мировой войны» приводит текст письма, которое прислал ему товарищ Сталин 3 сентября 1941 года: *«Без этих двух видов помощи* (речь шла о высадке англичан во Францию и о поставках в СССР 400 самолетов и 500 танков ежемесячно. — *М. С.*) *Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом…»* Никакого другого смысла, кроме угрозы заключить сепаратный мир с Гитлером, эта фраза иметь не могла.

Четвертое. Доподлинно известно, что первая встреча «Большой тройки» (Рузвельт, Сталин, Черчилль) состоялась лишь в декабре 1943 года (в Тегеране). Получается, что два с половиной года (!!!) «союзники» союзничали, таки не заключив никакого конкретного соглашения о целях войны, задачах сторон и будущем устройстве Европы. И это очень странно. Переписка Сталина и Рузвельта, посвященная подготовке встречи «Большой тройки», опубликована давным-давно (еще в «годы застоя»). Никаких сомнений в достоверности публикации ни в США, ни в СССР не высказывалось. Так вот, из этой переписки следует, что на протяжении всего 1943 года Сталин оттягивал проведение встречи как только мог. Почему? Не был ли этот, затянувшийся на два с половиной года, фактический отказ от заключения всеобъемлющего договора с союзниками проявлением желания Сталина «держать дверь открытой» на случай заключения сепаратной сделки с Гитлером? Не знаю. И никто этого не знает, но вопросы остаются…

Глава 3

Снег в июне, или К вопросу о «еб-ной матери»

Теперь от фальсификаций, сработанных на самом примитивном, любительском уровне, перейдем к эпизоду, связанному с дискуссией вокруг «дезы», изготовленной профессионалами тайной войны.

На рубеже 80–90-х годов наших историков-публицистов, что называется, «прорвало». Галдя и толкая друг друга локтями, вчерашние труженики отдела агитации и пропаганды кинулись открывать народу глаза и разглашать Страшную Военную Тайну. Эта «страшная тайна» (смею предположить — заблаговременно подготовленная в управлении контр пропаганды более серьезной, нежели горком КПСС, конторы) сводилась, в сущности, к одному тезису — к «догмату о неготовности». С горестным всхлипыванием нам начали рассказывать о том, что великие достижения сталинской индустриализации, сверкающие блеском стали танки и застилающие небо над Красной площадью армады самолетов — это все блеф, мираж, наваждение. Что-то вроде стахановских рекордов и изобильных колхозных урожаев. А на самом деле… А на самом деле ничего-то у нас и не было. И воевать-то было нечем. Самолеты фанерные, танки «безнадежно устаревшие», ДОСы недостроенные, одна винтовка на двоих.

Была даже выпущена книжка (в целом очень неплохая, с большим количеством рассекреченных документов) с весьма характерным для того времени названием: «Скрытая правда войны» («Русская книга». М., 1992 г., сост. П. Н. Кнышевский). В частности, из приведенной в книге таблицы *«Обеспеченность механизированных корпусов Красной Армии боеприпасами по состоянию на 15 июня 1941 г.»* каждый интересующийся мог узнать, что *«152-мм выстрелами к танковым пушкам»* («снаряд» — это то, что вылетает из дула орудия; все вместе, т. е. снаряд, взрыватель, метательный заряд, называется в артиллерии «выстрелом») мехкорпуса были обеспечены в целом на 10 %, а мехкорпуса Западного Особого военного округа — на 0 %. Ноль, товарищи дорогие, голый ноль. Чем воевать? Камнями и палками? Что толку от таких мехкорпусов, если им стрелять нечем?

Страшное дело. Чтобы и впредь не оказаться в положении жертвы «мозгоимения», научитесь, уважаемый читатель, задавать ДВА ЗОЛОТЫХ ВОПРОСА:

Первый. Мало — по сравнению с чем?

Второй. Проценты — отчего?

И все у нас получится.

С кем 15 июня 1941 г. собиралась воевать Красная Армия в целом и ее мехкорпуса в частности? С марсианами? Ах, с немцами… Так давайте с немцами и сравнивать «обеспеченность 152-мм выстрелами к танковым пушкам». Само собой, 152-мм выстрелов в немецких танковых дивизиях быть не могло. В вермахте были приняты калибры 105 мм и 150 мм. Так вот, сколько 150-мм выстрелов к танковым пушкам было в вермахте по состоянию на 15 июня 1941 года? Докладываю — ноль целых, хрен десятых. Источник информации? Никакого источника в данном случае не надо. В июне 41-го на вооружении вермахта не было ни одного танка, вооруженного орудием калибра 150 мм или «хотя бы» 105-мм. Да и танки Pz-IV, вооруженные 75-мм пушкой, составляли всего лишь 14 % от общего танкового парка. И до самого конца войны серийных танков с орудиями 6-дюймового калибра в Германии не появилось. Скажу больше — в начале XXI века на вооружении бундесвера нет ни одного типа танков (прошу не путать танк с самоходным орудием), во вращающейся башне которых размещалось бы орудие калибра более 120 мм.

Разместив во вращающейся (т. е. сложной по конструкции и создающей огромные компоновочные проблемы) башне танка КВ-2 гаубицу калибра 152-мм, советские инженеры решили техническую задачу исключительной сложности. Про такие чудо-танки не говорят «мало». Даже два танка КВ-2 — это больше, чем было танков с 6-дюймовой гаубицей во всех армиях мира вместе взятых. Но у нас их было не два, а значительно больше. Всего до конца июня 1941 г. было выпущено 213 танков КВ-2.

Теперь о процентах и боеприпасах. Что имели в виду составители таблицы в сборнике «Скрытая правда войны» — понять решительно невозможно. Никаких пояснений к своей таблице и загадочным процентам они не дают. Цифра обеспеченности ВСЕХ мехкорпусов 152-мм выстрелами к танковым пушкам — это еще смешнее, чем знаменитая «средняя температура по больнице». В июне 41-го лишь восемь (из 29) мехкорпусов имели на вооружении танки КВ в заметных (более 10 единиц) количествах.

Во всем Западном Особом военном округе был один мех-корпус (из шести), на вооружении которого были танки КВ-2 в количестве 22 единицы. Но самое главное заключается в другом. Танк КВ-2 был вооружен не какой-то уникальной, а почти стандартной (танковый вариант отличался от орудия полевой артиллерии чуть укороченным стволом) 152 мм гаубицей М-10 «образца 1938 г.». Боеприпасы для этой артсистемы производились в огромных количествах. Конкретно: 2642 тыс. выстрелов к началу войны было в наличии, 925 тыс. выстрелов было поставлено в войска во втором полугодии 1941 года. Боекомплект одного танка КВ-2 составлял 36 (тридцать шесть) выстрелов. Пять боекомплектов на все 213 танков — это «жалкие» 38,3 тыс. выстрелов.

Полтора процента от общего запаса гаубичных выстрелов 152-мм калибра. Было чем воевать… Остается предположить (еще раз повторю, что составители «страшной таблицы» не объяснили — проценты чего от чего они считают), что цифра 0 % применительно к Западному ОВО обозначает всего лишь отсутствие специальных бетонобойных и морских (это не опечатка!) бронебойных снарядов к танковой 152-мм гаубице.

Дело в том, что танк КВ-2 создавался как «танк прорыва укрепленных полос». Предполагалось использовать его в наступлении для уничтожения бетонных ДОТов и бронеколпаков. Для борьбы с последними и планировалось использование «морской бронебойной гранаты» (в корабельной артиллерии этот боеприпас должен был пробить броневую палубу и взорваться внутри вражеского судна). Утром 22 июня 1941 г. вся эта «экзотика» стала абсолютно

ненужной, так как войскам Западного округа (равно, как и всем прочим) предстояло воевать на собственной территории, т. е. там, где вражеских бетонных ДОТов не могло быть по определению. Главной (если не сказать — единственной) задачей, которую мог решать сверхтяжелый танк КВ-2 в обороне, — это борьба с пехотой противника, для чего стандартный 152-мм осколочно-фугасный снаряд годился как нельзя лучше…

Вернемся, однако же, к вопросу, вынесенному в название данной главы. Важнейшим элементом внезапно обнаружившейся «неготовности» Советского Союза к войне было объявлено отсутствие начальника. То есть начальник-то был, но для серьезного дела он совершенно не годился. Скрытая «правда» войны, оказывается, состоит в том, что товарищ Сталин был не доверчивый, а супердоверчивый. Наивный и глупый. Такого любой обманет. Воспитанница института благородных девиц, краснеющая при виде голых лошадей на улице, может считаться «гением злодейства» по сравнению с простодушным товарищем Сталиным. Оказывается, Сталин любовно разглядывал подпись Риббентропа под Пактом о ненападении, вместо того чтобы приказать привести войска в «состояние полной готовности»…

Вы думаете, уважаемый читатель, что я шучу, ерничаю, грубо преувеличиваю? Если бы… Для пущей важности был вызван «иностранный консультант». Израильский профессор Г. Городецкий (он, к слову говоря, урожденный израильтянин, а не репатриант из бывшего СССР) вполне оправдал оказанное ему высокое доверие. В книге с восхитительным названием «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии» товарищ Городецкий (язык не поворачивается назвать его «господином») как дважды два доказал, что

«…Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки… Сталин не разрешил военным приступить к осуществлению планов обороны… Сталин оставался глух к просьбам Жукова приступить к осуществлению планов развертывания… Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением… Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован…»

В предисловии к своему сочинению Г. Городецкий с гордостью пишет: *«Ценой неимоверных усилий я добился доступа к огромному количеству архивных источников».* Вона как! Не иначе как получил товарищ Городецкий на пару с писателем

В. Карповым заветный «допуск номер один». Только с таким «допуском» можно было добраться до информации о том, что в 41-м году *«зима в Москве необычайно долго затянулась, и даже во вторую неделю июня выпал снег».* Я не шучу. Я цитирую. См. страницу 345.

Немногим уступали «иностранному консультанту» и местные кадры. Один товарищ написал дословно следующее:

«…Ожидая в случае войны скорого поражения, а для себя лично — гибели, Сталин, вероятно, счел сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготовиться к бою вовремя… Сознавая близость нападения, Сталин не развернул армию, не привел ее в боевую готовность, подставив ее под бомбы — спящую в казармах, с накрытыми брезентом самолетами… В первые дни войны он выпустил из рук руководство совершенно не принимая участия ни в каких делах…»

Досталось в эпоху вскрытия «скрытой тайны войны» и злейшему сталинскому «сатрапу» Лаврентию Берия. Из публикации в публикацию запорхала следующая дурно пахнущая «утка»:

«...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР... То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет».

Этот бред под названием «Докладная записка Л. П. Берия от 21 июня 1941 г.» запустил в обращение известный писатель и киносценарист О. Горчаков. Кое-какие правильные слова писатель Горчаков знал, поэтому украсил свой опус такой фразой: *«На старой папке, где хранятся эти донесения, выцветшими фиолетовыми чернилами пронумерован фонд, опись, дело».* Вот и отлично, вот и замечательно — огласите, товарищ писатель, конкретные номера «фонда, описи и дела». Но этого Горчаков, разумеется, не сделал. Что не случайно — так называемая «Докладная записка Берия» является стопроцентной фальшивкой.

К настоящему времени опубликованы сотни донесений советской разведки, адресованных Сталину. Некоторые из них подписал Л. Берия. В них никогда не используется обращение «Йосиф Виссарионович», там абсолютно немыслимо появление выражений типа «Ваше мудрое предначертание», «тупой генерал Тупиков» и прочая дешевая бульварщина. Категорических выводов вроде *«в 1941 году Гитлер на нас не нападет»* никто никогда не делает. Уточнение про должность генерала Туликова («военный атташе в Берлине») сделано исключительно и только для будущих читателей фальшивки — Сталин обладал феноменальной памятью и уж фамилии своих представителей в Берлине знал наизусть. «Записка Л. Берия» представляет собой очень грубую, топорно сработанную компиляцию типовых мифов и сплетен перестроечной «скрытой правды войны». И что же — по сей день эта «утка» полна бодрости и сил. Поисковая система в Интернете с ходу выдала мне 271 документ, в котором на полном серьезе говорится о записке с «мудрым предначертанием». Один из «документов» — это большая статья, подписанная генералом армии Квашниным (на тот момент — начальником Генштаба российской армии) и президентом Академии военных наук (!!!), генералом армии Гареевым...

Вот на эту-то, обильно унавоженную почву и упал РЕАЛЬНЫЙ документ. ФСБ РФ рассекретило и со ссылкой на Архив Президента (АП РФ, ф. 3, оп. 50, д. 415, л. 50–52) опубликовало *«Сообщение НКГБ СССР И. В. Сталину и В. М. Молотову № 2279/м»* от 17 июня 1941 года. «Источник», работающий в штабе германской авиации, сообщал о том, что *«все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».*

Сталин собственноручно начертал на этом документе следующую резолюцию (воспроизвожу с точным соблюдением орфографии оригинала): *«Т-щу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба герм, авиации к еб-ной матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.».*

Вот на эту-то, обильно унавоженную почву и упал РЕАЛЬНЫЙ документ. ФСБ РФ рассекретило и со ссылкой на Архив Президента (АП РФ, ф. 3, оп. 50, д. 415, л. 50–52) опубликовало *«Сообщение НКГБ СССР И. В. Сталину и В. М. Молотову № 2279/м»* от 17 июня 1941 года. «Источник», работающий в штабе германской авиации, сообщал о том, что *«все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».*

Сталин собственноручно начертал на этом документе следующую резолюцию (воспроизвожу с

точным соблюдением орфографии оригинала): *«Т-щу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба герм, авиации к еб-ной матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.».*

Ах, какой тут был скандал! Из журнала в журнал, из книги в книгу перелетала эта злосчастная резолюция — как пример вопиющей тупости (или патологической наивности) Сталина. Еще бы, ему дураку докладывают про близящееся нападение, а он… Как там было у незабвенного М. Е. Салтыкова-Щедрина? *«Но Дунька отвечала невежеством…»* Удивительно, но даже пламенные сталинолюбы в этой ситуации стыдливо опустили очи долу и не заступились за своего поверженного кумира.

Я не люблю Сталина, и это самое мягкое выражение, в котором я могу выразить свои чувства. Однако не могу не признать, что в данном конкретном случае товарищ Сталин был не прав только в одном: негоже руководителю государства опускаться до использования подзаборных выражений.

По сути же дела Сталин был абсолютно прав: дезинформация была настолько издевательски-прозрачна, что в ее оценке (равно как и в оценке некомпетентности «т-ща Меркулова») трудно было удержаться от резких слов.

Вот полный текст сообщения (каковой текст, видимо, ни один перестроечный журналист так и не удосужился прочитать дальше первой фразы):

«Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены: в Кенигсберге, Гдыне, Грауденц, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича в Польше, в Варшаве — Очачи и особо важные в Хейлигенкейль».

У товарища Сталина были очень веские основания не верить в то, что по состоянию на 17 июня 1941 г. *«все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены».* Это серьезная тема, ее не надо комкать, и мы подробно обсудим ее в следующей главе. Пункт 4, как сегодня доподлинно известно, является явной дезинформацией. Никаких немецких истребителей на венгерских аэродромах не было, более того, немцам пришлось приложить значительные усилия, включающие в себя провокационную инсценировку бомбардировки советскими самолетами Кошице и Мукачево (на тот момент эти города под названием Касса и Мункач находились на венгерской территории), для того, чтобы втянуть Венгрию в войну. В июне 1941 г. регент Венгрии адмирал Хорти противился этому, как

только мог. Однако самым, на мой взгляд, важным содержанием дезинформационного сообщения был пункт 3. Самым важным он является потому, что в пункте 3 речь идет уже о совершенно конкретных вещах. И эта конкретика с неизбежностью выдает дезинформатора.

Сталин прекрасно понимал, что «авторемонтные мастерские в Москве» и электростанция в Карелии («Свирь-3») не могут стать объектами первого удара люфтваффе. Нарком госбезопасности Меркулов тоже обязан был обладать неким минимальным набором познаний в области теории и практики применения боевой авиации, позволяющим понять абсурдность (в данном случае — преднамеренную лживость) этого утверждения. Так что возмущение Сталина было вполне оправданным.

От аэродромов немецкой бомбардировочной авиации на территории оккупированной Польши до Москвы — более тысячи километров в один конец. Такое же расстояние отделяло и аэродромы Восточной Пруссии от реки Свирь. Теоретически «Юнкере» Ju-88 или «Хейнкель» He-111 могли совершить такой дальний рейд, но лишь с минимальной бомбовой нагрузкой и, что самое главное, безо всякого истребительного сопровождения. Крейсерская (не путать с максимальной) скорость этих самолетов составляла порядка 350 км/час. Другими словами, им предстояло провести без истребительного прикрытия шесть долгих часов в воздухе над территорией противника, система ПВО которого еще не подавлена — речь ведь идет о первом ударе! Само собой, каждый гитлеровский сокол обязан был отдать жизнь «за фюрера и фатерлянд», но чего ради было организовывать такое коллективное самоубийство?

В реальности первый налет немецкой авиации на Москву был осуществлен только через месяц после начала войны, в ночь на 22 июля. Фронт к тому времени проходил в районе Ярцево — Ельня, в 300 км от центра Москвы. Теоретически это позволяло прикрыть немецкие бомбардировщики истребителями (если и не на всем, то на большей части маршрута), но, учитывая огромную концентрацию сил советской истребительной авиации (в системе ПВО Москвы к 22 июля было 29 истребительных авиаполков, на вооружении которых было 585 истребителей — примерно столько же, сколько у немцев на всем Восточном фронте), командование люфтваффе так и не решилось на проведение дневных налетов. С 22 июля по 15 августа на Москву было произведено 18 ночных налетов. По данным советских постов воздушного наблюдения, всего (т. е. за три недели) было зафиксировано 1700 самолетопролетов, но к столице смогло прорваться лишь порядка 70 вражеских бомбардировщиков.

Задачу предстоящего воздушного наступления на Москву Гитлер лично сформулировал 14 июля следующим образом: *«Нанести удар по центру большевистского сопротивления и воспрепятствовать организованной эвакуации русского правительственного аппарата».* Как видим, ни *«авторемонтные мастерские»*, ни даже *«заводы, производящие отдельные части к самолетам»*, не вошли в перечень приоритетных объектов. И это не случайно — в середине июля Гитлер и его генералы не собирались ломать и портить советские заводы. Они рассчитывали на то, что последнюю треть пути от Бреста до Москвы им удастся преодолеть в том же темпе, в каком были пройдены первые две трети. Планировался и осуществлялся «блицкриг», беспощадное стремительное сокрушение армии противника, а вовсе не «война на истощение», в рамках которой только и имели бы смысл авианалеты на заводы, производящие *«электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки».*

Объектом первого авиаудара могли стать — и стали в реальности — отнюдь не автомастерские в глубоком тылу. Гадать об этом не приходилось: перед глазами Сталина был практический опыт немецкого «блицкрига» во Франции (с этим опытом знакомились сразу из двух источников, так как Москва продолжала поддерживать нормальные дипломатические отношения и с Берлином, и с Виши) и оперативные планы командования ВВС Красной Армии.

И что же в них было написано? А вот что:

«…Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и боевыми действиями в воздухе уничтожить авиацию противника. Завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам, мостам и перегонам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника…»

Эти стандартные фразы присутствуют в планах прикрытия всех без исключения западных округов. Могли план действия немецкой авиации существенно отличаться от этого «стандарта», вполне подтвержденного практикой воздушной войны на Западном фронте? Мог, но только в одну сторону — в сторону еще большей концентрации всех (или почти всех) сил и средств на решение одной, ключевой задачи. Этой задачей было завоевание превосходства в воздухе, и в частности — удар по аэродромам базирования советской истребительной авиации, как один из способов решения главной задачи. Ни на что другое в первые дни и часы войны командование люфтваффе не могло отвлекаться — ни на бессмысленные бомбардировки московских автосервисов, ни даже на абсолютно необходимые действия по авиационной поддержке наземных войск и разрушению мостов, переправ, железнодорожных станций в оперативном тылу Красной Армии (на современном языке это называется «изоляция ТВД»).

Сталин это прекрасно понимал. Именно поэтому неуклюжая попытка обмануть его нелепым сообщением о том, что «объектом налетов германской авиации в первую очередь явится электростанция «Свирь-3», вывела из себя этого обычно крайне сдержанного в выражениях человека. А вот современные российские «историки» и журналисты ситуацию не понимают. Почему? Здесь мы встречаемся с весьма примечательным примером того, как «единожды совравшим» приходится врать все дальше и все больше.

Десятки лет ОНИ рассказывали нам про «многократное численное превосходство» немецкой авиации, «безнадежно устаревшие фанерные истребители» и советских летчиков, налетавших к началу войны всего 6 часов учебных разворотов «по коробочке». Несметная туча черных воронов с одной стороны — и желторотые птенцы с другой. Вы думаете, я преувеличиваю? Нет, я в очередной раз цитирую, на этот раз — мемуары одного советского флотоводца:

«…Могучие лучи прожекторов разрезали безоблачное звёздное небо и закачались маятниками, ощупывая небосвод, по которому, нарастая с каждой секундой, разливался монотонный гул. Наконец, со стороны моря появилась устрашающая армада низко летящих самолётов. Их бескрайние вороньи ряды поочередно проносились вдоль Северной бухты… Мрачные силуэты неизвестных еще бомбардировщиков то вспыхивали в лучах прожекторов, то пропадали в пустоте неба…»

Единственным словом правды в этом описании первого налета немецкой авиации на Севастополь является слово «поочередно». Ранним утром 22 июня 1941 г. в налете на главную базу Черноморского флота приняло участие 4 (четыре) немецких бомбардировщика «Хейнкель» Не-111. Самолеты выходили на цель по одному, с большими временными интервалами (15–25 минут) и сбрасывали донные магнитные мины на парашютах. Всего было сброшено 8 (восемь) мин, причем весьма неточно: три мины взорвались на суше, две упали на мелководье и автоматически подорвались. Запись в Журнале боевых действий и свидетельства многих участников событий говорят о том, что один бомбардировщик был сбит и упал в море, однако, судя по немецким данным, безвозвратных потерь при налете на Севастополь не было.

На фоне «бесконечных вороньих рядов» предположение о том, что немцы могли позволить себе такую неоправданную «роскошь», как авианалеты на электростанцию в Карелии в первый день

войны, не казалось столь абсурдным, каким оно является на самом деле. Но товарищ Сталин знал численность и боевые возможности своей авиации не от журналистов. Имело некоторое представление о реальной численности противника и командование люфтваффе. Простая арифметика неумолимо свидетельствовала о том, что ситуация для немцев была практически безнадежной. Сил было крайне мало. Мало по сравнению с численностью авиации противника (т. е. советских ВВС), мало по сравнению с любыми теоретическими нормативами, мало по сравнению с опытом проведения прежних кампаний.

В мае 1940 г. немцам удалось сосредоточить на Западном фронте самую большую группировку сил люфтваффе за все время Второй мировой войны. Наступление вермахта на фронте протяженностью в 300 км по прямой (от Арнема до Саарбрюкена) с воздуха поддерживал группировка авиации, в составе которых насчитывалось 27 истребительных и 40 бомбардировочных авиагрупп, 9 групп пикировщиков Ju-87 и 9 групп многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего 85 групп, 3641 боевой самолет. Оперативная плотность — 12 боевых самолетов на километр фронта наступления.

22 июня 1941 г. на Восточном фронте было сосредоточено (даже с учетом частей люфтваффе, дислоцированных в северной Норвегии и в Румынии) 22 истребительные и 29 бомбардировочных авиагрупп, 8 групп пикировщиков Ju-87 и 4 группы многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего 63 группы, на вооружении которых числилось порядка 2350 боевых самолетов (включая неисправные). После предшествующих многомесячных боев в небе над Англией, Балканами и Средиземным морем техническое состояние самолетного парка люфтваффе было удручающим. Средний процент боеготовых самолетов составлял 77 %. Такие авиагруппы, как II/JG-77, III/JG-27,1/StG-2, II/KG-53, III/KG-3,1/ZG-26, прибыли на Восточный фронт, имея на вооружении менее половины штатного числа исправных самолетов.

В июне 41-го минимальная протяженность фронта наступления в первый день войны составляла 800 км по прямой (от Клайпеды до Самбора). Уже через две недели ширина фронта увеличилась почти в два раза (1400 км по прямой от Риги до Одессы). Даже без учета потерь первых дней войны средняя оперативная плотность немецкой авиации снизилась до 2 самолетов на километр фронта наступления (опять же — включая неисправные). К этому остается только добавить, что по предвоенным представлениям советской военной науки фронтовая наступательная операция требовала создания плотностей в 20–25 самолетов на километр.

В среднем по числу летчиков-истребителей (с учетом ВВС Черноморского и Балтийского флотов) советская авиация имела четырехкратное превосходство над противником (расчет по числу самолетов-истребителей приводит к еще большим цифрам, так как во многих истребительных полках советских ВВС самолетов было в 1,5–2 раза больше, чем летчиков). На северном и южном флангах огромного фронта (т. е. в Прибалтике и на Украине) численное превосходство советской истребительной авиации было просто подавляющим: 7 к 1 в полосе наступления немецкой группы армий «Север» и 5 к 1 в полосе наступления группы армий «Юг».

В такой ситуации у командования люфтваффе оставался единственный шанс, оставляющий некоторую надежду на успех. Немцы были вынуждены прибегнуть к такому рискованному и затратному тактическому приему, как массированный удар по аэродромам базирования советских истребителей. Еще раз подчеркнем — это был вынужденный шаг, чреватый огромными потерями, но других шансов у немцев просто не было, и в этот первый удар они вложили все свои силы. Точные цифры мне неизвестны, но считается, что 22 июня немцы выполнили порядка 2000–2500 вылетов для ударов по аэродромам (сравните это с 1700 вылетов на бомбардировку Москвы в течение трех недель!).

Покончив с этим, в сущности малозначащим, вопросом о «еб-ной матери», перейдем к вопросу гораздо более важному. Речь пойдет об источниках информации, которая была в распоряжении Генерального штаба Красной Армии накануне войны.

Начиная с эпохи Хрущева и вплоть до сегодняшнего дня излюбленным сюжетом фальсификаторов истории (думаю, что пора вернуть воспитанникам КПСС/КГБ придуманный ими термин) являются рассказы про то, как вездесущая советская разведка добывала пудами секретные документы немецкого командования, а глупый (или наивный, или смертельно перепуганный, или «самообманутый», по версии Г. Городецкого) Сталин их и слушать не хотел. Разумеется, эта вакханалия лжи усилилась в последние 10–15 лет. Складывается впечатление, что идейные наследники «т-ща Меркулова» решили задним числом отомстить Сталину за проявленное к ним неуважение, а заодно и повысить «рейтинг» своей несколько поблекшей в августе 1991 г. конторы.

Так, в 1995 году ФСБ выпустила в свет сборник документов под ошеломляющим названием «Секреты Гитлера на столе у Сталина». Одним из первых «секретов», с которых начинается этот сборник, был украшенный всеми необходимыми грифами секретности и надписями типа «Юстас — Алексу» отчет о пресс-конференции министра иностранных дел Англии. С неменьшим успехом на стол Сталина можно было положить любую лондонскую газету с материалами этой пресс-конференции и машинописный листочек с переводом текста… Читали ли сами составители сборника свою книгу? Скорее всего — да, так как в предисловии они мелким шрифтом признаются в том, что помпезное название сборника не имеет ничего общего с его содержанием:

«…информация о военных приготовлениях [Германии] *не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий…»*

Правильный ответ начинается с правильного вопроса.

Если под «секретами Гитлера» понимать информацию о том, что бесноватый «фюрер» ненавидит коммунистов, одержим агрессивным бредом «исключительности арийской расы» и вынашивает планы расширения «жизненного пространства» Германии за счет земель ее восточных славянских соседей, то такие секреты можно было прочитать в любой нацистской газете. Если под «военными планами» понимать слухи о возможном в скором будущем повороте острия гитлеровской агрессии на Восток, то весной 1941 года об этом писали газеты и шептались дипломаты всего мира. Но для целей оперативного планирования будущих боевых действий командованию Красной Армии нужны были не слухи, а точные и, что самое главное, подтвержденные документами ответы на вопросы: «Когда? Где? Какими силами?» Эту задачу — да, несомненно, более сложную, нежели сбор сплетен на дипломатических раутах — советская разведка решить не смогла.

Такой неутешительный вывод находит свое точное подтверждение в рассекреченных и опубликованных в 1992–1998 гг. планах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР.

С августа 1940 г. по март 1941 г. каждый из известных ныне вариантов Большого Плана содержит во первых своих строках следующую фразу: *«Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб КА не располагает»*. В последнем из доступных ныне вариантов плана стратегического

развертывания (датируется как «не ранее 15 мая») этой печальной фразы нет. Нет там, к сожалению, и обратного — утверждения о наличии «документальных данных об оперативных планах противника». Более того, имеющаяся в майском варианте оценка вероятных действий противника явно свидетельствует об успехе дезинформационных мероприятий гитлеровских спецслужб:

«Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от Демблин для нанесения удара в направлении Ковель — Ровно — Киев. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться ударом на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также короткими, концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи».

Предположение глубоко ошибочное. Главный удар «главными силами немецкой армии» (что сегодня должно быть известно каждому школьнику старших классов) был нанесен не на Украине, а в центре Восточного фронта, по линии Минск — Смоленск. При этом от Сувалки и Бреста наносились не «короткие удары» на Волковыск, Барановичи, а основные удары силами двух самых мощных танковых групп вермахта (3-я ТГр Гота и 2-я ТГр Гудериана), причем на значительно большую глубину и в других направлениях, с задачей осуществления глубокого охвата и окружения всей группировки советских войск в Белоруссии. О том, какие «секреты Гитлера» были на столе у Сталина, достаточно наглядно свидетельствует тот факт, что именно 4-я армия Западного фронта, расположенная на Брестском направлении (т. е. на острие главного удара вермахта), оказалась той единственной (!!!) армией первого эшелона Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов, в составе которой не было артиллерийской противотанковой бригады.

Немецкое командование, конечно же, понимало, что скрыть концентрацию 3-миллионной армии у западных границ СССР не удастся, поэтому стремилось ввести советскую разведку и высшее командование Красной Армии в заблуждение относительно конкретных планов использования этой группировки. Одной из составляющих тщательно разработанного, многозвенного и многоуровневого плана дезинформационных мероприятий была организованная «утечка информации» о том, что главные удары вермахт нанесет на крайнем северном и крайнем южном флангах Восточного фронта, т. е. из Восточной Пруссии (или даже из Финляндии) и из Румынии. Элементом продуманной дезинформации был и поток самых разных «дат начала войны», который должен был в конечном итоге дезориентировать руководство советской разведки.

Вот один из характерных примеров. Маршал Г. К. Жуков (накануне войны — начальник Генштаба Красной Армии) в своих мемуарах пишет:

«… 6 мая 1941 года И. В. Сталину направил записку народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов: «Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит:…что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах…»

Ни одного слова правды в этом сообщении нет. Перед нами вполне стандартная для весны 1941 г. германская «деза» — главный удар на флангах, мощные налеты на Москву, заведомо неверная дата начала вторжения. Но что самое примечательное — даже через много лет после окончания войны Жуков или не способен понять, что перед ним была немецкая фальшивка, или откровенно морочит голову несведущим читателям, утверждая, что *«данные, изложенные*

в этом документе, имели исключительную ценность. Однако выводы адмирала Н. Г. Кузнецова не соответствовали приводимым им же фактам и дезинформировали И. В. Сталина. «Полагаю, — говорилось в записке Н. Г. Кузнецова, — что сведения являются ложными (так точно. — *М. С.*) *и специально направлены по этому руслу* (вполне возможно. — *М. С.*) *с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР…».*

Другой частью кампании дезинформации были настойчиво распространяемые в дипломатических, журналистских и военных кругах слухи о том, что Гитлер намерен предъявить Сталину какие-то новые, значительно более жесткие требования по поставкам сырья и продовольствия в Германию, вплоть до «аренды Украины и нефтепромыслов Баку». Концентрация немецких войск на востоке при этом трактовалась как инструмент психологического давления. Распространяя такие слухи, немецкие спецслужбы стремились внушить Сталину представление о том, что война начнется не внезапным сокрушительным ударом, а долгим периодом дипломатической напряженности, предъявлением «ультиматума» и т. п. Трудно сказать, как реагировал на эту дезинформацию сам Сталин. Это отдельная тема, далеко выходящая за рамки нашей книги. Лично у меня складывается впечатление, что слухи о предстоящих советско-германских переговорах распространялись в равной мере как немецкой, так и советской разведкой. Пока же отметим тот бесспорный факт, что «источники» советской разведки в Берлине систематически поставляли слухи о предстоящем «ультиматуме» в Москву.

Пора наконец назвать эти «источники». Не считая многочисленных журналистов, коммерсантов, адвокатов и сотрудников аккредитованных в Берлине дипломатических миссий, — такие «источники» по определению могли быть лишь носителями слухов, а не информации о конкретных оперативных планах немецкого командования — источников было ровно два:

— «источник в штабе германской авиации», он же «Старшина», он же обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, офицер разведывательного отдела штаба люфтваффе;

— «источник в министерстве хозяйства Германии», он же «Корсиканец», он же Арвид Харнак, референт министерства экономики Германии.

Эти люди не были заброшенными в Германию «Штирлицами». Урожденные немцы из весьма привилегированных кругов (Х. Шульце-Бойзен был внучатым племянником адмирала Тирпица, женат на близкой родственнице князя Эйленбурга; доктор юриспруденции А. Харнак родился в семье известного ученого, его жена, доктор филологии, американка немецкого происхождения, была руководителем землячества американских женщин в Берлине), убежденные антифашисты и при этом сторонники коммунистических идей (в начале 30-х годов Шульце-Бойзен издавал антифашистский журнал «Противник» и после прихода Гитлера к власти оказался за решеткой; Харнак в 1932 г. создавал «Общество по изучению советского планового хозяйства») сами настойчиво искали контакта с советскими спецслужбами. Ежесекундно рискуя жизнью, они собирали и передавали в Москву любые крохи информации, какие им только удавалось найти. Но…

Но, как гласит замечательная французская поговорка, «даже самая красивая девушка не может дать больше, чем у нее есть». Обер-лейтенант Шульце-Бойзен не мог передать Сталину «секреты Гитлера» по той простой причине, что обер-лейтенанта к таким секретам и близко не допускали. В еще большей степени это относится к сотруднику министерства экономики Харнаку. Читая сегодня донесения «Старшины» и «Корсиканца», мы с горечью отмечаем, что мужественные антифашисты — отнюдь не по злому умыслу — стали фактически «ретрансляторами» умело изготовленной дезинформации германских спецслужб.

Так, 28 марта «Старшина» сообщил, что *«немецкое командование ведет подготовку клещеобразного удара: из Румынии, с одной стороны, и через Прибалтику, а возможно, через Финляндию — с другой».*

14 апреля «Старшина» передает: *«Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением о присоединении к Пакту трех».*

9 мая в донесении «Старшины», наряду с неточной информацией *(«в разговорах среди офицеров штаба часто называется дата 20 мая как дата начала войны; другие полагают, что выступление намечено на июнь)* снова повторяется явная дезинформация: *«Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды…»*

14 мая. *«Планы в отношении Советского Союза откладываются, немецкими руководящими инстанциями принимаются меры для сохранения их последующей разработки в полной тайне…»*

14 мая. *«Планы в отношении Советского Союза откладываются, немецкими руководящими инстанциями принимаются меры для сохранения их последующей разработки в полной тайне…»*

9 июня. *«На следующей неделе напряжение в русском вопросе достигнет наивысшей точки, и вопрос о войне окончательно будет решен. Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине и об использовании советского военного флота против Англии…»*

Только 11 июня в сообщении «Старшины» появляется адекватная оценка ситуации: *«Вопрос о нападении на СССР решен. Будут ли предъявлены Сов. Союзу предварительно какие-либо требования — неизвестно. Следует считаться с неожиданным ударом».* Однако далее вновь повторяется старая дезинформационная версия замысла операции *(«германское командование будет стремиться путем обхода с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии создать клещи, которые постепенно будут смыкаться в целях окружения Красной Армии»).*

Еще дальше (как в переносном, так и в прямом смысле этого слова) от сейфа с «секретами Гитлера» находился руководитель пресс-службы немецкого посольства в Токио, журналист Рихард Зорге (он же советский разведчик Рамзай). Странно, но эта азбучная истина пока еще не понята широкими массами российских историков и публицистов. И даже в июне 2006 г. печатаются, например, такие перлы: *«В декабре 1940 г. Гитлер принял решение о нападении на СССР, и всего через две недели Зорге отправил в Москву копии соответствующих документов».*

18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил Директиву № 21 («план Барбаросса»). Директива начиналась такими словами: *«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию входе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии».* Должны быть готовы. Далее было сказано: *«Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам* ***в случае необходимости*** (подчеркнуто мной. — *М. С.*) *за восемь недель до намеченного срока начала операций».* Никаких конкретных сроков начала войны в «плане Барбаросса» установлено не было. Документ был отпечатан в девяти экземплярах, шесть из которых пролежали в сейфе Гитлера до конца войны, три были выданы главнокомандующим видами Вооруженных Сил.

Требования по соблюдению секретности были обычными для такого рода документов, т. е.

исключительно жесткими. В последних строках Директивы № 21 было сказано: *«Я ожидаю от господ главнокомандующих* ***устные*** (подчеркнуто мной. — *М. С.*) *доклады об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей Директиве».* Неужели же «господа главнокомандующие» докладывали Гитлеру устно, с глазу на глаз, а послу Германии в Токио (который вообще не имел ни малейшего отношения к разработке оперативных планов) слали письменные документы? И главное — зачем? Для удобства работы Рихарда Зорге? Не только в декабре 40-го, но и в последние дни и недели перед началом войны Рамзай не мог сообщить в Москву ничего более определенного, нежели пересказ циркулирующих в посольстве слухов:

21 мая 1941 г.:

«…Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени. Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать…»

1 июня 1941 г.:

«…Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привез с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе… Шолл заявил, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии…»

17 июня 1941 г.:

«…Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает — будет война или нет…»

И чему же здесь «не поверил» Сталин? Единственным конкретным фактом здесь является информация о том, что некий немецкий подполковник 6 мая выехал в Бангкок…

Роковая дата начала вторжения (22 июня) была установлена Гитлером и доведена до сведения Верховного командования вермахта только 30 апреля 1941 г. До этого числа никакие «источники» в принципе не могли сообщить Сталину этот, самый главный, секрет Гитлера — просто потому, что сам Гитлер еще не знал о том, когда он начнет войну против СССР. Причем — и это исключительно важно отметить — 30 апреля вовсе не была пройдена «точка невозврата». Это сегодня мы знаем, что дата 22 июня стала днем реального начала войны. В мае 41-го все еще могло многократно измениться. Считается, что дату начала вторжения во Францию Гитлер переносил в общей сложности 9 раз…

23 мая германские железные дороги были переведены на режим «максимальных военных перевозок». Это очень важный «рубеж» в общем комплексе мероприятий по стратегическому развертыванию, и, насколько мне известно, он-то как раз и не был выявлен советской разведкой. Наконец, 10 июня Верховное главнокомандование вермахта довело до сведения командующих армиями следующее решение:

«1. Днем «Д» операции «Барбаросса» предлагается считать 22 июня.

2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне…»

Лишь 18 июня (через день после того, как Сталин наложил неприличную резолюцию на очередное донесение «Старшины») решение о начале вторжения в СССР и точная дата начала операции были доведены до сведения командиров тактического звена (до уровня командиров дивизий и полков). К сожалению, мне не известно ни одно донесение советской разведки, в котором бы был зафиксирован этот секрет, ставший 18 июня известным уже нескольким сотням офицеров вермахта. В 13–00 21 июня в немецкие войска, развернутые у западных границ СССР, поступил условный сигнал «Дортмунд». Он означал, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и *«можно приступать к открытому выполнению приказов».* С этого момента главную военную тайну Германии знали уже многие сотни тысяч человек, но советская разведка почему-то узнала об этом не от собственной агентуры, а от немецких перебежчиков, которые в ночь с 21 на 22 июня по собственной инициативе, движимые желанием помочь «родине пролетариев всего мира», явились в расположение советских войск.

Доподлинно известно имя ефрейтора, переплывшего р. Буг в районе Сокаль (Киевский округ), есть сообщения о рядовом, который переплыл Буг в районе Волчин (30 км к северо-западу от Бреста). Жуков в своих мемуарах говорит о фельдфебеле, который вечером 21 июня перешел границу на участке Киевского ОВО. Интересную информацию сообщил 22 июня 2006 г. в интервью агентству РИА-Новости генерал армии М. А. Гареев: *«Немцы, рискуя жизнью, переплыли реку Днестр* (подчеркнуто мной. — *М. С.*) *и сообщили нашему командованию, что германские войска будут переходить в наступление».* Чего же мы хотим от разведки, если президент Академии военных наук, академик Российской Академии естественных наук, член-корреспондент Академии наук РФ, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор, бывший заместитель начальника Генерального штаба Советской армии по научной работе не знает, что в июне 41-го граница СССР ни в одной точке не соприкасалась с рекой Днестр?

В конечном итоге точную дату нападения советская разведка узнала лишь на рассвете 22 июня 1941 года. Разумеется, на все вышесказанное существует одно, но сокрушительное возражение: «Еще не настало время, когда можно рассказать ВСЕ». Возразить тут нечего. У разведки свои законы и правила, и если даже сейчас (эти строки пишутся в начале 2008 года), после ухода из жизни всех агентов, резидентов и «источников», после распада Варшавского договора и Советского Союза, после объединения Германии и вступления бывшей советской Прибалтики в НАТО все еще нельзя назвать поименно все «источники» советской разведки в военно-политическом руководстве гитлеровской Германии, нельзя достать из сейфа и опубликовать самые содержательные и достоверные разведывательные донесения — значит, так тому и быть. Но почему же в таком случае для бездоказательных измышлений о «роковом самообмане Сталина, который поверил Гитлеру, но не верил собственной разведке» время уже давно наступило и все еще никак не заканчивается?

Ну а судьба главных героев этой истории была трагической. Вокруг Шульце-Бойзена и Харнака сформировалась подпольная антифашистская организация, вошедшая в историю под названием «Красная капелла». Уже после разгрома организации гитлеровская контрразведка вынуждена была констатировать, что усилиями «Красной капеллы» в Москву была передана подробная информация о численном составе и вооружении люфтваффе, авиационном производстве Германии, дислокации штабов, производстве и запасах жидкого топлива. Вероятно, самым большим достижением «Красной капеллы» была информация о планах немецкого наступления на Сталинград летом 1942 г.

Ну а судьба главных героев этой истории была трагической. Вокруг Шульце-Бойзена и Харнака

сформировалась подпольная антифашистская организация, вошедшая в историю под названием «Красная капелла». Уже после разгрома организации гитлеровская контрразведка вынуждена была констатировать, что усилиями «Красной капеллы» в Москву была передана подробная информация о численном составе и вооружении люфтваффе, авиационном производстве Германии, дислокации штабов, производстве и запасах жидкого топлива. Вероятно, самым большим достижением «Красной капеллы» была информация о планах немецкого наступления на Сталинград летом 1942 г.

Непосредственной причиной провала стала вопиющая некомпетентность московского Центра. 10 октября 1941 года в одной из радиограмм, отправленных из Москвы в Берлин, были «прямым текстом» названы адреса трех конспиративных квартир. Разумеется, передача велась шифром, но в результате многомесячной работы группы лучших немецких математиков шифры были «взломаны». Шульце-Бойзена арестовали 30 августа, Харнака — 3 сентября 1942 г. После зверских пыток они были казнены в Берлине 22 декабря 1942 г. В общей сложности было арестовано более 80 человек, из них 49 — казнены, 25 человек приговорены к каторжным работам. 7 октября 1969 г. Х. Шульце-Бойзен, А. Харнак, И. Штёбе, А. Кукхоф были посмертно награждены орденами Красного Знамени.

Глава 4

«Сталин гнал прочь любую мысль о войне…»

Документальными данными об оперативных планах немецкого командования Генеральный штаб Красной Армии не располагал. Это есть факт. Но из этого факта отнюдь не следует вывод о том, что советская разведка бездействовала. Подвиг разведчика (и не одного, а многих сотен разведчиков) нашел свое конкретное воплощение в огромном объеме вполне достоверной информации. Информации о чем? О концентрации немецких войск у западных границ СССР, о перевозках вооружения, боеприпасов и горючего, о местах расположения штабов, аэродромов, узлов связи, складов и госпиталей. Из этих разрозненных фрагментов «мозаики» аналитические службы советской разведки смогли выстроить достаточно подробную картину развертывания вермахта. И если зимой — весной 1941 г. достоверность этой «картины» еще оставляла желать лучшего (данные о численности немецких войск значительно завышались — не занижались, как было модно писать в эпоху документальных сказок про «разведсводку № 8», а именно завышались), то к началу войны фактическая и выявленная советской разведкой численность группировки вермахта почти совпали.

Совпасть точно они не могли. И не только потому, что даже у самой лучшей разведки есть предел возможного. Немецкое командование маскировало свои намерения всеми доступными способами. В частности, главная ударная сила войск вторжения — танковые и моторизованные дивизии — начали передислокацию в приграничные с СССР районы лишь в самые последние дни перед началом наступления.

Так, например, пять танковых дивизий 1-й танковой группы были загружены в эшелоны в период с 6 по 16 июня и прибыли на станции разгрузки в южной Польше (Люблин — Сандомир — Жешув) лишь к 14–20 июня. Непосредственно в районы сосредоточения и развертывания три дивизии (13-я, 14-я и 11-я) вышли буквально в последние часы перед вторжением, а две другие дивизии (16 тд и 9 тд) вечером 21 июня еще находились на марше за 100–150 км от границы. Соответственно, советская войсковая разведка не могла выявить эти дивизии — просто потому, что еще за неделю до начала войны их в приграничной полосе не было.

С другой стороны, постоянное завышение данных о численности немецких войск у границ СССР по странной иронии судьбы как бы «компенсировало» все хитрости противника. В результате 31 мая 1941 г. Разведуправление Генштаба Красной Армии оценивало состав группировки вермахта в 94 пехотные, 1 кавалерийскую, 14 танковых и 13 моторизованных дивизий (кроме того, были «обнаружены» и несуществующие в реальности отдельные кавалерийские полки в количестве 25 штук). Фактически этих танковых и моторизованных дивизий 1 июня у границы еще не было, но к началу войны они появились, причем с некоторым «избытком» (реально в составе четырех танковых групп противник развернул 17 танковых и 13 моторизованных дивизий). Считается, что, узнав об этом, Сталин должен был потерять сон и аппетит, вырвать свои пышные усы и метаться, как загнанный зверь, по кремлевскому кабинету. Но ничего подобного Сталин не сделал. В ночь на 22 июня 1941 г. он спокойно спал.

Это у нас называется «Великая Тайна 22 июня». *«Почему Сталин, которому разведка доложила о концентрации такой огромной вражеской армии у границ СССР, не…»*. Дальше, после этого «не», шли разные слова. Слова эти зависели и от текущей политической моды, и от уровня некомпетентности писателя-говорителя. Обычно звучало что-нибудь вроде: *«не послушался Жукова», «не разрешил привести войска в боевую готовность», «не двинул войска к границе»…* На предельном уровне некомпетентности, достигнутом израильским товарищем Г. Городецким, Сталин, оказывается, *«гнал прочь любую мысль о войне».*

Правильный ответ начинается с правильно сформулированного вопроса. Этому меня научили в славном Куйбышевском авиационном институте — за что, пользуясь моментом, я хочу еще раз поблагодарить наших преподавателей. Выражаться столь же афористично я пока не научился, поэтому сформулирую свою мысль довольно длинной фразой: нежелание задавать правильный вопрос часто свидетельствует о нежелании (или боязни) услышать правильный ответ.

Нам с вами, уважаемый читатель, бояться нечего, поэтому попытаемся начать с главного — с возможно более точных вопросов. Так чего же все-таки не сделал Сталин? Чему (или кому) он не поверил? Что такое «боевая готовность»? Куда и какие войска надо было «двинуть»? И почему Сталин не должен был спокойно спать в ночь с 21 на 22 июня?

Начнем с последнего вопроса. Он самый простой, потому что оперирует категориями, известными (если и не из собственного опыта, то из рассказов друзей) каждому из нас. В ночь перед экзаменом не спит и лихорадочно листает учебники двоечник. Который весь семестр бездельничал и не ходил на лекции. Именно в качестве такого «двоечника» советская пропаганда — как это ни странно — пыталась изобразить Сталина, т. е. высшее военно-политическое руководство СССР.

Здесь мы опять встречаемся с примером того, как однажды совравшему приходится врать дальше и больше. Разумеется, если исходить из того, что Советский Союз был занят «мирным созидательным трудом», что промышленность «не была заблаговременно переведена на военные рельсы» (интересно, а по каким «рельсам» эта промышленность катилась раньше? что выпускали эти круглосуточно грохочущие заводы? велосипеды и швейные машинки, патефоны и холодильники для коммунальных кухонь?), что Германия создала за шесть лет (с 1935 по 1941 гг.) огромную, вооруженную до зубов армию, если поверить в то, что «на Гитлера работала вся Европа», а «второй фронт» был открыт только в 1944 году, — тогда да. Тогда невозмутимое спокойствие Сталина представляется чем-то совершенно невероятным. Но Сталин не был двоечником. И уже со второй половины 30-х годов он «гнал прочь любую мысль», если она не была связана с тем или иным аспектом подготовки к Большой Войне, к войне, в результате которой не жалкие клочки восточной Польши или Карельского перешейка, а вся Европа должна была упасть в его руки. Долгие годы он работал до поздней ночи (точнее говоря — до раннего утра), лично решая тысячи вопросов, связанных с созданием,

оснащением, вооружением, обучением крупнейшей армии мира. Результат великих трудов был — весомый, грубый, зримый.

В его армии были сформированы 61 танковая и 31 моторизованная дивизии. Причем по своей структуре (один танковый и два мотострелковых полка) моторизованная дивизия Красной Армии соответствовала танковой дивизии вермахта, а по штатному числу танков — превосходила ее. Так что фактически в составе Красной Армии было 92 «танковые» (танковые по сути, а не по названию) дивизии.

В полосе от западной границы до Ленинграда и Москвы уже находились (не считая «сырые» дивизии формирующихся 17-го и 20-го мехкорпусов) 40 танковых и 20 моторизованных дивизий, на вооружении которых было 12 400 настоящих танков (не считая многих тысяч пулеметных танкеток), в том числе — более 1500 новейших, лучших в мире танков КВ и Т-34 с длинноствольными 76-мм пушками, полноценным противоснарядным бронированием и мощными дизельными моторами. Так кто же, Сталин или Гитлер, должен был не спать и метаться в истерике по кабинету? Кто из этих двух диктаторов должен был *«ожидать в случае войны скорого поражения, а для себя лично — гибели»*?

Разведка доложила Сталину о том, что у западных границ СССР сосредоточено 94 пехотные дивизии вермахта (фактически в составе групп армий «Север», «Центр» и «Юг», не считая резервов Верховного командования вермахта, было всего 84 пехотные дивизии). Это важная информация, но у самого Сталина на тот момент было 198 стрелковых дивизий.

Разведка доложила Сталину о том, что у западных границ СССР сосредоточено 94 пехотные дивизии вермахта (фактически в составе групп армий «Север», «Центр» и «Юг», не считая резервов Верховного командования вермахта, было всего 84 пехотные дивизии). Это важная информация, но у самого Сталина на тот момент было 198 стрелковых дивизий.

13 июня первый заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенант Н. Ватутин положил на стол Сталина… нет, не очередной «секрет Гитлера», а справку «О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе».

В составе четырех (Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного) фронтов планировалось развернуть 120 стрелковых дивизий. Еще 35 стрелковых дивизий включались в состав пяти армий резерва Главного Командования, развертываемых в полосе от западной границы до линии Брянск — Ржев. Итого 155 стрелковых дивизий против 94 немецких. И вот эта-то информация якобы привела Сталина в такое отчаяние, что он *«счел сопротивление бесполезным, оттого и не пытался ни грозить Гитлеру, ни изготовиться к бою».*

Здесь нам необходимо уточнить один важный момент. Цифры, приведенные выше, «слишком велики» для того, чтобы катастрофический разгром Красной Армии можно было списать на «многократное численное превосходство» противника. Вероятно поэтому, наряду со множеством иных шулерских уловок, появилась — и размножилась в сотнях публикаций — вздорная выдумка о том, что советская стрелковая дивизия была якобы в два (или даже в три!) раза меньше немецкой пехотной.

Это чушь, такого в реальности не было, потому что не могло быть никогда. Дело в том, что ВСЕ армии мира пытались сформировать основную тактическую единицу сухопутных войск (дивизию) так, чтобы она по своему боевому потенциалу не уступала дивизии потенциального противника. Старались все. Получалось не у всех, и, например, польская или финская дивизия образца 1939 г. уступала «мировым лидерам» по ряду важных параметров (прежде всего — по

артиллерии, автомобилям и тягачам). Дивизия Красной Армии, на вооружение которой с рассвета и до рассвета работала огромная страна, не уступала никому.

В апреле 1941 г. стрелковые дивизии Красной Армии были переведены на новое штатное расписание. Численность личного состава была на 16 % уменьшена и составляла теперь 14,5 тыс. человек против 16,5 тыс. в пехотной дивизии вермахта. Несколько большая численность немецкой пехотной дивизии означала лишь большее развитие тыловых и вспомогательных служб — по огневой же мощи стрелковая дивизия Красной Армии ничуть не уступала дивизии противника. По штатному расписанию апреля 1941 г. стрелковой дивизии Красной Армии полагалось 10,4 тыс. винтовок, 166 станковых и 392 ручных пулемета — в пехотной дивизии вермахта, соответственно, 11,5 тыс., 138 и 378. Причем накануне войны Красная Армия перевооружалась с «трехлинейки» на самозарядную винтовку Токарева (СВТ), что давало заметное преимущество над противником в плотности стрелкового огня. Важно отметить, что никаких проблем с обеспечением этих штатов не было — реально имевшимся в наличии стрелковым вооружением можно было укомплектовать не 198, а порядка 460–740 стрелковых дивизий.

Традиционно мощным было артиллерийское вооружение стрелковой дивизии Красной Армии.

Для сравнения приведем численность артсистем сопоставимых калибров и так называемый «вес суммарного залпа» артиллерии польской, французской и немецкой пехотной дивизии:

Другим, чрезвычайно распространенным образцом «мозгоимения» было измышление о том, что вследствие «внезапного нападения» стрелковые дивизии Красной Армии встретили войну в составе 6–8 тыс. человек. Едва ли есть еще один факт в истории начала войны, который бы перевирали с такой силой и настойчивостью. Фактически еще 21 мая 1940 г. (это не опечатка — именно сорокового года) Постановлением Политбюро ЦК № 16/158 было решено содержать в мирное время стрелковые дивизии западных округов в следующей численности: 98 дивизий — по 12 и более тыс. человек и лишь 3 дивизии — по 9 тысяч. Через год, в мае — июне 1941 г. в ходе «больших учебных сборов» (БУС) было мобилизовано 802 тыс. человек. ***«При этом состав стрелковых дивизий приграничных округов при штатной численности 14 483 человека был доведен: 21 дивизии — до 14 тыс. человек, 72 дивизий — до 12 тыс. человек и 6 стрелковых дивизий — до 11 тыс. человек».*** Это публично признали еще в 1992 г. авторы коллективного труда военных историков Генерального штаба «1941 год — уроки и выводы» (1992 г.), однако и по сей день знаменитая «утка» Г. К. Жукова ***(«наши же дивизии, даже 8-тысячного состава, практически в два раза слабее немецких»)*** продолжает с бодрым кряканьем порхать из одной публикации в другую…

Вернемся теперь к событиям весны 41-го года. Строго говоря, сегодня уже нет нужды гадать о том, что могло, а что не могло напугать (скажем мягче — вызвать крайнюю обеспокоенность) товарища Сталина. Есть рассекреченные и опубликованные документы высшего военно-политического руководства СССР. Что же мы в них видим? Разумеется, советская разведка непрерывно отслеживала ситуацию на фронтах европейской войны. Соответственно, каждый из известных документов стратегического планирования начинался с раздела, посвященного оценке возможного состава группировки войск противника (противников). Множественное число здесь будет более уместным, так как советское руководство неизменно включало в состав противников СССР на Западе наряду с Германией также Финляндию, Румынию, Венгрию и Италию (причем по вопросу о численности вооруженных сил союзников Германии высказывались совершенно фантастические предположения). Мы их не будем даже обсуждать и сосредоточим внимание на прогнозах предполагаемой численности одних лишь немецких

войск.

Приведем данные из трех документов;

— 18 сентября 1940 г., «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР»;

— 11 марта 1941 г., «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР»;

— май 1941 г., «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».

Для удобства восприятия сведем всю информацию в одну таблицу и добавим в эту таблицу две очень важные строки: «Спецсообщение» Разведуправления ГШ от 31 мая 1941 г. и фактическую численность немецких групп армий «Север», «Центр» и «Юг».

Прежде чем пойдем дальше — одно маленькое замечание. Надеюсь, вы уже обратили внимание на эти странные пропорции: фактическое число танковых дивизий вермахта оказалось чуть меньше ожидаемого (17 вместо 19–20), а танков в них оказалось в три раза меньше. Это не опечатка. Это, к сожалению, серьезная ошибка советской разведки, предполагавшей, что на вооружении одной танковой дивизии вермахта может быть до полутысячи танков…

Карл Маркс как-то сказал: «Одна цифра позволяет понять больше, нежели целые тома, полные риторической чепухи». Приведенная выше таблица дает предельно ясный ответ на вопрос о пресловутом «роковом самообмане» Сталина, который «отказывался верить донесениям разведки». Все было точно наоборот. Сталин как раз поверил донесениям разведки. Из этих донесений следовало, что сосредоточение немецких войск у границ Советского Союза НЕ ЗАКОНЧЕНО. Более того, донесения разведки вообще заставляли усомниться в том, что Гитлер сосредотачивает войска для вторжения в СССР. Почему? Дважды упомянутое выше «Спецсообщение Разведывательного управления Генштаба» от 31 мая 1941 г. давало такую оценку существующего распределения сил вермахта:

«Общераспределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:

— против Англии (на всех фронтах) 122–126 дивизий;

— против СССР 120–122 дивизии;

— резервов 44–48 дивизий».

Из этих цифр (как мы теперь знаем, ошибочных — советская разведка крайне завысила численность «антианглийской» группировки вермахта) делался вполне логичный вывод:

«… Что касается фронта против Англии, то немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для дальнейшего развития действий на Ближнем Востоке и против Египта (29 дивизий, считая Грецию с островом Крит, Италию и Африку), в то же время довольно быстро восстановило свою главную группировку на Западе, продолжая одновременно переброску в Норвегию, имея в перспективе ***осуществление главной операции против английских островов****»* (подчеркнуто мной. — *М. С.*).

Учитывая, что эта тема на протяжении многих десятилетий была эпицентром

целенаправленного «мозгоимения», повторю еще раз главный вывод. Медленно и отчетливо. В начале июня 1941 г. Сталин не считал немецкое нападение в ближайшие дни возможным. И это не потому, что он поверил в подпись Риббентропа, не потому, что «впал в оцепенение и гнал прочь любую мысль о войне». Мнение Сталина основывалось на безупречно логичных выводах из той информации, которую ему предоставила разведка. Немецких войск у западных границ СССР было МАЛО.

Мало по сравнению с ожидаемой численностью группировки противника.

Мало по сравнению с общей численностью вооруженных сил Германии (в оценке этой «общей численности» советская разведка допустила грубейшую ошибку, завысив ее ровно в полтора раза).

Мало по сравнению с численностью Красной Армии.

Сталин не мог поверить в то, что такими МАЛЫМИ СИЛАМИ Гитлер рискнет напасть на могучий Советский Союз. Сталин не мог поверить в то, что Гитлер оценивает «несокрушимую и легендарную» Красную Армию ниже, чем армию 40-миллионной Франции (для вторжения в которую немецкое командование выделило 136 дивизий, т. е. 87 % от 156 имевшихся). В рассуждениях Сталина не было и тени «рокового самообмана». Сталин гордился своей логикой и рассуждал в данном случае абсолютно логично. Есть простые и незыблемые аксиомы военного дела. *«Фокус — хорошее дело — хитрость, смекалка и прочее. Но на фокусе прожить невозможно. Раз обманул — зашел в тыл, второй раз обманул, а третий раз не обманешь. Не может армия отыграться на одних фокусах, она должна быть армией настоящей».* Это не я придумал. Это цитата из речи Сталина на апрельском (1940 г.) Совещании высшего командного состава Красной Армии.

Для наступления на огромном фронте от Черного до Балтийского моря и на огромную глубину, по меньшей мере на 1000 км от Бреста до Москвы — нужно иметь превосходство в численности, в огневой мощи, в танках и авиации. Но у вермахта и люфтваффе не было «стандартного» по военной науке трехкратного превосходства. У них не было даже минимального численного превосходства. Более того — наступающие (немцы) в разы уступали в численности обороняющимся. Причем самым неблагоприятным для немцев было соотношение главных инструментов наступления — танков и авиации. Так наступать нельзя, это противоречит всякому здравому смыслу, а у Сталина не было оснований считать своего берлинского конкурента полным идиотом. Здравая логика, опыт двух предыдущих лет войны говорили за то, что целью летней кампании Гитлера будет разгром Англии, а сосредоточение значительных сил сухопутных войск Германии на Востоке имеет своей задачей прикрыть стратегический тыл Германии от возможных «сюрпризов» Сталина.

И если бы советская разведка положила на стол Сталина «план Барбаросса», то он бы написал на этом донесении такие слова, какие я просто не решаюсь произнести. Вот первая фраза этого «плана», прочитайте ее внимательно, постарайтесь вдуматься в эти слова: *«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии».* И далее: *«Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск».*

К какой «матери» должен был послать Сталин авторов такого донесения? Разбить Советскую Россию «в ходе кратковременной кампании»? Разбить Францию в ходе кратковременной кампании Гитлеру и то не удалось. Подписанное 24 июня 1940 г. в Компьене «Соглашение о

перемирии» (упорно называемое в отечественной литературе «капитуляцией») оставило за Францией все признаки суверенного государства (правительство, территорию, дипломатический корпус, армию, авиацию и флот), оставило за Францией все ее колоссальные заморские владения. И это, заметьте, при том, что от границы с Германией до Парижа — всего 200 км. А от западной границы СССР до «общей линии Волга — Архангельск» — 2000 км. Сколько времени нужно для того, чтобы просто пройти пешком (а вермахт состоял главным образом из пехоты и артиллерии на конной тяге) эти две тысячи километров? Даже для «триумфального марша» на такое расстояние (с короткими остановками на церемонии вручения хлеб-соли и цветов от ликующего населения) потребовалось бы три-четыре месяца. А если при этом еще и придется воевать?

А чего стоит идея ввязаться в войну с советским гигантом *«еще до того, как будет закончена война против Англии»*! Где тут логика, где малейшие следы здравого смысла? Повоевать с Англией Гитлер уже попробовал. 86 авиагрупп, 3067 самолетов (т. е. группировка — больше той, что была сосредоточена 22 июня у советских границ) начали 13 августа 1940 г. грандиозную воздушную битву, вошедшую в историю под названием «битва за Британию». Командование Королевских ВВС могло противопоставить немецкой воздушной армаде 49 эскадрилий истребителей, на вооружении которых было 704 самолета. При таком исходном соотношении численности немцы проиграли. Уже к середине сентября 1940 г. огромные потери вынудили немецкое командование отказаться от массированных дневных налетов. Высадку на Британские острова пришлось отложить на «неопределенный срок». К концу 1940 г. общее соотношение потерь самолетов составляло 1 к 2 в пользу англичан. И вот, имея такой опыт, Гитлер решил МЕНЬШИМИ силами разгромить «по-быстрому» советские ВВС, превосходившие англичан по числу истребителей в 6 раз? Ну, это же все равно, что, потерпев поражение в бою с боксером второго юношеского разряда, сходить подраться с чемпионом мира в тяжелом весе…

Сталин рассуждал абсолютно логично — и ошибся во всем. Но, как сказал по другому поводу и про другого человека (Льва Троцкого) сам Ленин, «это едва ли может быть поставлено ему в вину лично». Трудно было не ошибиться. Сталин не смог предугадать, предусмотреть, поверить в то, что его огромная, оснащенная лучшим в мире вооружением армия — это всего лишь вооруженная толпа будущих дезертиров и военнопленных. Он не подумал о том, что тысячи танков и самолетов, десятки тысяч орудий, миллионы винтовок будут брошены на обочинах дорог панически бегущими толпами бывших красноармейцев. Но не будем слишком строго судить товарища Сталина за эту ошибку. Ведь вы, уважаемый читатель, даже сегодня, даже «задним умом», даже после всего, что было рассекречено и опубликовано в последние годы, что было рассказано немногими дожившими до эпохи свободы слова и печати очевидцами событий, не хотите поверить и признать этот реально состоявшийся ФАКТ. Стоит ли удивляться тому, что Сталин не смог сделать столь ошеломляющий прогноз?

Правды ради надо отметить и то, что Сталину потребовалось всего лишь семь дней для того, чтобы понять главную причину неслыханного разгрома. Может быть, он потому так быстро и правильно понял смысл происходящего, что его «университетами» была не кафедра научного коммунизма советского вуза, а подпольная работа в подрывной организации, которая один раз уже развалила русскую армию во время мировой войны. Товарищ Сталин конкретно знал, как рушатся империи и исчезают многомиллионные армии. Да, открывшаяся в этот момент истина оказалась непомерно тяжелой даже для этого «человека из стали». В ночь с 28 на 29 июня Сталин уехал на дачу, где и провел в состоянии полной прострации два дня (29 и 30 июня), не отвечая на телефонные звонки и ни с кем не встречаясь. Но до этих двух страшных дней Сталин упорно работал.

Вот тут-то мы и переходим к следующему вопросу: «Что делал и чего не сделал Сталин в июне

1941 года?» В яркой и эмоциональной форме, с неизбежными в таком случае публицистическими перехлестами, на этот вопрос ответил Виктор Суворов в своих ставших мировым бестселлером книгах «Ледокол», «День-М», «Последняя республика». Очень подробно, сухо и педантично картину стратегического развертывания Красной Армии для вторжения в Европу описал кандидат (ныне — доктор) исторических наук (нет правил без исключения, и мне особо приятно обратить ваше внимание на таких редкостных докторов) М. И. Мельтюхов в монографии «Упущенный шанс Сталина». Интересные и содержательные работы на эту тему написали П. Бобылев, В. Данилов, Й. Гофман, В. Невежин… Да и я как-то описал эти события на 510 страницах в книге «23 июня — «день М». Кому интересно — можете прочитать все перечисленное.

Пересказывать торопливой скороговоркой собственную книгу я не хочу. Отмечу лишь один интересный документ, который я имел удовольствие держать в своих руках. 4 июня 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение *«утвердить создание в составе Красной Армии одной стрелковой дивизии, укомплектованной личным составом польской национальности и знающим польский язык».* Срок исполнения — 1 июля 1941 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 35, л. 13) К чему бы это? Зачем Сталину понадобилась к 1 июля 1941 г. дивизия, говорящая на польском языке? Неужели настолько оскудела русская земля богатырями, что для обороны нерушимых границ СССР срочно потребовались поляки? Аналогичный случай имел место 11 ноября 1939 года. Тогда, за 20 дней до запланированного начала «освобождения» Финляндии, было принято решение о формировании 106-й стрелковой дивизии, личный состав которой набирался исключительно из лиц, владеющих финским или карельским языком…

Забавно, но спорить и доказывать очевидную (т. е. видимую невооруженным глазом, если этот глаз смотрит на карту перемещений и дислокации советских войск) наступательную направленность стратегического развертывания Красной Армии пришлось только после выхода в свет суворовского «Ледокола». До этого советские историки совершенно спокойно констатировали, что *«замысел на стратегическое развертывание и построение оперативных группировок войск в большей мере отражал наступательные цели… на расположение позиций и войск оказал влияние наступательный характер планируемых стратегических действий… переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля…».*

Забавно, но спорить и доказывать очевидную (т. е. видимую невооруженным глазом, если этот глаз смотрит на карту перемещений и дислокации советских войск) наступательную направленность стратегического развертывания Красной Армии пришлось только после выхода в свет суворовского «Ледокола». До этого советские историки совершенно спокойно констатировали, что *«замысел на стратегическое развертывание и построение оперативных группировок войск в большей мере отражал наступательные цели… на расположение позиций и войск оказал влияние наступательный характер планируемых стратегических действий… переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля…».*

«Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля 1941 г.». Уже за одну эту фразу авторов коллективной монографии «1941 год — уроки и выводы» (из нее и были взяты процитированные выше слова) следовало тогда же, в 1992 году, наградить медалью «За отвагу». Коротко и четко они ответили на сакраментальный вопрос о причинах пресловутой «неготовности».

Командование Красной Армии действовало по своим собственным НАСТУПАТЕЛЬНЫМ планам, реализовывало свой собственный график развертывания, при составлении которого немецкое вторжение не предполагалось. Да, к утру 22 июня 1941 г. построение оперативных группировок не было завершено. Но стратегическое развертывание реально началось, оно шло со все нарастающим темпом и размахом. Срок его завершения был привязан не к 22 июня, а к другой дате. К одному из дней июля 1941 года, точно установить который при имеющейся в распоряжении историков источниковой базе пока не представляется возможным.

Для тех, у кого слова «стратегическая передислокация» вызывают непроизвольную зевоту, готов пересказать краткое содержание этой главы еще проще.

В шесть часов вечера 31 декабря любого года в любой семье наблюдается вопиющая «неготовность». Котлеты прыгают и шипят на сковороде, из духовки валит дым пригоревшего пирога, хозяйка дома в мятом халате лихорадочно размешивает салат «оливье» в тазике. Значит ли это, что никто в доме не готовится к встрече Нового года? Да ничего подобного, как раз наоборот — очень активно готовятся. Но еще НЕ приготовились. К 12 часам, к заранее запланированному моменту вскрытия шампанского, все будет в полном ажуре: салат «оливье» передислоцируется из тазика в хрустальную салатницу, котлеты и гарнир соединятся в одной точке, и лучшая подруга хозяйки дома, в вечернем платье с двумя смелыми вырезами, будет мило кокетничать с ее мужем. Все пойдет точно по намеченному плану — если только в семь вечера в дом не ворвутся незваные гости…

Глава 5

Глобальный конец

Думаю, вы читали «Чонкина». Если еще нет — настоятельно рекомендую. Есть там такой забавный эпизод: капитан НКВД товарищ Миляга по странному стечению невероятных обстоятельств попал в плен к красноармейцам. По причине контузии (ему врезали прикладом по голове) Миляга не сразу понял, куда он попал, и поэтому начал на ломаном русском языке давать показания о том, что он есть сотрудник русского гестапо и много стрелять-убивать коммунистен унд комсомольцен (последнее заявление было чистой правдой). Ярость благородная вскипела как волна, и советские бойцы решили прикончить гнусного фашистского выкормыша. Когда до Миляги наконец дошло, что власть в деревне еще не сменилась, он начал было менять свои показания, начал объяснять, что он не тварь дрожащая, а сотрудник учреждения, которое право имеет… И все было бы хорошо, если бы не заорал капитан Миляга сдуру: «Да здравствует товарищ Гитлер!» Эти слова стали последними в жизни славного чекиста…

К чему это я? А вот к чему. В августе 1991 г. произошли в нашей стране большие события. И многим тогда показалось, что власть сменилась. По этой ли, или по какой иной причине, но в самом начале 1992 г. «Военно-исторический журнал» (а это, к вашему сведению, официальный печатный орган Министерства обороны, а не какой-нибудь эмигрантский листок «литературных власовцев») опубликовал те самые, многократно выше упомянутые «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» от мая 1941 года. Ошеломленная публика прочитала, в частности, такие соображения:

«…Считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому

командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц (города в Польше и Чехии на расстоянии в 300–350 км к западу от границы СССР. — *М. С.*). *Последующей стратегической целью иметь: наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы Центра и Северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии…»*

Соображения абсолютно здравые — с какой стати отдавать «инициативу действий» противнику? Для чего еще создавались 61 танковая и 31 моторизованная дивизии, если не для проведения крупных наступательных операций? Но для человека, проведшего несколько месяцев в невесомости, нормальное для всего живого земное тяготение становится невыносимой мукой, и бледных, теряющих сознание космонавтов на руках выносят из спускаемого аппарата… Так и для советских/российских читателей, с детского сада воспитанных на сказках про «доброго дедушку Ильича» и «неизменно миролюбивую внешнюю политику Советского Союза», нормальная правда о том, что волки не едят капусту, оказалась тяжелым нервным потрясением.

Пока публика ужасалась, удивлялась, восхищалась, время шло и дошло наконец до того, что всем стало ясно — власть не сменилась (да и куда она, родимая, от нас, а мы от нее?) и пора снова кричать: «Да здравствует товарищ Сталин!» К слову говоря, я совершенно не понимаю, почему нельзя было кричать «да здравствует товарищ Сталин», размахивая майскими (1941 г.) «Соображениями»? Не понимаю. Что плохого в том, что товарищ Сталин, оказывается, замышлял врезать топором по затылку «товарищу Гитлеру»? Что в этом зазорного? Да наши генералы из Института военной истории должны были на руках носить Виктора Суворова за то, что тот изобразил их усатого кумира в виде хищного зверя (каковым Сталин и был в действительности), а не растерявшейся, перепуганной институтки… Но не срослось что-то где-то, и команда «кругом» так и не прозвучала. А это значит, что все виновные в публикации документов, порочащих неизменно миролюбивую политику СССР, должны «за базар ответить».

Вот они и начали отвечать.

Первым делом ветераны советской пропагандистской «науки» объяснили всем, кто еще способен их слушать, что майские «Соображения» — это всего лишь черновой набросок, эдакий «шахматный этюд», составленный (на 15 листах, с четырьмя приложениями и семью картами) генералом Василевским от скуки, в свободное от его основной работы заместителя начальника Оперативного управления Генштаба Красной Армии время. Гипотеза, конечно, смелая, однако абсолютно несовместная с мнением о предназначении документа самих его составителей, которые в последних строках пишут:

«… Прошу:

1. Утвердить представляемый план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР и план намечаемых боевых действий на случай войны с Германией.

2. Своевременно разрешить последовательное проведение скрытого отмобилизования и скрытого сосредоточения, в первую очередь — всех армий резерва Главного Командования и авиации…»

То есть, по мнению военных (конкретно к документу имели отношение ровно четыре человека: Василевский — его рукой написан текст, первый заместитель начальника Генштаба Ватутин — его рукой предположительно внесены правки в текст, начальник Генштаба Жуков и нарком обороны Тимошенко), они представили Сталину на утверждение *«план намечаемых боевых действий»,* а вовсе не ученический реферат.

Затем началась «атака с тыла». На оригинале документа, действительно, нет никакой резолюции Сталина. Согласитесь, это уже открывает некое «окно возможностей» для того, чтобы избавиться от столь неудобных «Соображений». В кустах был немедленно найден рояль. То есть видный советский военный историк Н. А. Светлишин неожиданно вспомнил, что еще в 1965 году Г. К. Жуков рассказывал ему и про майские «Соображения», и про реакцию Сталина на них. 27 лет Светлишин молчал как рыба, нигде не публиковал эти воспоминания Жукова, не записал их в свою секретную тетрадь, не сдал ее, как положено, в секретные фонды ЦАМО… Но в нужный момент все вспомнил.

Затем началась «атака с тыла». На оригинале документа, действительно, нет никакой резолюции Сталина. Согласитесь, это уже открывает некое «окно возможностей» для того, чтобы избавиться от столь неудобных «Соображений». В кустах был немедленно найден рояль. То есть видный советский военный историк Н. А. Светлишин неожиданно вспомнил, что еще в 1965 году Г. К. Жуков рассказывал ему и про майские «Соображения», и про реакцию Сталина на них. 27 лет Светлишин молчал как рыба, нигде не публиковал эти воспоминания Жукова, не записал их в свою секретную тетрадь, не сдал ее, как положено, в секретные фонды ЦАМО… Но в нужный момент все вспомнил.

Оказывается, Жуков (в пересказе товарища Светлишина) отдал Особой важности совершенно секретный документ (с надписью в правом верхнем углу: «Только лично. Экземпляр единственный») не тому, кому этот документ был лично адресован, а сталинскому секретарю Поскребышеву. Отдал — и ушел.

Для тех, кто не понял, поясняю — это трибунал. Как минимум. Как максимум — «вышка». Отдать постороннему лицу документ Особой важности кадровый военный не мог. До этого мог додуматься только советский военный историк. На тот момент в Красной Армии действовала утвержденная наркомом Тимошенко Инструкция о порядке составления и хранения документов Особой важности. Это брошюра на 15 страницах. В частности, такие документы должны были быть написаны лично от руки *«на твердой подложке, не оставляющей оттиска от пера»,* все черновики и промокательная бумага должны были уничтожаться по акту, документ должен был храниться в опечатанном сейфе, находящемся в комнате с опечатываемой же железной дверью и стальными решетками на окнах. Инструкция прямо запрещала передавать документы Особой важности даже старшим по званию и должности — только лично в руки тому, кому конкретный документ был адресован.

Но это еще не финал комедии. Далее Светлишин (от лица покойного Жукова) рассказывает о том, что на следующий день Поскребышев от имени и по поручению Хозяина отругал начальника Генерального штаба, причем этот выговор и приказ *«впредь таких «записок для прокурора» не писать»* Жуков выслушал прямо в приемной Сталина (возможно — в присутствии третьих лиц). Самое смешное во всей этой истории то, что Светлишин даже не подумал о существовании рассекреченного и опубликованного еще в 1990 г. «Журнала посещений» кабинета Сталина. Из этого документа явствует, что у Жукова и Тимошенко не было никаких проблем с тем, чтобы передать документ лично Сталину. На основании «Журнала посещений» можно даже предположить (не утверждать, но вполне обоснованно предположить), когда это произошло.

10,12 и 14 мая Тимошенко и Жуков были в кабинете Сталина, причем встречи продолжались 1,5–2 часа. На этих совещаниях военные могли получить указания, на основании которых они вели работу над «планом намечаемых боевых действий». Майские «Соображения» содержат сведения из разведсводки от 15 мая, именно поэтому их и датируют «не ранее 15 мая». 19 мая Сталин и Молотов (на тот момент — заместитель Сталина на посту Председателя Совнаркома и фактически «второй человек» в стране) приняли Тимошенко и Жукова. Через 15 минут в кабинет вошел еще один из разработчиков плана — Ватутин. Совещание продолжалось полтора часа, все четверо покинули кабинет Сталина одновременно.

24 мая в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого, кроме самого Сталина, были Молотов, Тимошенко, Жуков, Ватутин, начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев, командующие войсками пяти западных военных округов, члены Военных советов (т. е. комиссары) и командующие ВВС пяти округов. Другого столь же представительного совещания высшего комсостава Красной Армии в кабинете Сталина не было — ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этого дня вплоть до начала войны. С очень большой долей достоверности можно предположить, что на этом, явно неординарном совещании утвержденный Сталиным план войны был доведен до сведения командования западных округов (будущих фронтов).

Еще одним, косвенным, но очень, на мой взгляд, убедительным подтверждением того, что на совещании 24 мая 1941 г. план будущей войны — причем войны отнюдь не оборонительной — был окончательно отработан и доведен до сведения исполнителей, является абсолютная завеса секретности, которой окутана тайна этого совещания. В советскую эпоху ни одно упоминание хотя бы о факте его проведения — не говоря уже о стенограмме обсуждения — ни разу не появилось ни в так называемой научной, ни в мемуарной литературе. Да и по сей день документально ничего не известно ни о повестке дня, ни о принятых решениях. Что очень странно, учитывая огромное количество «антисуворовской» литературы, изданной за последние 10 лет. Чего тут только нет: «миф ледокола», «ледокол лжи», «шулер от истории», «антиСуворов», «как Суворов выдумывал историю», «неправда Виктора Суворова»… Некий проходимец, взявший себе псевдоним «В. Суровов», выпустил в свет пасквиль под названием «Ледокол-2». Хотя, казалось бы, чего проще — опубликуйте материалы совещания 24 мая 1941 г., и все окончательно убедятся в неизменно миролюбивой политике Сталина…

Последние сомнения в том, что майские «Соображения» являются одним из многих документов практической разработки плана вторжения в Европу, а вовсе не теоретическим упражнением, пропали после того, как в первой половине 90-х годов были опубликованы другие аналогичные документы. На сегодняшний момент в распоряжении историков имеется четыре варианта общего плана стратегического развертывания Красной Армии (август, сентябрь, октябрь 1940 г. и март 1941 г.) и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов (*«Докладная записка по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 г.»,* декабрь 1940 г. и *«Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками Западного ОБО на разработку плана оперативного развертывания войск округа»,* апрель 1941 г.). К документам, фактически раскрывающим оперативные планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА. К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А. М. Василевского, который прямо указывает на то, что *«в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил».*

И что же мы видим? Все известные ныне оперативные планы представляют собой фактически

один и тот же документ, лишь незначительно меняющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное совпадение всех вариантов Большого Плана. Все планы без исключения представляют собой план крупномасштабной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР. Боевые действия на собственной территории не рассматривались даже как один из сценариев для штабной игры. Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских, румынских, словацких и восточно-прусских городов и рек.

Такими были планы. Посмотрим теперь на факты. Стоит лишь нанести на географическую карту то расположение войск западных округов, которое создавалось в ходе скрытого оперативного развертывания, как совершенно очевидным становится *«наступательный характер планируемых стратегических действий».* Благодаря предусмотрительно вырисованной в сентябре 1939 г. (и подписанной Сталиным лично в двух местах) *«линии разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства»* новая граница имела два глубоких (на 150–170 км) выступа, обращенных «острием» на Запад. Белостокский выступ в Западной Белоруссии и львовский выступ в Западной Украине. Двум выступам неизбежно сопутствуют четыре «впадины». С севера на юг эти «впадины» у оснований выступов находились в районах городов Гродно, Брест, Владимир-Волынский, Черновцы.

Если бы Красная Армия собиралась встать в оборону, то на «остриях выступов» должны были остаться самые минимальные силы прикрытия, а основные оборонительные группировки были бы выстроены у оснований, во «впадинах». Такое построение позволяет гарантированно избежать окружения своих войск на территории выступов, сократить общую протяженность фронта обороны (длина основания треугольника всегда короче суммы двух других сторон) и создать наибольшую оперативную плотность на наиболее вероятных направлениях наступления противника, т. е. у «впадин». В июне 1941 г. все было сделано точно наоборот.

Главной ударной силой Красной Армии были механизированные (танковые) корпуса. Крайняя спешка и разновременность начала их формирования привели к тому, что оснащены боевой техникой они были очень неравномерно. В большей части корпусов танков «новых типов» (Т-34, КВ) не было вовсе, некоторые мехкорпуса имели всего по 100–200 (в Красной Армии про две сотни танков говорили «всего») танков БТ-2/БТ-5 выпуска 1932–1934 гг., с почти выработанным моторесурсом. На этом фоне очень четко выделяются «пять богатырей», пять мехкорпусов, на вооружении которых обнаруживается от 700 до 1000 танков, в том числе более 100 новейших танков Т-34 и КВ, сотни тракторов (тягачей), несколько тысяч автомобилей и мотоциклов. Это (перечисляя с севера на юг) 3-й МК, 6-й МК, 15-й МК, 4-й МК и 8-й МК. Даже среди этих, лучших из лучших, заметны 6-й и 4-й мехкорпуса. На их вооружении было, соответственно, 452 и 414 новейших танков — больше, чем во всех остальных мехкорпусах Красной Армии вместе взятых!

Где же стояли эти «богатыри»? 4-й МК развертывался в районе Львова — на острие львовского выступа. Рядом с ним, немного южнее, дислоцировался 8-й МК, восточнее Львова находился 15-й МК. Еще не сделав ни одного выстрела, ударная группировка в составе трех мехкорпусов нависала над флангом и тылом немецких войск, зажатых в междуречье Вислы и Буга. За два дня до начала войны все три дивизии 4-й МК начали движение на запад, к самой границе. Утром 22 июня к пограничной реке Сан выдвинулся и 8-й МК. Но, пожалуй, самым показательным был выбор места дислокации 6-й МК, который спрятали среди дремучих лесов и бездонных болот у Белостока. Выехать своим ходом из Белостока корпус мог только в одну сторону — по шоссе на Варшаву, до которой от границы оставалось тогда (после войны Сталину пришлось вернуть Белостокское воеводство Польше) всего 80 км.

Не менее примечательно было и место дислокации 3-го МК. Этот корпус был подчинен 11-й армии, развернутой на юге Литвы, на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Линия границы в районе этого стыка имела вид длинного и узкого «языка», который от польского города Сувалки вдавался в глубь советской территории в районе г. Гродно. Само очертание границы у Гродно внушало большие опасения (еще большие опасения должны были вызвать 4 танковые и 3 моторизованные дивизии вермахта, развертывающиеся на этом «пятачке»). Тем не менее 3-й МК оказался значительно севернее Гродно, даже севернее Каунаса, отделенный от «сувалкского плацдарма» полноводным Неманом. Странное решение для отражения весьма вероятного удара противника от Сувалки на Гродно, зато очень понятное и рациональное для наступления на Тильзит и далее к балтийскому побережью Восточной Пруссии.

Аналогичным образом (главные силы — на обращенном к противнику «острие выступа», значительно более слабые — у оснований) были распределены и отдельные полки тяжелой артиллерии. В составе 3-й армии, прикрывавшей гродненское направление, было всего два отдельных артполка (152-й и 444-й), а в составе 10-й армии (острие белостокского выступа) — семь (130-й, 156-й, 262-й, 315-й, 311-й, 124-й, 375-й).

Вы думаете, уважаемый читатель, что после рассекречивания таких документов и фактов ОНИ посыпали головы пеплом, смиренно признались в своем многолетнем наглом «мозгоимении» и ушли в монастырь? Щас…

В 1996 году все тот же «Военно-исторический журнал» опубликовал в пяти номерах серию статей под общим заголовком «Конец глобальной лжи». Самое забавное, что одним из двух авторов публикации был тот самый Ю. А. Горьков, который в начале 1992 года опубликовал майские «Соображения». Иезуитская логика заказчиков публикации понятна: «мы тебя за язык не тянули, сам заварил эту кашу — сам ее теперь и расхлебывай». Только столь жесткой постановкой задачи я могу объяснить то решительное бесстыдство, какое проявили авторы «Конца…», попытавшиеся всучить публике козу под названием и по цене коровы. Впрочем, учитывая, что в вопросах военно-стратегического планирования широкая публика разбирается еще меньше, чем в животноводстве, определенный фурор «глобальная ложь» произвела. Еще бы! Были предъявлены насквозь (ну, почти насквозь) оборонительные планы, и почти все боевые действия планируются на своей территории, и топонимика уже нашенская…

Не буду вас долго интриговать, тем более — на пустом месте. Главным содержанием «Конца глобальной лжи» была публикация пяти (по числу западных военных округов) документов. Этими документами были Планы прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск округов. Пользуясь тем, что далеко не все читатели (хотя, между нами говоря, у читателей ВИЖа следовало бы ожидать наличия некоторой компетентности) понимают значение специфических военных терминов, авторы «глобальной лжи» попытались выдать план операции прикрытия, т. е. план сугубо частной, ограниченной по времени и задачам операции, за счастливо найденный ими «план войны», каковой план оказался сугубо оборонительным. Вот, собственно, и весь конец. Чисто технологически жульнический трюк был построен на непрерывной подмене понятий: план прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания превращается в «план прикрытия границы» (что уже есть грубая неточность), затем — в «план обороны границы», затем — просто в «план обороны». Что и требовалось доказать.

Строго говоря, даже самый далекий от военного дела читатель мог бы самостоятельно прийти к незатейливой мысли: если весь оперативный план исчерпывается одним только прикрытием мобилизации и развертывания, то зачем же тогда проводится это крайне дорогостоящее

развертывание? Неужели только для того, чтобы создать лишние проблемы с его прикрытием? Но, учитывая, что мыслить самостоятельно советского человека тщательно отучили, а человека российского реклама уже приучила не мыслить, а «управлять мечтой», имеет смысл подробнее разобраться в содержании термина «операция прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания».

В переводе на нормальный человеческий язык «отмобилизование, сосредоточение и развертывание» означает следующее:

— предназначенные для участия в войне части и соединения надо пополнить людьми (резервистами, которые в мирное время заняты созидательным трудом и ждут своего часа), вспомогательной техникой (схема мобилизации Красной Армии предполагала изъятие из народного хозяйства сотен тысяч автомобилей и десятков тысяч тракторов), боеприпасами, горючим, продовольствием и медикаментами из мобилизационных запасов.

— отмобилизованные части (люди, техника, боеприпасы и прочее) надо переместить в установленные планом развертывания места; для одних частей это означает пеший марш на 50 км, для других — железнодорожную перевозку на 5000 км.

— прибывшие на театр будущих военных действий войска нужно определенным образом разместить: танковый полк спрятать в глухом лесу, полк тяжелой артиллерии вывести на огневую позицию, противотанковый дивизион замаскировать рядом с перекрестком шоссейных дорог, десантников привезти на аэродромом погрузки, пехоту посадить в заранее вырытые окопы и траншеи и. т. д.

Только после того, как все это (отмобилизование, сосредоточение, развертывание) сделано, самый главный начальник может снять самую главную телефонную трубку и прохрипеть в нее: «Начали!» На самом же этапе сосредоточения и развертывания войска на редкость беззащитны. По сути дела, процесс сосредоточения и по форме, и по содержанию схож с известным, наверное, каждому переездом из одной квартиры в другую. Через пару недель после переезда жизнь войдет в свою колею и, как все надеются, станет лучше, чем была на прежнем месте. Но это будет потом. В сам короткий момент переезда даже такое простое дело, как найти нитку, иголку и пуговицу нужного размера, превращается в неразрешимую проблему. Та же ситуация создается и при передислокации войск. Танковая дивизия (370 танков, 11 тыс. человек личного состава), развернутая в боевой порядок, представляет собой страшную силу. Эта же дивизия, погруженная в забитые фанерой для маскировки вагоны, становится беспомощной, как младенец. Хуже того, она превращается в удобную мишень для противника. Соответственно, для того чтобы короткий период сбора резервистов, переезда и оперативного развертывания войск не стал для них последним, необходимо проведение целого комплекса специальных мероприятий, который на военном языке называется «операция прикрытия мобилизации и развертывания».

Эта операция по определению является оборонительной и кратковременной. Объектом прикрытия является не страна, не линия границы, «не мирный труд советского народа», а процесс — весьма непродолжительный процесс мобилизации, сосредоточения и развертывания. От частей и соединений, решающих задачу прикрытия, требуется в течение нескольких дней сдерживать наступление противника, не допустить прорыва крупных моторизованных частей противника в оперативную глубину, прикрыть с воздуха районы выгрузки войск, железнодорожные станции и перегоны. Вот и все. Не меньше, но и не больше. На этапе прикрытия от линии пограничных столбов можно и отступить. Не это главное. Отмобилизованная и развернутая в боевые порядки армия через несколько дней вернет все столбы на свое место.

Самым эффективным и одновременно самым дешевым способом решения задачи прикрытия является выбор противника настолько слабого, что он просто не рискнет произвести первый выстрел и нарушить тем самым плановый ход развертывания ваших войск. Это возможно. Именно так обстояло дело с теми войнами, которые СССР вел в 1939–1940 годах. Ни Польша, армия которой рассыпалась в сентябре 1939 г. под ударами вермахта, ни 3,5-миллионная Финляндия даже не пытались помешать развертыванию войск Красной Армии на их границах. Первоначально именно по такому сценарию кремлевские правители собирались начать войну против Германии. Разработка планов прикрытия началась не в сентябре 39-го года — после возникновения общей линии соприкосновения немецких и советских войск, и не поздней осенью 40-го года — когда уже полным ходом шла работа по отработке планов стратегического развертывания Красной Армии для вторжения в Европу, а лишь в мае 1941 года. Это не опечатка — в мае 41-го.

Забавно, но российские «историки» с особым рвением выпячивают ныне это обстоятельство, видимо, не понимая, что отсутствие планов прикрытия — при наличии планов вторжения с глубиной наступления в 300 км на этапе решения «первой стратегической задачи» — демонстрирует не особое миролюбие, а лишь запредельную самонадеянность высшего военно-политического руководства страны. Если в таком удивительном планировании и был хоть какой-то смысл, то он, скорее всего, заключался в надежде на то, что войну против Германии удастся начать по самому «облегченному варианту», а именно: основные силы вермахта уйдут на Ближний Восток или (что было бы еще надежнее и лучше) высадятся на Британских островах. При таком сценарии развития событий оставленные в Польше 20–30 пехотных немецких дивизий или вовсе не рискнут помешать стратегическому развертыванию Красной Армии, или будут с легкостью уничтожены при первой же попытке пересечь границу. Другие, гораздо более тревожные ожидания возникли лишь весной 1941 г. Так, в апрельской (1941 г.) Директиве на разработку плана оперативного развертывания армий Западного ОВО появляется уже фраза о *«возможности перехода противника в наступление до окончания нашего сосредоточения».*

Разработка полноценных планов прикрытия началась только в мае 1941 года (до этого действия по прикрытию развертывания коротко упоминались в общем перечне задач, предусмотренных оперативными планами). Вероятно, именно в мае 41-го к Сталину начало приходить понимание того, что вторжение Гитлера на Британские острова может быть отложено на неопределенное будущее, и Красной Армии придется иметь дело с главными и наиболее боеспособными частями вермахта и люфтваффе. Соответственно, изменилось и отношение к сложности и значимости операции прикрытия. В период с 5 по 14 мая 1941 г. соответствующие директивы наркома обороны были направлены в округа, и к 6–19 июня планы прикрытия пяти западных округов поступили из соответствующих окружных штабов на утверждение в Генеральный штаб Красной Армии.

Примечательно, что наряду со стандартной фразой *«упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа»*, все планы прикрытия предполагали нанесение авиационного удара по сопредельной территории:

«…Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и боевыми действиями в воздухе уничтожить авиацию противника… Мощными, систематическими ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам и мостам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника…»

Надо ли доказывать, что «задержать сосредоточение и развертывание войск противника» возможно только в случае нанесения первого, а вовсе не «ответного» удара? Надо ли

специально объяснять, что нанести в первые часы войны удар по установленным аэродромам базирования вражеской авиации можно только в том случае, если места расположения этих аэродромов и маршруты подхода к ним разведаны заранее. И такая кропотливая подготовительная работа была проведена в реальности. Так, например, в приложениях к плану прикрытия Западного ОВО *«бомбардировочный расчет наряда самолетов для удара по аэродромам противника»* занимал три листа текста.

Более того, планы прикрытия Киевского и Ленинградского округов предполагали даже возможность вторжения наземных войск на территорию противника уже на этапе выполнения задач прикрытия: *«При благоприятных условиях всем обороняющимся и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей».* Миролюбие, обнаруженное авторами «глобальной лжи», было весьма и весьма зубастым…

Глава 6

«Внезапность действует ошеломляюще…»

Итак, к середине июня 1941 года планы прикрытия существовали. Каждый из них заканчивался стандартной фразой: *«План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за подписью народного комиссара обороны, члена Главного военного совета и начальника Генерального штаба Красной Армии следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.».* Не только ввести в действие, но и ознакомиться с содержимым «красного пакета» командующие армиями, корпусами и дивизиями не имели права без санкции высшего командования. *«Папки и пакеты с документами по прикрытию вскрываются по письменному или телеграфному распоряжению: в армиях — Военного совета округа, в соединениях — Военного совета армии».* Таким образом, способность Красной Армии к организованному (просто стрелять из пушки в сторону неприятеля можно и безо всяких планов) отражению упреждающего удара немцев в значительной степени зависела от того, получат ли штабы округов телеграмму с четырьмя короткими словами: «Приступить к выполнению плана прикрытия». Но вплоть до самого утра 22 июня 1941 г. эти слова так и не прозвучали.

Это первое, чего не сделал Сталин (в данном случае это слово вернее будет написать с маленькой буквы и в кавычках, понимая под коллективным «Сталиным» группу из шести человек: Сталин, Молотов, Тимошенко, Жуков, Берия, Маленков — последний в качестве секретаря ЦК занимал должность члена Главного военного совета).

Сразу же после введения в действие плана прикрытия следовало начинать открытую мобилизацию (скрытая мобилизация в форме так называемых «больших учебных сборов» уже шла полным ходом, в ее рамках в мае-июне было призвано 802 тыс. человек). Формально-юридически Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении мобилизации должен был подписать «всесоюзный дедушка» Калинин, но понятно, что без прямого указания Сталина такие вопросы не решались. Этого также не было сделано, и всеобщая мобилизация в СССР была объявлена только с 23 июня — что есть совершенно невероятный, но при этом очевидный и неопровержимый факт. Все страны — участницы мировой войны начинали мобилизацию за месяц, за неделю, за несколько дней ДО начала боевых действий. И только та страна, которая готовилась к Большой Войне со всем остервенелым упорством тоталитарного режима, исхитрилась опоздать с началом мобилизации на целые сутки!

Почему? Почему Сталин не дал команду на введение в действие планов прикрытия? Почему опоздал с объявлением всеобщей мобилизации?

Не противоречат ли эти вопросы выводу, сделанному ранее («в начале июня 1941 г. Сталин не считал немецкое нападение в ближайшие дни возможным»)? Ничуть. Во-первых, потому, что от начала июня до 22 июня прошло много дней и произошло много важных событий, в частности — немецкие танковые и моторизованные дивизии начали прибывать в исходные для наступления районы у западных границ СССР, а 21 июня немцы стали уже открыто снимать проволочные заграждения на границе. Во-вторых, и это самое главное — «запас карман не тянет». Поток тревожных сообщений, поступавших в Москву по разведывательным и дипломатическим каналам, возможно, и не давал еще оснований для однозначных выводов о намерениях Гитлера. Но почему было не подстраховаться? Чему мешало заблаговременное, пусть даже — преждевременное введение в действие плана прикрытия?

По планам прикрытия войска приграничных округов занимали рубежи обороны, находившиеся на расстоянии десятков, в редких случаях — сотен километров от мест постоянного расквартирования. Как правило — выдвижение планировалось произвести пешим маршем, иногда — на машинах, и лишь для очень немногих частей и соединений — по железной дороге. Потребные для этого дела затраты угля и бензина, тушенки и пищевых концентратов в общем масштабе военных расходов Советского Союза просто ничтожны. Личному составу придется провести несколько дней или даже недель не в относительно благоустроенном военном городке, а в окопах посреди чиста поля? Ну, эта причина еще смешнее. Тяготы воинской службы прямо предусмотрены в Уставе, к тому же любой военнослужащий — от рядового до генерала — согласится с тем, что лучше сидеть живым в залитом летним дождем окопе, нежели лежать разорванным в клочья среди развалин военного городка, уничтоженного первым же бомбовым налетом противника.

Вопрос о том, чему мешало заблаговременное введение в действие плана прикрытия, был (и всегда будет) абсолютно неразрешимым в рамках заведомо ложных измышлений советской исторической «науки» о наивном и доверчивом товарище Сталине, о мирном созидательном труде советского народа, о многократном численном превосходстве вермахта и Рихарде Зорге, донесениям которого не поверили. В свете же знаний о реальных намерениях, реальных планах и реальных действиях высшего военно-политического руководства СССР все становится предельно ясно.

Операция прикрытия есть не что иное, как начало войны. Это джинн, засунуть которого назад в бутылку уже не удастся. И не только потому, что советские планы прикрытия лета 1941 г. предполагали нанесение массированных авиаударов по сопредельной территории. Сам комплекс мероприятий операции прикрытия (и уж тем более — прикрываемой этой операцией открытой мобилизации) настолько объемен и заметен, что скрыть его от разведки противника в принципе невозможно. В этом бы не было большой беды, если бы Сталин планировал ведение оборонительной войны. И пускай противник видит, пускай знает: границы Советского Союза на замке! *«Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде/Мы начеку, мы за врагом следим».* Прекрасная песня. Да только следующая ее строка *(«Чужой земли мы не хотим ни пяди»)* к лету 1941 года уже категорически устарела. Именно отсутствие приказа на введение в действие плана прикрытия — в сочетании с неоспоримым фактом наличия крупнейшей стратегической перегруппировки войск — лишний раз подтверждает вывод о том, что сотни воинских эшелонов шли в июне 41-го на Запад отнюдь не для обороны «нерушимых рубежей».

Сталин спланировал и готовился начать другую, совсем не оборонительную войну. Это упорно отрицаемое официальной советской (ныне российской) историографией обстоятельство

полностью меняет всю ситуацию. Преждевременное введение в действие плана прикрытия мешало главному — мешало нанести ВНЕЗАПНЫЙ сокрушительный удар по немецким войскам. *«Внезапность действует ошеломляюще»* — гласил параграф 16 Полевого устава РККА. Завершая свой доклад на декабрьском (1940 г.) Совещании высшего комсостава, начальник Генштаба Красной Армии Г. К. Жуков как заклинание повторял это слово:

«…Победу обеспечит за собой та сторона, которая более искусна в управлении и создании условий внезапности в использовании этих сил и средств. Внезапность современной операции является одним из решающих факторов победы. Придавая исключительное значение внезапности, все способы маскировки и обмана противника должны быть широко внедрены в Красную Армию. Маскировка и обман должны проходить красной нитью в обучении и воспитании войск, командиров и штабов. Красная Армия в будущих сражениях должна показать высокий класс оперативной и тактической внезапности…»

Сталин так долго, так настойчиво, так тщательно готовил свой «блицкриг», столько усилий (дающих свои плоды и по сей день) приложил для «маскировки и обмана», что ему очень не хотелось ломать блестящий план операции, которая должна была начаться сокрушительным внезапным ударом по противнику. Он действительно «гнал от себя всякую мысль» — нет, не мысль о войне (ни о чем другом он уже и не думал), а о том, что немцы в самый последний момент сумеют опередить его в развертывании армии. Эту же мысль можно выразить еще короче и проще: Сталин боялся спугнуть Гитлера.

Это стремление «не спугнуть» привело к тому, что стратегическое развертывание проводилось *«с сохранением режима работы железных дорог по мирному времени».* За это ценное признание авторов монографии «1941 год — уроки и выводы» следовало бы наградить второй медалью «За отвагу». Для многомиллионных армий первой половины XX века железные дороги, поезда и паровозы стали важнейшим «видом вооружения», во многом предопределявшим исход главных сражений двух мировых войн. Соответственно, и Германия, и СССР имели планы перевода железнодорожного движения на режим «максимальных военных перевозок». Смысл термина и процесса достаточно понятен: все поезда, грузы и пассажиры стоят и ждут, пока эшелоны с войсками, техникой и боеприпасами не проследуют в нужном им направлении. Кроме того, разбронируются мобилизационные запасы угля, усиливается вооруженная охрана железнодорожных станций и перегонов и т. д. Режим военных перевозок в европейской части СССР вводился (12 сентября 1939 г.) даже на этапе стратегического развертывания Красной Армии перед войной с полуразрушенной вторжением вермахта Польшей. Однако в 41-м вплоть до 22 июня ничего подробного сделано не было!

Маскировка и обман дошли до того, что 21 июня 1941 г. начальник Управления политпропаганды Прибалтийского округа товарищ Рябчий приказал *«отделам политпропаганды корпусов и дивизий письменных директив в части не давать; задачи политработы ставить устно через своих представителей…».* Конечно, советские нормы секретности всегда отличались от общечеловеческих, но не до такой же степени, чтобы нельзя было доверить бумаге даже «задачи политпропаганды»! Остается предположить, что к 21 июня 1941 г. эти «задачи» вышли далеко за рамки заявленной на всех плакатах готовности «ответить тройным ударом на удар агрессора» и «надежно защитить мирный труд советских людей»…

«Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, с 1 июня по 10 июля 1941 г.». Точную дату запланированного начала наступления Красной Армии не знает никто. Более того, вполне возможно, что вечером 21 июня эту дату не знал еще и сам Сталин. Но в любом случае наступление могло начаться только после завершения сосредоточения и развертывания войск,

т. е. не ранее 5–10 июля. Ввести в действие план прикрытия 15–20 июня означало пустить коту под хвост все усилия и ухищрения по обеспечению максимальной скрытности развертывания, означало подарить противнику две-три недели для подготовки к отражению удара. Это много, две-три недели — по советским нормативам полноценная полоса обороны могла быть оборудована силами общевойсковой армии (с привлечением местного населения и гужевого транспорта) за 10–15 дней.

Да, у Сталина был и другой вариант действий — приблизить срок начала операции, перенести его с середины июля на конец июня, а план прикрытия ввести в действие 22–23 июня (я предполагаю, что именно такое решение и было принято; подробно эта гипотеза изложена в книге «23 июня — день М»). Но и такое решение означало, что начать наступление удастся лишь частью сил, ломая на ходу тщательно отработанные графики перевозок, мобилизации личного состава и транспорта. Тоже плохо, тоже чревато неудачей и тяжелыми потерями.

Прежде чем начинать сокрушенно качать головой («и как же это Сталин смог так вляпаться… почему же он не прислушался к донесениям разведки…»), следует посмотреть на ситуацию глазами участников совещаний в кабинете Сталина. Совещаний, кстати, было много. Из «Журнала посещений» видно, что Жуков и Тимошенко были в кабинете Сталина семь раз: 3, 6, 7, 9, 11, 18, 21 июня. 9 июня военные провели в кабинете Сталина в общей сложности 6,5 часа. 18 июня «коллективный Сталин» в почти полном составе (Сталин, Молотов, Маленков, Тимошенко, Жуков) совещался четыре часа…

Это мы сегодня точно знаем, что немцы напали 22 июня. Сталин же знал точно лишь свои планы, и это были планы крупномасштабной наступательной операции, которая должна была начаться не ранее второй декады июля. Поток все более и более тревожных сообщений, идущих и от разведки, и от командования западных военных округов, заставлял лихорадочно выбирать «наименьшее из двух зол»:

— или лишить собственные войска возможности организованно встретить вероятный упреждающий удар противника;

— или ввести в действие план прикрытия раньше намеченного срока и таким образом гарантированно лишить свои войска возможности нанести внезапный удар по противнику.

Задача была исключительно сложна. Утраченную внезапность вернуть уже не удастся, в то время как возможный тактический проигрыш от неудачи первого дня оборонительных боев не представлялся чем-то катастрофическим. Это вы, уважаемый читатель, твердо «знаете», что укрепленные районы на старой границе были разоружены (или даже взорваны), а на новой границе «ничего построить не успели». Но коллективный «Сталин» прекрасно знал и состояние полосы укрепрайонов, одна из которых называлась «линия Сталина», а другая — «линия Молотова», и топографическую карту западных районов своей страны.

Война разворачивается не на гладкой шахматной доске, а на реальной местности, с ее оврагами, ухабами, озерами, горами и болотами. И если никаких «наступательных» или «оборонительных» танков и самолетов не бывает, то местность, напротив, может помогать или обороняющейся, или наступающей стороне. Это придумано не мной, и термины «танконедоступная местность», «танкоопасное направление» давно и прочно заняли свое место в военной литературе. Эти понятия были особенно значимы для вермахта образца 41-го года, в котором мотопехотные полки танковых и моторизованных дивизий передвигались не на гусеничных бронетранспортерах (как это показывали в советском «кино про войну»), а на обычных, «гражданских» грузовиках, трофейных автобусах и хлебных фургонах; да и немецкие танки на своих узких гусеницах застревали после хорошего дождя на той местности, которая в

России называется «грунтовой дорогой».

Задача была исключительно сложна. Утраченную внезапность вернуть уже не удастся, в то время как возможный тактический проигрыш от неудачи первого дня оборонительных боев не представлялся чем-то катастрофическим. Это вы, уважаемый читатель, твердо «знаете», что укрепленные районы на старой границе были разоружены (или даже взорваны), а на новой границе «ничего построить не успели». Но коллективный «Сталин» прекрасно знал и состояние полосы укрепрайонов, одна из которых называлась «линия Сталина», а другая — «линия Молотова», и топографическую карту западных районов своей страны.

Война разворачивается не на гладкой шахматной доске, а на реальной местности, с ее оврагами, ухабами, озерами, горами и болотами. И если никаких «наступательных» или «оборонительных» танков и самолетов не бывает, то местность, напротив, может помогать или обороняющейся, или наступающей стороне. Это придумано не мной, и термины «танконедоступная местность», «танкоопасное направление» давно и прочно заняли свое место в военной литературе. Эти понятия были особенно значимы для вермахта образца 41-го года, в котором мотопехотные полки танковых и моторизованных дивизий передвигались не на гусеничных бронетранспортерах (как это показывали в советском «кино про войну»), а на обычных, «гражданских» грузовиках, трофейных автобусах и хлебных фургонах; да и немецкие танки на своих узких гусеницах застревали после хорошего дождя на той местности, которая в России называется «грунтовой дорогой».

Обратившись к карте, мы увидим, что немецкая группа армий «Север» сразу же после перехода границы «утыкалась» в полноводную реку Неман, причем в его нижнем (т. е. наиболее широком) течении. Далее, форсировав множество малых рек и речушек, немецкие дивизии примерно в 250 км от границы выходили на берег могучей судоходной реки Западная Двина (Даугава), причем опять же в ее нижнем течении. Еще через 150–200 км на пути к Ленинграду немецкие войска должны были форсировать реку Великая, к северу от которой дорогу на Ленинград намертво перекрывала система Чудского и Псковского озер. И это — самый лучший из предоставленных природой маршрутов. Войска групп армий «Центр» и «Юг» ждали гораздо более серьезные препятствия.

Местность в полосе наступления группы армий «Центр» (южная Литва и западная Белоруссия) абсолютно «противотанковая». С севера «белостокский выступ» прикрывает полоса непроходимых болот в пойме лесной реки Бебжа, на юге граница была проведена по берегу судоходной реки Западный Буг в его нижнем течении. Немногочисленные дороги среди вековых лесов и гиблых болот западной Белоруссии представляют собой некое подобие горных ущелий — застрявшую (или подбитую) головную машину колонны невозможно ни объехать, ни обойти. Восточнее Минска полосу наступления группы армий «Центр» с севера на юг пересекают две полноводные реки, с которыми в свое время имел несчастье познакомиться Наполеон: Березина и Днепр.

О том, что значит наступать на такой местности, мы можем сегодня судить по хронологии самой блистательной (и по замыслу, и по реализации) стратегической наступательной операции Красной Армии — операции «Багратион». Наступление началось 23 июня 1944 г. примерно от рубежа р. Днепр. 3 июля был освобожден Минск, через 13 дней — Гродно, еще через 25 дней — Белосток и Брест. Город Ломжа (на самом острие бывшего белостокского выступа) был занят лишь 13 сентября. Остается только добавить, что Красная Армия начала операцию «Багратион», имея трехкратный перевес по числу дивизий, четырехкратный — по числу танков и абсолютное господство в воздухе.

В июне 41-го группа армий «Юг» могла начать вторжение на Украину лишь через относительно узкий (150–200 км) «коридор» между городами Ковель и Львов. С севера этот коридор ограничен абсолютно непроходимой полосой болот Полесья (говорят, там были деревни, в которых за всю войну так и не увидели ни одного немецкого солдата), с юга — Карпатскими горами. Именно в этой полосе и наступали все танковые и моторизованные дивизии группы армий «Юг». На этом пути им предстояло форсировать Западный Буг, а затем — следующие один за другим с почти равными промежутками в 50–60 км южные притоки Припяти (Турья, Стоход, Стырь, Горынь, Случь). Невеликие эти реки имеют широкие, надежно заболоченные берега. Советские военные специалисты характеризуют их как *«водные преграды оперативно-тактического значения».*

Южнее Карпат, в Молдавии и в степях юга Украины местность, казалось бы, гораздо более благоприятная для наступающих войск — там нет ни лесов, ни болот. Зато параллельно границе протекают три судоходные реки — Прут, Днестр, Южный Буг — в их нижнем течении. Наконец, на пути немецких и румынских войск неизбежно возникал могучий Днепр, форсирование которого в его нижнем течении представляет собой операцию, уже вполне сравнимую по сложности и рискованности с высадкой морского десанта. По сути дела, только к востоку от Днепра немецкие моторизованные соединения выходили наконец на местность, позволяющую осуществлять широкий оперативный маневр. Да только от границы до Днепра более 400 км. Препятствия, созданные самой природой, дополнялись и многократно усиливались препятствиями рукотворными. На глубине в 200–300 км от границы (за линией «старой» границы 1939 года) сплошной полосой от Финского залива до Черного моря располагались укрепрайоны «линии Сталина»:

— Кингисеппский;

— Псковский;

— Островский;

— Себежский;

— Полоцкий;

— Минский;

— Слуцкий;

— Мозырский;

— Коростеньский;

— Новоград-Волынский;

— Шепетовский;

— Киевский;

— Изяславский;

— Староконстантиновский;

— Остропольский;

Topreading.ru

— Летичевский;

— Каменец-Подольский;

— Могилев-Ямпольский;

— Рыбницкий;

— Тираспольский.

Количество ДОТов в составе одного УРа было различным и находилось в диапазоне от 206 до 455, что обеспечивало плотность от двух до трех ДОТов на 1 км фронта. Часть укрепрайонов были построены на берегах полноводных рек (Западная Двина, Южный Буг, Днестр), что создавало дополнительную преграду для наступающего противника. По количеству и составу вооружения, по качеству железобетона, по оснащенности специальным оборудованием любой из этих ДОТов по меньшей мере не уступал самым массовым сооружениям пресловутой «линии Маннергейма».

Вопреки легенде, тиражировавшейся многие десятилетия, ДОТы «линии Сталина» никто перед войной не взрывал и землей не засыпал. Некоторые ДОТы целы и по сей день. Перевезти вооружение с «линии Сталина» на «линию Молотова» было в принципе невозможно: если ДОТы на «старой» границе были на 9/10 пулеметными, то на новой границе примерно половина ДОТов должна была вооружаться новейшими полуавтоматическими артсистемами с великолепной перископической оптикой, и именно их-то и не хватало. Летом 1940 года вдоль новой западной границы Советского Союза началось строительство 15 укрепрайонов «линии Молотова» (Телыпяйский, Шауляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский). Грандиозная программа предполагала сооружение 5807 ДОТов (на «линии Сталина» их было «всего» 3279).

К 22 июня 1941 г. эта «стройка века» была еще весьма и весьма далека от завершения. Г. К. Жуков в своих печально знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях» утверждает, что «*к началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений*», но здесь он, возможно, ошибся, причем в прямо противоположную от желаемой сторону: в большинстве современных источников указываются значительно меньшие цифры. Так, в УРах Западной Белоруссии было построено от 332 до 505 ДОТов, на Западной Украине — порядка 375. Несравненно большее число ДОТов находилось еще в стадии строительства.

Например, в Брестском УРе было построено 128 ДОТов и еще 380 должны были быть сданы строителями к 1 августа 1941 г. Таким образом, в те дни и часы, когда в кабинете Сталина шли последние предвоенные совещания, их участники знали, что в среднем на одном километре фронта Брестского укрепрайона уже находятся три врытые в землю бетонные коробки, стены которых выдерживают прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы. Одна — полностью построенная, и еще две такие же коробки, частично незавершенные. Но это — в среднем. Фактически же Брестский УР находился в одном из крупнейших в мире болотистых районов. На такой местности ДОТы были выстроены не «цепочкой», а отдельными узлами обороны, перекрывающими немногие дорожные направления. Так, в районе местечка Семятыче, у дороги Седлец — Беловеж стояло 20 ДОТов, которые занимал 17-й пулеметно-артиллерийский батальон.

Сталин обладал феноменальной памятью, но даже самый беспамятный командир Красной Армии не мог к июню 41-го забыть того, как Красная Армия прорывала «линию Маннергейма».

Эта тема постоянно возникала в приказах наркома обороны Тимошенко, на совещаниях высшего комсостава. Всем было объяснено, что Красная Армия совершила чудо, равного которому не знает военная история. Хронология «чуда» была следующей: 7–10 дней ушло на то, чтобы преодолеть 30–40 км «предполья» и выйти к главной линии укреплений, затем — две недели бесплодных и кровопролитных попыток прорыва. После этого весь январь и начало февраля 1940 года ушли на серьезную подготовку к штурму;

Сталин обладал феноменальной памятью, но даже самый беспамятный командир Красной Армии не мог к июню 41-го забыть того, как Красная Армия прорывала «линию Маннергейма». Эта тема постоянно возникала в приказах наркома обороны Тимошенко, на совещаниях высшего комсостава. Всем было объяснено, что Красная Армия совершила чудо, равного которому не знает военная история. Хронология «чуда» была следующей: 7–10 дней ушло на то, чтобы преодолеть 30–40 км «предполья» и выйти к главной линии укреплений, затем — две недели бесплодных и кровопролитных попыток прорыва. После этого весь январь и начало февраля 1940 года ушли на серьезную подготовку к штурму;

11 февраля началось наступление, которое в первых числах марта закончилось окончательным прорывом трех полос финского укрепрайона и выходом Красной Армии к Выборгу.

Всякое сравнение хромает. Конечно, в феврале 1940 г. природно-климатические условия для ведения наступательной операции были ужасные. С другой стороны, против 166 ДОТов «линии Маннергейма» в феврале было сосредоточено (не считая 350 тыс. пехоты), 767 пушек и гаубиц калибра 152 мм, 96 гаубиц калибра 203 мм и 28 сверхтяжелых 280-мм мортир, бросающих снаряд весом в 286 кг. Количество танков на Карельском перешейке превысило 3 тысячи. Даже если вычесть из этого числа 492 легкие танкетки Т-37/Т38, получается, что на один пулеметный ДОТ «линии Маннергейма» в среднем наступало более 10 танков. Советская авиация в ходе 19,5 тыс. самолетовылетов сбросила на ДОТы «линии Маннергейма» в общей сложности 10,5 килотонны бомб; артиллерия обрушивала на финские укрепления до 230 тыс. снарядов в день.

Именно эти цифры, эти факты и эти темпы прорыва укрепрайона присутствовали перед глазами коллективного «Сталина». Простейшая логика и арифмометр «Феликс» указывали на то, что немцы со своими хилыми силами не смогут создать и одной пятой той концентрации живой силы и огневой мощи, которая в феврале 40-го была создана на Карельском перешейке, а это значит, что на пути от границы до Днепра их неизбежно ждет многомесячная «кровавая мясорубка». При такой оценке ситуации вопрос о том, на день раньше или на два дня позже поступит в западные округа приказ из четырех слов («приступить к выполнению плана прикрытия»), не мог иметь того судьбоносного значения, который ему придали позднейшие советские историки-пропагандисты. Сталин не ожидал катастрофы, и в рамках той военной науки, которая считает килотонны бомб, километры фронта и миллиметры брони, никаких оснований для ожидания катастрофы не было.

Глава 7

Главные маневры

Сталин ошибся. Катастрофа, беспримерная по своим масштабам и последствиям военная катастрофа состоялась.

Задача, поставленная перед вермахтом по плану «Барбаросса» (*«основные силы русских*

сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев…»), была фактически выполнена уже к середине июля 1941 г. Войска Прибалтийского и Западного военных округов (более 70 дивизий) были разгромлены, отброшены на 350–450 км к востоку от границы, рассеяны по лесам или взяты в плен. Чуть позднее то же самое произошло и с новыми 60 дивизиями, введенными в состав Северо-Западного и Западного фронтов в период с 22 июня до середины июля. Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, Западную Украину и Молдавию.

Неман немцы переехали по трем невзорванным мостам у Алитуса и Меркине, полноводную Западную Двину переехали утром 26 июня по двум невзорванным мостам у Даугавпилса (300 км к западу от границы). 4 июля немцы практически без боя заняли г. Остров, захватив два невзорванных моста через р. Великая. 9 июля был занят Псков. Укрепления Псковского, Островского и Себежского укрепрайонов немцы практически не заметили. В том же темпе, практически не обращая внимания на серые бетонные коробки ДОТов, немцы прошли через линию Брестского и Гродненского УРов. Только на северном фланге Минского укрепрайона разгорелись ожесточенные бои, и наступление противника было задержано на 2–3 дня. 28 июня, ровно через неделю после начала войны, был занят Минск (350 км к западу от Бреста или Белостока). В тот же день, 28 июня немцы форсировали р. Березина в районе Бобруйска силами передового отряда 3-й танковой дивизии в составе двух танковых взводов и одной мотопехотной роты.

В тот же день, 28 июня 1941 г. военный комендант г. Борисова писал в своем донесении:

«…Непосредственно против р. Березина крупных частей противника нет. Действуют по основным магистралям отдельные танковые отряды с охранением от них в виде отдельных дозоров (чаще танкеток) силою от отделения до взвода (т. е. от 10 до 50 человек. — *М. С.*). *<…> Гарнизон, которым я располагаю для обороны рубежа р. Березины и Борисова, имеет сколоченную боевую единицу только в составе бронетанкового училища (до 1400 человек). Остальной состав — сбор «сброда» из паникеров тыла, деморализованных отмеченной выше обстановкой, со значительным процентом приставших к ним агентов германской разведки и контрразведки (шпионов, диверсантов и пр.). Все это делает гарнизон г. Борисова небоеспособным…*

Отсутствие 3-го отделения и трибунала, до организации их мною лично, значительно ослабляет боеспособность и без того малобоеспособных частей гарнизона. ***Кроме того*** (подчеркнуто мной. — *М. С.*) *нет танков и противотанковых орудий…»*

10–11 июля Днепр был форсирован в 200-километровой полосе от Орши до Рогачева. 16 июля 29-я мотопехотная дивизия вермахта заняла Смоленск (700 км к востоку от границы). Две трети расстояния от Бреста до Москвы были пройдены менее чем за месяц.

К 6–9 июля (эти даты в советской историографии традиционно считаются временной границей так называемого «приграничного сражения») войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли 11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий и минометов, более 1 млн единиц стрелкового оружия. Учтенные потери личного состава этих трех фронтов составили 749 тыс. человек. Вермахт на Восточном фронте потерял к 6 июля 64 тыс. человек. Таким образом, потери личного состава наступающего — причем очень успешно, по 30–50 км в день наступающего — вермахта и обороняющейся Красной Армии соотносились примерно как 1 к 12. К концу июля численность учтенных немецким командованием военнопленных составила 814 тыс. человек. Безвозвратные потери танковых дивизий вермахта к концу июля 1941 г. составили 503 танка. К этой цифре следует добавить потерю 21 «штурмового орудия». Можно

приплюсовать и потерю 92 танкеток Pz-I. Даже и в этом случае соотношение безвозвратных потерь танков сторон составляет 1 к 19.

Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. По здравой логике — и по всей практике войн и вооруженных конфликтов — потери наступающего должны быть больше потерь обороняющегося. Соотношение потерь 1 к 12 возможно разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, обороняющихся копьями и мотыгами…

В годы зрелого застоя появился такой невеселый анекдот. Посреди Красной площади в Москве стоит мужик и разбрасывает листы чистой бумаги. Ну, его — ясное дело — под белы ручки и в милицию.

— Ты че делаешь?

— Листовки разбрасываю.

— Какие листовки? На них же ничего не написано!

— А что, кому-то еще непонятно?

Тем, кто видел чудовищный разгром лета 41-го своими собственными глазами, долгие объяснения его реальных причин были не нужны. Им и так все было понятно. Как по команде (а может быть — и вправду по команде) сложился негласный «заговор молчания», по условиям которого даже в секретных рапортах и докладах не следовало говорить о том главном, что и безо всяких рапортов знали командиры и подчиненные на всех ступенях военной лестницы. Вот, например, интересный документ (ЦАМО, ф. 221, оп. 5554, д. 4, лл. 34–39). 9 июля 1941 г. генерал-майор Тихонов пишет на имя Уполномоченного Ставки ГК генерал-полковника Городовикова доклад под названием *«Выводы по наблюдениям за операциями нарижско-псковском и островско-псковском направлениях».* Судя по названию, генерал Тихонов был послан в войска с задачей непредвзято разобраться в причинах разгрома и доложить свои выводы высшему командованию. С чего же начинает он свои «Выводы»? Со следующей, мягко говоря — странной фразы: «***Не вдаваясь в первопричины*** (подчеркнуто мной. — *М. С.*) *отхода войск Северо-Западного фронта, необходимо констатировать наличие в войсках на сегодня следующих недостатков…»*

Впрочем, даже отказавшись обсуждать «первопричины», генерал Тихонов констатировал, что:

«…В обороне командиры и бойцы неустойчивы… Приходилось видеть много случаев, когда отход начинался без приказа начальника, без нажима пехоты, под давлением только танков или артиллерийского огня или огня минометов… Артиллерия проявляет неустойчивость, преждевременно отходит с огневых позиций, не использует всей мощности своего огня… Противотанковые орудия в обороне также неустойчивы, преждевременно оставляют свои позиции, в результате чего танки противника командуют на поле боя… Пехота — слабейшее место войск. Наступательный дух низок…

«…В обороне командиры и бойцы неустойчивы… Приходилось видеть много случаев, когда отход начинался без приказа начальника, без нажима пехоты, под давлением только танков или артиллерийского огня или огня минометов… Артиллерия проявляет неустойчивость, преждевременно отходит с огневых позиций, не использует всей мощности своего огня…

Противотанковые орудия в обороне также неустойчивы, преждевременно оставляют свои позиции, в результате чего танки противника командуют на поле боя… Пехота — слабейшее место войск. Наступательный дух низок…

Часть командного состава, особенно в звене до командира батальона, не проявляет должного мужества в бою, отмечаются случаи оставления поля боя без приказа начальника одиночками и даже подразделениями. Более того, даже в звене высшего командного состава проявляются у некоторых растерянность и упадок духа… Тылы, начиная с полкового, плохо управляются, блуждают и являются первоисточниками панических слухов и потоков…»

К весьма примечательным выводам пришел военный историк, полковник Л.Н. Лопуховский. В сборнике «Великая Отечественная катастрофа-3» (М.: Яуза, 2008) опубликована его статья «В первые дни войны». Работа посвящена истории разгрома 120-го гаубичного полка РГК (4-я армия, Западный фронт). Интерес автора к истории именно этой части понятен — полком командовал его отец, полковник Н. И. Лопуховский (погиб в начале октября 41-го в «вяземском котле»). Работая в ЦАМО с уцелевшими документами Западного фронта, Л. Н. Лопуховский отметил следующее:

«…Лишь иногда можно встретить подробное донесение о причинах оставления на территории, захваченной противником, вооружения и боевой техники. Впечатление такое, что часть таких донесений просто изъяли из соответствующих дел, передав их на особое хранение (на эту мысль наводят исследователей многочисленные случаи изменения нумерации страниц в делах в меньшую сторону)… Странно, что в докладе командира 120-го гап ничего не сказано о причинах оставления в пунктах дислокации 12 гаубиц Б-4. «Оставили» — и все…»

Для того чтобы вам стало понятнее, насколько это «странно», придется привести несколько цифр. 203-мм гаубица Б-4 на гусеничном лафете — это стальное чудовище весом (в походном положении) 19 т, способное забросить 100-кг снаряд на дальность 18 км. Отпускная цена гаубицы Б-4 в 1939 г. была установлена в размере (в зависимости от комплектации) 510–585 тыс. рублей. Это цена легкого танка. Или 90 легковых автомашин М-1 («эмка»). Такие мощные и дорогостоящие артсистемы «просто так» оставлять не положено…

Строго говоря, при наличии большого желания можно было выяснить «причины оставления» едва ли не каждого танка, каждой тяжелой гаубицы, каждого брошенного на аэродроме самолета. Оружие «просто так» не раздают. За сохранность каждой единицы вооружения персонально отвечали конкретные лица. Даже простая трехлинейная винтовка имела свой индивидуальный номер и выдавалась бойцу под роспись. После того, как ценой крови миллионов война закончилась не в Москве, а в Берлине, Сталин мог устроить большой «разбор полетов». Можно было взять десятки тысяч трофейных документов вермахта и скрупулезно сверить каждое донесение о «потерях противника» с потерями, учтенными в документах самого противника. Можно было конкретно выяснить, что стояло в действительности за донесениями о «многократно превосходящих силах противника», о пресловутых «немецких авиадесантах», о немецких танках, которые тысячами появлялись в самых неподходящих местах… Много чего можно было проверить, но товарищ Сталин проявил в этом деле великую мудрость.

Сталин не стал ничего проверять и выяснять. Да и зачем? Для установления «первопричин» военной катастрофы 41-го года? Сталин прекрасно понял эти «первопричины» уже в первые дни войны. Для наказания виновных? Главными виновными был он сам и преступная банда его сообщников. Что же касается «стрелочников», то они уже были примерно наказаны. 16 августа

1941 г. вышел знаменитый приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». Для вящей убедительности Сталин приказал подписаться под этим документом, едва ли имеющим аналог в военной истории цивилизованных стран, своим подельникам: Буденному, Ворошилову, Жукову, Молотову, Тимошенко и Шапошникову. Постановляющая часть приказа № 270 гласила:

«Приказываю:

Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава…

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи…»

Очень важным для понимания образа мыслей товарища Сталина является тот факт, что в приказе № 270 он не счел нужным даже упомянуть о таких высоких мотивах, как «защита завоеваний Октября», «спасение человечества от фашистского варварства», не вспомнил ни про Дмитрия Донского, ни про Александра Невского. Просто и без обиняков военнослужащим Красной Армии напомнили о том, что их семьи являются заложниками их поведения на фронте. Современному читателю трудно, наверное, понять конкретный смысл фразы «лишить государственного пособия и помощи», но те, кто выслушал приказ № 270, стоя в строю, уже знали, что по взлетевшим до небес ценам «колхозного рынка» на среднюю зарплату рабочего можно было купить примерно 4 кг хлеба или два куска мыла. На выбор.

Приказ Сталина не остался пустым звуком. Всего за годы войны по приговорам военных трибуналов было расстреляно 158 тыс. человек (в докладе Комиссии по реабилитации была указана «точная» цифра — 157 593, но я сомневаюсь, что в кровавой круговерти войны возможен был столь точный учет). Десять дивизий поголовно расстреляно своими. Так что наказать «стрелочников» товарищ Сталин не забыл. Едва ли стоит напоминать и тот общеизвестный факт, что Советский Союз отказался от сотрудничества с Международным Красным Крестом, что сделало невозможным оказание помощи продовольствием и медикаментами находящимся в немецком плену красноармейцам.

И после великой Победы Сталин не стал транжирить ресурсы на то, чтобы накормить, одеть и обуть в целое и новое, предоставить нормальное жилье и дешевенький «фольксваген» каждому из выживших в организованной им всемирной бойне победителей. Он поступил гораздо умнее. Он проявил великую щедрость и сделал один, но истинно царский подарок на всех: Сталин подарил своим подданным СКАЗКУ. Сказку про юную прекрасную страну, в которой среди бескрайних лесов, полей и рек дышалось так вольно и счастливо. Но однажды, солнечным летним утром, проклятая фашистская орда вероломно и внезапно напала на мирную страну. Благородная ярость мирных людей вскипела, как волна, и обрушилась на захватчиков. У защитников чудесной страны не было танков, не было самолетов, простых винтовок и то не хватало, но зато был беспримерный в истории массовый героизм и небывалое единство партии и народа. И бежали в страхе черные полчища, и весь мир в восхищении встречал армию-победительницу цветами и трофейными аккордеонами.

Взрослые люди слушали эту волшебную сказку и забывали все, что видели своими собственными глазами, а когда кровожадный и подлый сказочник умер (или был своевременно отравлен своими товарищами по Политбюро), миллионы очарованных взрослых детей рыдали и бились в истерике. А затем, в спокойной обстановке, на обильных номенклатурных харчах были сочинены горы книг о том, что *«источником высоких моральных качеств советских воинов были: прочность и великие преимущества социалистического общественного и государственного строя, дружба народов СССР, советский патриотизм и пролетарский интернационализм, безраздельное руководство Коммунистической партии всеми сторонами жизни страны».* Надеюсь, вы понимаете — я не ерничаю, я цитирую. Процитирую и то, что в конце 2007 г. написал в ленинградском журнале «Звезда» С. Гедройц:

«…Более полувека тысячи и тысячи специальных людей в специальных же институтах, академиях, управлениях, издательствах производили и воспроизводили специальное Военное Вранье. Документы — какие уничтожены, какие подделаны, какие засекречены, а главное — мозги обработаны так, чтобы пошевелить ими было невозможно. В мавзолее, построенном из циклопических глыб вранья, Великая Отечественная лежала мертвее Ленина…»

Разумеется, все шулерские уловки в рамках одной главы рассмотреть невозможно, не удастся мне назвать и одной сотой имен, ибо описанные ниже приемы использовали практически все советские «историки», имя же им — легион. Не дерзая сформулировать полную и исчерпывающую классификацию методов «специального военного вранья», я начну этот краткий обзор со следующих четырех приемов:

— «маневр по фронту»;

— «маневр в глубину»;

— «игра ума» (подмена обсуждения фактов спором о «возможностях»);

— применение слезоточивого газа и шумовых гранат.

Военные действия разворачиваются во времени и в пространстве. Эта бесхитростная философия открывает умелому человечку поистине безграничные возможности для фальсификаций. Сейчас я вам наглядно покажу, как, применяя маневр по фронту и маневр в глубину, можно предъявить доверчивому читателю ЛЮБЫЕ соотношения численности войск противоборствующих сторон.

Начнем с самого простого, сугубо теоретического примера. Некая дивизия стала в оборону. По довоенному Полевому уставу (ПУ-39, п. 375) *«стрелковая дивизия может успешно оборонять полосу шириной по фронту 8–12 км, стрелковый полк — участок по фронту 3–5 км, батальон — район по фронту 1,5–2 км».* Предположим, что именно так, как того требует Устав, и расположилась на местности дивизия обороняющихся. Противник имеет задачу силой одной дивизии прорвать оборону. Фактически имеет место полное численное равенство сил сторон (дивизия против дивизии). Однако же наступающая дивизия не пойдет в атаку, растянувшись «цепью» на 10 км. Для этого командиру наступающих не требуется быть величайшим военным гением всех времен — достаточно твердо усвоить Устав. А что там сказано? *«Дивизия может атаковать в среднем на фронте до 3 км. Ударная группа дивизии образуется в составе не менее двух стрелковых полков. Она усиливается приданными дивизии танками и поддерживается основной массой дивизионной и приданной артиллерии»* (ПУ-39, п. 260).

Даже если никаких приданных танков и артиллерии у атакующих не будет, удар двух полков, поддержанных огнем *«основной массой дивизионной артиллерии»*, придется на участок обороны, занятый (в лучшем для обороняющихся случае) всего лишь одним полком. Таким образом, наступающие имеют двукратное превосходство в численности личного состава и огромное превосходство в артиллерии. Что значит «огромное»? Давайте посчитаем. В полку обороняющихся (здесь и далее берем штатное расписание стрелковой дивизии Красной Армии от апреля 1941 г.) всего 6 пушек калибра 76,2 мм. А у наступающих, кроме 12 пушек двух стрелковых полков, есть еще и «основная масса дивизионной артиллерии, т. е. 32 гаубицы калибра 122-мм и 12 гаубиц калибра 152 мм (16 дивизионных пушек калибра 76,2 мм я бы, на месте командира дивизии наступающих, оставил в резерве — на случай отражения возможного контрудара). По количеству стволов у наступающих 9-кратное превосходство; по совокупному «весу единичного залпа» (есть в военном деле такая характеристика) создается 32-кратное превосходство. И это, заметьте, — при исходном равенстве сил сторон!

Теперь с тактического уровня (полк, дивизия) перейдем на оперативный (армия, фронт). Возьмем на этот раз вполне конкретный пример. Большая часть сил Красной Армии развертывалась на юго-западном ТВД (в полосе от Припяти до Черного моря). В результате этого, несмотря на общее арифметическое превосходство советской стороны в численности войск, на северно-западном ТВД (от Балтики до болот Полесья) в первые дни войны сложилось примерное равенство сил (74 дивизии вермахта в составе групп армий «Север» и «Центр», 71 дивизия Красной Армии в составе Прибалтийского и Западного военных округов).

Однако немецкое командование, разумеется, не выстроило свои войска длинной равной цепочкой, а решительно массировало силы и средства на направлениях главного удара. В частности, с северо-запада на белостокский выступ наступала 9-я армия вермахта в составе трех (8-й, 20-й, 42-й) пехотных корпусов. Три дивизии 42-го корпуса, растянувшись «длинной ниткой» вдоль границы на фронте протяженностью в 110 км, имели задачу отвлечь внимание и сковать часть сил Красной Армии. Основной же удар у самого основания белостокского выступа наносили пять дивизий 8-го и 20-го корпусов. Фактически в полосе обороны одной (56-й) стрелковой дивизии Красной Армии был нанесен концентрированный удар силами четырех немецких дивизий. Многократное численное превосходство уже налицо. Но и это еще далеко не предел концентрации. К северу от 9-й армии вермахта, встык Западного и Северо-Западного фронтов наносила удар 3-я Танковая Группа вермахта. На этапе прорыва приграничных укреплений 3-й ТГр были оперативно подчинены еще и два пехотных корпуса (5-й и 6-й). В первый день войны, только в первом эшелоне наступления, против 128-й стрелковой дивизии Красной Армии наступали три танковые (20-я, 7-я, 12-я, всего 714 танков), две пехотные и одна моторизованная дивизии вермахта. Подавляющее численное превосходство — опять же при общем равенстве сил сторон на ТВ Д.

И на этом «маневр по фронту» еще не заканчивается. 3-я ТГр в первые дни войны наступала в полосе шириной в 40–50 км. Но это совсем не значит, что танки двигались на восток, растянувшись цепью от Вильнюса до Вороново. Ничего подобного — каждая из четырех танковых дивизий группы имела свою собственную «полосу наступления», но и в пределах этой полосы ударные группы танков и мотопехоты наступали на относительно узких участках прорыва.

По предвоенным взглядам советских военных специалистов, танковое соединение непосредственно на поле боя должно было иметь построение в 3 эшелона с интервалами между танками в 20–30 метров. При таком построении немецкая танковая дивизия (порядка 200 танков) наносила удар на фронте шириной в 2 км. Это (см. выше) — район обороны стрелкового батальона. Танковая дивизия против стрелкового батальона! Десятикратное превосходство в численности, абсолютное превосходство в огневой мощи. По штатному

расписанию в стрелковом батальоне всего две противотанковые пушки — как они могут парировать удар двухсот танков? Вот оно, «многократное численное превосходство» противника, который, как пишет маршал Жуков, «в первый же день войны нанес сокрушительные рассекающие удары».

Впрочем, все это вы прекрасно знаете и без меня. На собственном, к счастью, почти бескровном опыте. Крохотный комарик весом менее одного грамма сокрушительным рассекающим ударом пробивает толстенную кожу человека. На микроскопическом участке острия комариного жала создается давление, которому ничто живое противостоять не может. Значит ли это, что в схватке между человеком и комаром человек обречен? Нет. У человека есть в запасе два способа спастись от атаки комара. Первый — создать заблаговременно подготовленную полосу укреплений (плотная брезентовая куртка, сетка-накомарник, отпугивающая комаров мазь). Второй — нанести сокрушительный контрудар во фланг и тыл противника, т. е. прихлопнуть комара легким движением руки. У обороняющейся армии есть еще и третий вариант действий — противопоставить концентрации сил наступающих на узком участке прорыва адекватную концентрацию сил обороняющихся (человек же — если только это не индийский йог — не может усилием воли уплотнить свою кожу так, чтобы она стала непробиваемой для комариного жала).

Чудес не бывает. При исходном равенстве сил сторон невозможно создать «многократное численное превосходство» на одном участке, не оголив при этом все остальные! Прорыв 3-й танковой группы от Сувалки на Вильнюс и далее на Минск стал возможным вовсе не потому, что немцы нашли «волшебную палочку», позволяющую превращать муху в слона. Просто мощнейший 6-й мехкорпус Красной Армии не смог (точнее говоря — даже не пытался) пробить тоненькую «нитку» боевого порядка 42-го пехотного корпуса вермахта и нанести удар во фланг и тыл 3-й танковой группы. Повторяя все те арифметические упражнения, которые были продемонстрированы выше, мы приходим к тому, что 6-й мехкорпус (1100 танков, более 28 тыс. человек личного состава) должен был обрушить свой «сокрушительный рассекающий удар» на один пехотный полк вермахта и просто «размазать его по стенке». Как комара.…

Принцип концентрации сил на направлении главного удара был, есть и будет основой основ военного искусства, но это очень опасный, «обоюдоострый» прием. И совсем не случайно в русском языке существует это словосочетание: «военное искусство». Огромное искусство, т. е. опыт, знания, быстрота и гибкость в принятии решений, нужно для того, чтобы, сконцентрировав усилия на одном участке фронта, не получить сокрушительный контрудар на другом. Если бы это было не так, то все наступающие всегда бы только наступали. Малой кровью и на чужой земле.

Возвращаясь от кровавой военной науки к относительно безопасной военно-исторической пропаганде, отметим, что в советские времена «маневр по фронту» осуществлялся как бы в «два эшелона». На первом, в толстых книгах, претендующих на некую научную добросовестность, фразы о «многократном численном превосходстве вермахта» сопровождались все же стыдливой оговоркой — «на участке прорыва», «на направлении главного удара». Не всяк эти оговорки замечал, но мудрые профессора прикрывали таким образом свою… репутацию. На уровне лекций в «красном уголке» все эти ненужные, отвлекающие от главного уточнения отбрасывались и трудящимся прямо и без обиняков рассказывали про «четырех-пятикратное превосходство противника». Заметим, что цифры эти были взяты просто с потолка, точнее говоря — из райкомовской методички, которая была переписана с горкомовской, и так далее вплоть до отдела агитации и пропаганды ЦК. Именно там и решили, — каким быть «численному превосходству» вермахта. Думаю, что добросовестный подсчет соотношения сил на тех, очень узких участках (фактически — дорожных направлениях), на которых наступали немецкие танковые колонны, дал бы цифры

порядка 10–15 к 1.

Возвращаясь от кровавой военной науки к относительно безопасной военно-исторической пропаганде, отметим, что в советские времена «маневр по фронту» осуществлялся как бы в «два эшелона». На первом, в толстых книгах, претендующих на некую научную добросовестность, фразы о «многократном численном превосходстве вермахта» сопровождались все же стыдливой оговоркой — «на участке прорыва», «на направлении главного удара». Не всяк эти оговорки замечал, но мудрые профессора прикрывали таким образом свою… репутацию. На уровне лекций в «красном уголке» все эти ненужные, отвлекающие от главного уточнения отбрасывались и трудящимся прямо и без обиняков рассказывали про «четырех-пятикратное превосходство противника». Заметим, что цифры эти были взяты просто с потолка, точнее говоря — из райкомовской методички, которая была переписана с горкомовской, и так далее вплоть до отдела агитации и пропаганды ЦК. Именно там и решили, — каким быть «численному превосходству» вермахта. Думаю, что добросовестный подсчет соотношения сил на тех, очень узких участках (фактически — дорожных направлениях), на которых наступали немецкие танковые колонны, дал бы цифры порядка 10–15 к 1.

Всем хорош метод «маневра по фронту», одним только плох — рассчитан он на совершенно безграмотного в военном деле человека. Что, впрочем, вполне соответствовало базовому принципу коммунистической пропаганды: «дурак не заметит, умный — промолчит, смелого — посадим». И тем не менее еще в старые добрые времена «маневр по фронту» был дополнен гораздо более солидным «маневром в глубину» (в данном случае под «глубиной» я понимаю как пространство, так и время).

Суть метода «маневр в глубину» заключается в преднамеренном игнорировании разницы между мгновением и большим промежутком времени, между моментальной фотографией и киносъемкой длительного процесса. Проще говоря, численность войск и вооружений Красной Армии всегда указывалась по состоянию на утро 22 июня 1941 г., причем в географических пределах произвольно установленного «первого эшелона». А на стороне противника суммируется все, что появилось там в течение недели, месяца, года после начала боевых действий. Этот трюк открывает огромные возможности для «мозгоимения».

Если речь идет о «моментальной фотографии» 22 июня 1941 г., то в состав группировки войск противника должны быть включены три группы армий вермахта («Север», «Центр» и Юг»), а в состав группировки Красной Армии — войска четырех западных округов (Прибалтийского, Западного, Киевского, Одесского). Если говорить о «приграничном сражении» (22 июня — 9 июля), то на стороне противника добавляется румынская армия, начавшая 2 июля совместно с немцами наступление в Молдавии, а на стороне Красной Армии — некоторые соединения Ленинградского военного округа, переброшенные в район Остров — Псков, и некоторые соединения Второго стратегического эшелона, реально принявшие участия в боевых действиях в конце июня — начале июля 41-го. Если мы говорим про лето 41-го, то на стороне противника появляется финская армия, начавшая наступление 10 июля, немногочисленные на тот момент соединения венгерской и словацкой армии, некоторые пехотные дивизии резерва Верховного командования вермахта. На советской стороне в сражение входит весь Ленинградский округ, весь Второй стратегический эшелон, многочисленные новые формирования. И так далее…

Уже из этого краткого обзора видно, что добросовестная оценка численности войск Красной Армии и противника требует определенных знаний и интеллектуальных усилий. Самое же

главное — она неизбежно приведет совсем к другим выводам, нежели те, что записаны в райкомовской методичке. Поэтому решено было «не умничать». Вот так и появились те цифры, которые, надеюсь, наизусть известны каждому ветерану лекций в «красном уголке». А именно: к численности трех групп армий вермахта (84 пехотные, 17 танковых и 13 моторизованных, всего — 114 дивизий) приплюсовываются:

— 9 дивизий охраны тыла (укомплектованные военнослужащими старших возрастов полицейские формирования);

— 4 дивизии армии «Норвегия» (вступившие в боевые действия в начале июля);

— 24 пехотные, 2 танковые, 1 моторизованная дивизии резерва Верховного командования (появившиеся в таком количестве на Восточном фронте лишь к началу битвы за Москву);

— 36 финских, румынских, венгерских, словацких дивизий (воистину «не идущих ни в какое сравнение» с дивизиями вермахта по вооружению и уровню боевой подготовки и, за исключением 16 финских дивизий, пригодных только к грабежам на оккупированной территории).

Вот вам и искомые «190 немецких дивизий», которые на страницах советских учебников истории «на рассвете 22 июня» вторглись на территорию СССР. При этом, разумеется, игнорировался тот факт, что численность группировки советских войск тоже возрастала — причем возрастала в несравненно большем масштабе и с большей скоростью, нежели группировки вермахта и его союзников.

22 июня в составе войск четырех приграничных округов было как минимум 149 «расчетных» дивизий (7 кавалерийских дивизий и 12 воздушно-десантных бригад учтены как 7 «расчетных дивизий»). В эту цифру не включены 10 противотанковых артиллерийских бригад и по меньшей мере 16 дивизий Второго стратегического эшелона, которые к 22 июня уже находились на территории западных округов, не учтены и части войск НКВД, численность которых (154 тыс. чел.) соответствовала десяти «расчетным дивизиям». Таким образом, даже к началу — крайне неудачному, незапланированному, преждевременному началу боевых действий — Красная Армия обладала небольшим численным превосходством над противником в общем числе дивизий (превосходство в авиации, в численности танков и танковых дивизий было при этом многократным).

В начале июля в бой вступили соединения Ленинградского округа: 15 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии. К 5–10 июля была в основном завершена передислокация на ТВД войск Второго стратегического эшелона (16-я, 19-я, 20-я, 21-я, 22-я, 24-я и 28-я армии). В середине июля, даже несмотря на потери первых недель, в составе действующей армии было уже порядка 235 дивизий. К концу июля были сформированы 29-я, 30-я, 31-я, 32-я, 33-я, 43-я, 49-я армии. Всего в ходе двухмесячного смоленского сражения было введено в бой 104 дивизии и 33 бригады. В общей сложности до 1 декабря 1941 г. на западное стратегическое направление Ставка направила 150 дивизий и 44 стрелковые бригады, на ленинградское и киевское направления — еще 140 дивизий и 50 стрелковых бригад. А ведь кроме стрелковых (пехотных) соединений формировались еще и кавалерийские, танковые, артиллерийские…

Причина, по которой Красная Армия могла наращивать свою численность в таком темпе, предельно проста. Те части и соединения, которые вермахт смог сосредоточить у границ Советского Союза, это тот максимум, который смогла достичь 80-миллионная Германия через два года после начала всеобщей мобилизации. Добавить к этому «максимуму» было почти что нечего. С другой стороны, те дивизии, которые Красная Армия развернула в западных округах

к 22 июня 1941 г., представляли собой минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сформировать в условиях скрытой, тайной мобилизации и перебросить на Запад в рамках незавершенной передислокации войск.

23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных сил было призвано 5,3 млн человек (что означало увеличение общей численности военнослужащих в два раза по сравнению с состоянием на 22 июня). Невероятно, но этот факт советская историография исхитрилась «не заметить». Хотя, казалось бы, как можно забыть такое? Миллионы семей провожали на фронт своих родных, бабий вой стоял над десятками тысяч деревень, «Вставай, страна огромная…» гремело изо всех репродукторов, газеты пестрели фотографиями очередей у военкоматов… Но вплоть до окончательного развала Советского Союза во всех книгах и учебниках присутствовала только цифра 2,9 млн человек — численность личного состава войск западных округов по состоянию на 22 июня 1941 г. Куда же тогда ушли 5,3 млн мобилизованных? Неужели на летнюю прогулку?

Но и 1 июля 1941 г. мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. Всего по Указу Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. было мобилизовано 10 (десять) миллионов человек. Причем «лишними» они не были. Как пишут авторы монографии «1941 год — уроки и выводы», *«уже в августе были полностью использованы остатки всех поднятых по мобилизации возрастов»*. Затем, по постановлению ГКО № 459 от 11 августа 1941 г., призвали еще 4 млн человек. И еще порядка 2 млн человек (по крайней мере, именно такую цифру всегда приводила советская пропаганда) призвали в так называемые дивизии народного ополчения. Располагая таким огромным «ресурсом живой силы», советское командование и могло формировать сотни новых дивизий, и непрерывно пополнять личным составом остатки сотен разгромленных дивизий, — одним словом, непрерывно компенсировать отсутствие качества управления огромным превосходством в количестве личного состава. У такого способа ведения войны есть вполне конкретное название, но вы его и без меня знаете…

Нельзя сказать, чтобы «маневры по фронту и в глубину» совсем уже ушли в прошлое. Нет, они и по сей день присутствуют в сотнях публикаций. Новые методы «мозгоимения» не вытеснили, а скорее дополнили, усилили и углубили старые шулерские приемы. В частности, по-прежнему хороша и эффективна «игра ума».

Как-то раз в прямом эфире «Эха Москвы» разъяренный слушатель задал мне сокрушительный (по его мнению) вопрос: «Вот вы нам тут сказки рассказываете про то, что в Красной Армии было во много раз больше танков, чем в вермахте. А вы знаете, что Германия производила чугуна и стали в два раза больше, чем СССР?» Я немедленно ответил. Честно, как есть: «Не знаю. И знать не желаю».

Вопрос о том, сколько чугуна и стали производит Германия, был одним из важнейших вопросов, ответ на который искала советская военная разведка накануне войны. Почему? Потому что информация об объеме выплавки стали позволяла строить некоторые, не совсем уже голословные догадки о том, сколько танков произвела и сколько сможет произвести в дальнейшем промышленность Германии. Эти догадки позволяли сделать следующую, самую главную догадку: сколько и каких танков может оказаться в составе танковых дивизий вермахта, развертываемых на границах СССР. Весной 1941 года, в отсутствие точных документальных данных о составе и вооружении армии противника, сведения о выплавке чугуна были на вес золота. Но зачем сегодня морочить людям голову рассуждениями о том, сколько танков теоретически можно было бы понаделать из имеющегося чугуна, когда доподлинно известно — сколько и каких (по типам и модификациям) танков было фактически в каждой из 17 танковых дивизий вермахта?

Вопрос о том, почему в начале войны (подчеркните слово «в начале» жирной чертой) из такого большого количества стали Германия сделала такое маленькое количество танков (среднемесячное производство танков в Германии в 1941 г. составило 305 единиц, в 1944 г. — 1530), конечно, интересен. Можно придумать десять (или сто) вполне логичных объяснений этого парадокса. Но к поиску причин поражения Красной Армии в первые недели войны вся эта «игра ума» никакого отношения не имеет.

А вот для «мозгоимения» она страсть как хороша, потому что позволяет сразу же перевести дискуссию на обсуждение абсолютно посторонних тем. Годится на такой случай и знаменитая припевка: «На Гитлера работала вся Европа». Что такое «вся Европа»? Может ли она считаться «всей» без Англии, Испании, Италии (от Муссолини Гитлер ничего, кроме больших и малых неприятностей, не получил), Швеции, Швейцарии (последние две ничего Германии не давали, а продавали, и за эти поставки приходилось платить деньги)? Какие материальные ресурсы надо было затратить на то, чтобы перевести фабрики, производящие голландский сыр и датское сливочное масло, на выпуск танков? Что в реальности лимитировало выпуск танков для нужд вермахта: нехватка производственных мощностей или нехватка сырья для производства легированной стали (из чугуна танки, как известно, не делаются)? Уйма вопросов, уйма возможностей для демонстрации собственной эрудиции… При этом выявление фактов о реальном соотношении сил на Восточном фронте 22 июня 1941 г. окончательно топится в потоках словоблудия.

В прежние времена этот прием (подмена обсуждения конкретных фактов обсуждением всегда неопределенных и спорных «возможностей») не был в особом ходу — фальсификаторам вполне хватало других, гораздо более грубых и действенных методов. Сейчас этот шулерский трюк — один из самых распространенных. Особенно полюбился он шумным и развязным «антирезунистам» (хулители В. Суворова почему-то считают особым шиком называть его Резуном; вероятно, в рамках доступного им чувства юмора, эта вполне типичная украинская фамилия звучит жутко смешно).

В. Суворов высказал предположение о том, что Сталин готовился к вторжению в Европу, каковое вторжение должно было начаться в июле 1941 г. Элементарная логика заключается в том, что опровергнуть версию Суворова можно, только предложив другую, связную и внутренне непротиворечивую интерпретацию рассекреченных оперативных планов и реальных действий Сталина. Увы, умственных способностей «антирезунистов» не хватает даже для понимания стоящей перед ними задачи, тем паче — для ее решения. Поэтому любая дискуссия на «суворовскую тему» глушится ими следующим выкриком: «Разве же мог Сталин планировать вторжение в Европу, если (второй левый поддерживающий каток танка КВ перегревался, Мухосранский райвоенкомат не подготовил площадку для приема мобилизуемого автотранспорта, план производства бронезаслонок для ДОТов был выполнен лишь на 83,725 %, среднестатистический уровень оснащения паровозоремонтных мастерских в СССР кусачками и плоскогубцами уступал немецкому на 27,345 %, третья русско-турецкая война убедительно показала низкий уровень оперативной подготовки офицеров русской армии — ненужное подчеркнуть)…» И все. Через несколько минут все уже забыли, что они пытались обсудить — идет ожесточенный, с потоком личных оскорблений, спор о том, почему провалилась Столыпинская реформа…

Встречаются нынче и совершенно феерические рассуждения:

«*… Любители подсчитывать боевую мощь армий по количеству танков почему-то забывают, что промышленный потенциал Германии к 1941 году в несколько раз превосходил промышленный потенциал Советского Союза. Поэтому совершенно очевидно* (кому очевидно? — *М. С.*), *что если немцы построили недостаточное количество танков —*

значит, соответствующие производственные мощности были заняты выпуском другой военной продукции, которую руководство вооруженных сил рейха сочло более важной. Например, бронетранспортеров, автомашин, мотоциклов, противотанковых орудий, пистолетов-пулеметов или полевых радиостанций. Не приходится сомневаться, что германские вооруженные силы представляли собой предельно сбалансированный механизм…»

Какая прелесть! «Не приходится сомневаться». Почему? Потому что «совершенно очевидно». Не хватает в этом пассаже сущей безделицы (и именно от безделья ее и не хватает!) — маленькой таблички с конкретными цифрами. Теми самыми цифрами, которые, по моему мнению и мнению Карла Маркса, «стоят целых томов, полных риторической чепухи».

Но считать *«бронетранспортеры, автомашины, мотоциклы, противотанковые орудия»*, поступившие к 22 июня 1941 г. на вооружение Красной Армии и вермахта, г-ну Гончарову (автору вышеприведенного перла) некогда. Других дел полно *(«родился в Свердловске. Не окончил два института — Свердловский государственный медицинский и Уральский государственный педагогический. Активист движения клубов любителей фантастики, движения ролевых игр…»).* В последнее время В.Л. Гончаров активно играет в ролевую игру под названием «я — историк». Нет, ни одной книги он миру еще не подарил, зато при странном попустительстве издательств (или они тоже играют в ролевую игру?) пишет объемистые предисловия-послесловия к чужим книгам, а также полемические статьи.

Свежайшая (из известных мне на сей день) статья В. Л. Гончарова называется просто шикарно: «История или пропаганда?» Читаю с тайною тоскою и начитаться не могу… Кто ей внушил умильный вздор… Простите, отвлекся. Славная фамилия Гончаровых навеяла… Так вот, на первых четырех страницах г-н Гончаров долго и больно рассуждает о добре и зле:

«…Ненормальна ситуация, когда историк стремится обличать и клеймить прошлое своей родины (так в тексте, слово «Родина» с маленькой буквы. — *М. С.*), *не пытаясь даже разобраться в причинах тех или иных событий… Следует признать, что историки делятся не по политическим взглядам, а по научной добросовестности… Некомпетентность не является оправданием для человека, позиционирующего себя, как специалист* (так в тексте. — *М. С.*) *в той или иной области… Необходимо четко отличать историческую науку от политической журналистики…»*

После этой, изрядно затянувшейся преамбулы г-н Гончаров начинает разбираться «в причинах событий». С заявленной «научной добросовестностью» он решил доказать, что самолеты советских ВВС — это безнадежно устаревшие «гробы». Тезис, прямо скажем, не новый. Накоплен уже значительный ассортимент жульнических уловок. Можно ли тут сказать свежее слово? Можно, да еще какое слово!

«Оценивать «на пальцах» сравнительные качества и «устарелость» тех или иных самолетов достаточно тяжело (еще бы, особенно если вместо профессиональных инженерных знаний — две неудачные попытки поучиться в меде и педе)… *В любом случае не требуется доказывать* (почему? потому что «следует признать»?), *что советская промышленность была заведомо слабее германской как по технологическому оснащению, так и по уровню квалификации рабочей силы. Номы видим парадокс — на выпуск одного самолета СССР тратил в 2–4 раза меньше людского труда, чем Германия. Совершенно очевидно, что советские и немецкие самолеты просто бесполезно сравнивать «один к одному» — они имеют совершенно разный технический и технологический уровень. Чудес на свете не бывает, так что реальная боевая ценность советского самолета тоже была как минимум в два раза (а на самом деле — раза в три-четыре) меньше, чем у немецкой машины*

того же года выпуска…»

«Оценивать «на пальцах» сравнительные качества и «устарелость» тех или иных самолетов достаточно тяжело (еще бы, особенно если вместо профессиональных инженерных знаний — две неудачные попытки поучиться в меде и педе)… *В любом случае не требуется доказывать* (почему? потому что «следует признать»?), *что советская промышленность была заведомо слабее германской как по технологическому оснащению, так и по уровню квалификации рабочей силы. Номы видим парадокс — на выпуск одного самолета СССР тратил в 2–4 раза меньше людского труда, чем Германия. Совершенно очевидно, что советские и немецкие самолеты просто бесполезно сравнивать «один к одному» — они имеют совершенно разный технический и технологический уровень. Чудес на свете не бывает, так что реальная боевая ценность советского самолета тоже была как минимум в два раза (а на самом деле — раза в три-четыре) меньше, чем у немецкой машины того же года выпуска…»*

Сильно сказано. До такого до Гончарова никто еще не додумался. И это не удивительно — минимально образованному человеку должно быть понятно, что технический прогресс идет в сторону сокращения в себестоимости продукции доли живого труда при возрастании доли овеществленного прошлого труда. Каналы нынче роют не руками тысяч рабов, а ковшом огромного экскаватора, в котором (и в ковше, и в экскаваторе) спрессован труд нескольких поколений рабочих и инженеров. И на производство цифрового MP-3 плеера ушло на несколько порядков меньше живого труда, нежели на сборку лампового магнитофона «Днепр». Из этого отнюдь не следует вывод о том, что качество звучания современного MP-3 плеера в сто раз хуже, чем у сундукоподобного «Днепра». Скорее наоборот. Так что сама «методика» оценки ТТХ военной техники по количеству живого труда, затраченного на ее производство, предельно абсурдна.

Не выдерживает никакой критики и сам способ определения трудозатрат путем деления общей численности рабочих, занятых на предприятиях авиационной промышленности, на общее количество выпущенных в течение года самолетов. Самолеты бывают слишком разными. Был четырехмоторный бомбардировщик ТБ-7 (вес конструкции 19 986 кг), был двухмоторный бомбардировщик Ju-88 (вес конструкции 7724 кг), был одномоторный истребитель Як-3 (вес конструкции 2123 кг). Совершенно очевидно (вернем г-ну Гончарову излюбленный им оборот речи), что количество живого труда, ушедшего на производство этих самолетов, будет различаться в разы — вне зависимости от того, где и на какой технологической базе 2-тонный или 20-тонный самолет производятся.

Наконец, стоит усомниться в том, что применительно к Советскому Союзу списочная численность рабочих, служащих и ИТР, занятых на предприятиях наркомата авиационной промышленности, и реальное количество людей, занятых в производстве самолетов, совпадают. Именно к такому предположению приводит внимательное изучение документов. Берем составленный в ЦСУ Госплана СССР (разумеется, секретный) «Баланс труда по СССР на 1 апреля 1945 г.» (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1523, л. 99). Что мы видим? В городах числится 36,7 млн человек трудоспособного населения (причем в это число включены «*работающие подростки 12–15 лет*»). В том числе 19,3 млн «рабочих, служащих и кооперированных кустарей». Что же делают, где работают эти 19 млн рабочих и служащих? Открываем монографию Н. Симонова «Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 гг.» (М.: РОССПЭН, 1996 г.). На страницах 157–167, с конкретными ссылками на документы Архива экономики РФ, указана следующая численность рабочих, служащих и ИТР, занятых на военном производстве в 1944 году:

— наркомат авиапрома 733 тыс. человек;

— наркомат боеприпасов 398 тыс. человек;

— наркомат вооружений 316 тыс. человек;

— наркомат танковой промышленности 244 тыс. человек;

— наркомат минометного вооружения 160 тыс. человек;

— наркомат судостроения 136 тыс. человек.

Итого: 1987 тыс. человек.

Гончаров оперирует несколько отличающейся цифрой (640 тыс. человек, занятых на предприятиях авиапрома в январе 1944 г.), но проблема вовсе не в этом неизбежном разбросе статистических данных. Странный, можно сказать — загадочный вопрос заключается в том, что же делали остальные 17 миллионов рабочих и служащих? Неужели в стране, которая поставила к станку «работающих подростков 12–15 лет», в военном производстве было занято всего 2 млн человек, т. е. 10,3 % городских рабочих и служащих? Да, конечно, были еще и металлургия, транспорт, угольная и горнодобывающая промышленность, нефтехимия, кто-то шил гимнастерки и выпекал хлеб. Как пишет Н. Симонов, в «военных» наркоматах было занято порядка 25 % всех работников промышленности. Но в этом случае 100 % — это 10 млн. Чем же были заняты остальные 9,3 млн рабочих и служащих?

У меня нет ответа на эти вопросы. Есть лишь твердое убеждение, что мы имеем дело с «лукавыми цифрами». Возможно, разгадка заключается в том, что огромное количество людей, фактически занятых в военном производстве, было выведено за рамки списочной численности работников соответствующих наркоматов. По вполне понятной причине — кадровому работнику наркомата авиапрома надо дать бронь от призыва и повышенный паек. Для 1944 года это была непозволительная роскошь… Еще раз повторяю — у меня нет точного ответа. Есть лишь четкое понимание того, что оценивать ***«реальную боевую ценность советского самолета»*** на столь зыбкой статистической базе и исходя из совершенно абсурдных методологических подходов, можно только в целях горячо осуждаемой г-ном Гончаровым пропаганды. К исторической науке это никакого отношения не имеет.

Еще один, вполне анекдотичный пример подмены обсуждения фактов словопрениями о «потенциальных возможностях» обнаруживается в упомянутом выше сборнике «Великая Отечественная катастрофа-3». Господин Б. Кавалерчик поместил в сборнике огромную (на 148 страниц) статью под названием: «Какие танки были лучше в 1941 году?» Несмотря на то, что название статьи, казалось бы, не оставляло автору иного выхода, кроме как сформулировать наиболее важные с его точки зрения тактико-технические характеристики танков и затем сравнить танки вермахта и Красной Армии по этим параметрам, г-н Кавалерчик пошел другим путем. Разговор о танках он почему-то начинает с ритуальных проклятий в адрес ненавистного Резуна:

«…На волне справедливой критики официальной советской точки зрения всплыла и пена в виде версии В. Суворова (Резуна), который предложил свою теорию, быстро завоевавшую популярность у неосведомленной части публики. Он утверждал, что советские танки и по количеству, и по качеству значительно превосходили немецкие… Теория Суворова (Резуна) была уже многократно убедительно раскритикована, поэтому мы не будем тратить время на полемику с ним в этой работе».

Как мило! «Тратить время на полемику мы не будем», а вот лягнуть походя — это завсегда пожалуйста. Да и трудно было бы полемизировать с «утверждением Суворова» о значительном количественном превосходстве советских танковых войск, учитывая, что на стр. 304 сам Кавалерчик сообщает читателям, что *«для проведения операции «Барбаросса» немцы сосредоточили 3502 танка»*, а на стр. 351 пишет: *«В пяти западных военных округах имелось 12 898 танков»*. Может быть, я тоже отношусь к категории *«неосведомленной части публики»*, но мне кажется, что число 12 898 больше числа 3502. Причем «значительно» больше — не на единицы процентов, а почти в четыре раза.

После этого г-н Кавалерчик взялся раскритиковать качественные параметры советских танков. Историю создания легендарной «тридцатьчетверки» — танка, на несколько десятилетий вперед обозначившего основные тенденции развития мирового танкостроения — он описывает в таких выражениях:

«…В августе 1937 г. КБХПЗ получило правительственное задание разработать новую модель танка. В то время для этого бюро такая задача являлась непосильной. Это была сравнительно небольшая конструкторская организация, работавшая в глубинке, далеко от ведущих центров советского танкостроения…»

На этом месте книжка выпала из моих ослабевших рук. О чем это он? Что за «глубинка»? Неужели был какой-то другой ХПЗ? Лихорадочно перелистываю страницу, читаю дальше:

«…Большинство выполненных ими проектов до серийного производства довести не удавалось, ведь на ХПЗ остро не хватало квалифицированных специалистов… Постоянная проблема нехватки грамотных и опытных инженерных кадров… Причиной ошибок был главным образом банальный недостаток знаний и практического опыта… Автобронетанковое управление РККА не питало особых иллюзий на счет реальных возможностей бюро харьковского завода… Для поисков и отработки принципиально новых конструкций у них просто не хватало времени. Кроме того, недостаток знаний и опыта харьковчан делал это занятие слишком рискованным…»

Нет, все на месте. Да, тот самый, Харьковский ХПЗ… В существование «неосведомленной публики», не знающей этот анекдот, я не верю, но все равно с удовольствием расскажу его еще раз. И прошу не считать за «разжигание розни».

— Хаим, таки где ты шил такой шикарный костюм?

— В Париже.

— Хм, в Париже… Адалеко это от Бердичева?

— Ну, тысячи две верст будет…

— Подумать только, такая глушь, а как хорошо сшили!

Спешу сообщить г-ну Кавалерчику, что по отношению к Харьковскому паровозостроительному заводу (ХПЗ), он же завод им. Коминтерна, он же завод № 183, все остальные точки земного шара были «глубинкой». Созданный еще в 1895 году и получивший в советское время такое звучное, такое многообещающие название («имени Коминтерна»), завод этот превратил Харьков в «танковый Париж».

Начиная с 1932 года завод № 183 производил танки серии БТ, которые на тот момент

превосходили любые легкие танки мира по скорости и вооружению. К моменту начала Второй мировой войны завод № 183 произвел в два раза больше танков БТ, нежели вся танковая промышленность Германии. Разработанная конструкторами ХПЗ танковая башня с 45-мм пушкой устанавливалась не только на БТ, но и на наиболее массовые серии легкого танка Т-26.

Производство мощных (1320 л. с.) дизельных моторов для подводных лодок на ХПЗ освоили еще в 1916 году. Этот опыт (и последующий опыт производства многотопливных дизелей для тракторов) позволил конструкторам ХПЗ совершить грандиозный технический прорыв — создать высокооборотный, компактный и легкий танковый дизель В-2 (номинальная мощность 400 л. с., максимальная 500 л. с.). Ничего подобного в тот момент не было ни в одной стране мира (самый мощный немецкий танковый двигатель «Майбах» HL120 TRM имел номинальную мощность 265 л. с. и максимальную — 300 л. с.).

Разработанный для тяжелого танка КВ форсированный двигатель В-2к развивал максимальную мощность в 600 л. с., что позволяло 48-тонному гиганту двигаться по шоссе со скоростью, лишь немногим уступающей скорости легких немецких танков (35 км/час). Позднее производство танковых дизелей было выделено из ХПЗ в отдельный завод № 75, также расположенный в Харькове.

Появление В-2 позволило совершить технический переворот во всем советском танкостроении. На базе этого двигателя были разработаны легкие танки БТ-7М и Т-50, средний Т-34, тяжелый КВ. В конце 30-х годов на ХПЗ был разработан и запущен в серийное производство «Ворошиловец» — артиллерийский гусеничный тягач с совершенно феноменальными тактико-техническими характеристиками. Без прицепа тягач развивал на шоссе скорость 42 км/час и имел запас хода 390 км, с полной нагрузкой — 20 км/час и 240 км. Мощность и экономичность дизеля В-2 позволяли «Ворошиловцу» в течение одного светового дня и на одной заправке топлива переместить тяжелую гаубицу с одного фланга полосы обороны армии на другой. Два «Ворошиловца» справлялись даже с чудовищной 305-мм гаубицей Бр-18 весом в 45,7 тонн. В качестве эвакуационного тягача «Ворошиловец» способен был тянуть пятибашенный танк Т-35.

Но г-н Кавалерчик неумолим: «Небольшая конструкторская организация, работавшая в глубинке… задание разработать новую модель танка являлось для нее непосильным». И неважно, что в результате был создан лучший в мире, по меркам начала 40-х годов, средний танк. Главное — это мнение писателя о «реальных возможностях бюро харьковского завода». Не спорьте, больной. Если доктор сказал: «В морг» — значит, в морг.

Знакомство с методом использования «шумовой гранаты» мы также начнем с примера, взятого из изобильной статьи г-на Кавалерчика. Как вы уже поняли, задачей автора статьи было «разоблачить миф» о качественном превосходстве новейших советских танков (т. е. Т-34 и КВ). Совершенно бесспорным преимуществом этих танков было использование дизельного двигателя. Странно, что в начале XXI века, когда применение дизеля стало общепринятой нормой для тяжелой транспортной и боевой техники, об этом вообще приходится спорить. Горящий бумажный факел в ведро с соляркой я совал лично — в стройотряде, за много-много лет до появления «теории Суворова». Повторить этот «эксперимент» с ведром бензина я не пожелаю и злейшему врагу. Да и не только с факелом — с горящей сигаретой к ведру с бензином лучше не подходить. Но если очень хочется доказать, что белое — это черное, то можно написать следующее:

«*…Наиболее катастрофические последствия вызывает взрыв каморного* (т. е. имеющего

заряд взрывчатого вещества. — *М. С.*) *снаряда в баке, заполненном на четверть или менее. При этом образуется аэрозольная смесь мелких капель топлива, которая добавляется к уже имеющимся в баке парам топлива. Условиями для возникновения детонации являются высокая температура и скачкообразно увеличивающееся до огромной величины давление, созданное фугасным действием разрывного заряда каморного снаряда… В результате детонации бака ближайший к месту ее возникновения броневой лист полностью вырывало из корпуса по сварному шву и отбрасывало в сторону… Сам бак с соляркой после детонации внутри него исчезал без следа, он просто разлетался в пыль… Все это полностью соответствует процессу, который происходит при подрыве современного боеприпаса объемного взрыва, называемого иногда «вакуумной бомбой». Как известно, скорость ее детонации доходит до 1500–1800 м/с, а давление — до 15–20 атмосфер. Именно эта чудовищная сила и разрывала даже прочные силовые швы корпуса Т-34…»*

Страшно? Еще бы не страшно! «Чудовищная сила», бак «разлетался в пыль», броневой лист «полностью вырывало из корпуса»… Вот вам и хваленый Т-34, который в огне не горит! Да он, оказывается, разлетался на куски как миленький. Несмотря на всю свою «дизельность». Можно ли в это поверить? А как можно не поверить специалисту, который знает такие мудреные слова («скорость детонации», «боеприпас объемного взрыва», «аэрозольная смесь», «каморный снаряд»…).

Вот этот, действительно непростой, зато эффективный прием я называю «шумовой гранатой». Задавить «эрудицией», ошеломить потоком незнакомых технических терминов, надавить на эмоции… И клиент готов. Он (клиент) или не заметит, или не поймет до конца значение фразы, которая идет следом за процитированным выше абзацем, а именно: *«Тут необходимо добавить, что фугасное действие 37-, 47- и 50-мм немецких бронебойных снарядов было слишком слабым, чтобы породить детонацию топливного бака «тридцатьчетверки».*

А тогда о чем же мы тут говорим? Что делает в статье под названием «Какие танки были лучше в 1941 году?» весь этот «ужастик» про разлетающиеся в пыль топливные банки? В 1941 году на вооружении вермахта были 37-мм противотанковые пушки, 37- и 50-мм танковые пушки, 47-мм чешские противотанковые пушки, смонтированные на шасси легкого танка; в пехотные дивизии начали поступать новейшие 50-мм противотанковые пушки. Две последние системы при особо благоприятных условиях (малая дистанция, попадание в нижнюю часть борта корпуса) могли пробить броню Т-34, но, как объяснил нам сам г-н Кавалерчик, даже в случае пробития брони ЭТИ снаряды не могли породить детонацию топливного бака. К чему тогда весь рассказ про «*катастрофические последствия взрыва каморного снаряда в баке*»? И почему в статье под названием «Какие танки были лучше в 1941 году?» нет ясной и четкой констатации того факта, что топливные баки любого немецкого танка были прикрыты в лучшем случае 30-мм бортовой броней, которую любой советский танк, пушечный бронеавтомобиль, любая советская противотанковая (или дивизионная 76-мм) пушка пробивали на всех дистанциях прицельного выстрела, и струя раскаленных осколков снаряда и брони гарантированно поджигала плещущийся в баке бензин?

При всем при том я готов согласиться с тем, что «шумовая граната», изготовленная Кавалерчиком, действует эффектно и где-то даже красиво. Тот же прием в исполнении признанного предводителя отечественных «антирезунистов» А. В. Исаева выглядит до невероятности занудно:

«Первая боевая группа 14-й танковой дивизии (кампфгруппа Штемпеля) состояла из 108-го моторизованного пехотного полка (без 2-го батальона), штаба 4-го артиллерийского полка 14-й танковой дивизии с 3-м дивизионом 4 артполка (без 1-й батареи), 1-й батареи 4-го артиллерийского полка, 1-й батареи 607-го мортирного дивизиона (приданная корпусная

часть, 210-мм мортиры), 1-й батареи 60-го артиллерийского полка (приданная корпусная часть, 100-мм пушки), 1-й роты 4-го противотанкового батальона 14-й танковой дивизии, 36-го танкового полка (без 1-й усиленной роты) со 2-й ротой 13-го моторизованного саперного батальона, частей моторизованного батальона связи, 2-го взвода 4-й саперной роты. Вторую боевую группу (кампфгруппу Фалькенштейна) составляли 103-й моторизованный пехотный полк, 1-я усиленная рота 36-го танкового полка, 2-й дивизион 4-го артиллерийского полка, 4-й противотанковый дивизион без одной роты и двух взводов, 1-й взвод 4-й саперной роты. Третья боевая группа (кампфгруппа Дамерау) состояла из…»

Вы все поняли? Нет? Тогда перечитайте еще два-три раза. Попробуйте переписать — это способствует запоминанию. И не капризничайте — скажите спасибо, что я вас пожалел и процитировал лишь половину (!!!) «гранаты»…

Этот маленький шедевр претенциозного пустозвонства («От Дубно до Ростова», М.: АСТ, 2004, стр. 158) потребовался г-ну Исаеву для того, чтобы, загипнотизировав читателя всем этим мельканием номеров рот, батарей и дивизионов, навязать ему представление о «несметной вражьей силе», надвигающейся черной тучей на позиции советских войск. Перечень действительно внушительный.

Чудес, однако же, не бывает. 14-я танковая дивизия вермахта на своем пути от приграничного Владимир-Волынского до Луцка встретила (правильнее будет сказать — должна была бы встретить) четыре дивизии Красной Армии (19-ю тд, 135-ю сд, 215-ю и 131-ю мд) и 1-ю противотанковую бригаду. Это — не считая находившихся непосредственно у границы 87 сд и 41 тд, а также три узла обороны Владимир-Волынского УРа (о которых Исаев пренебрежительно обронил: *«40 редко расположенных ДОТов»*). 26 июня к занятому немцами Луцку подошли еще две стрелковые дивизии Красной Армии (200-х сд и 193-х сд). И если полный перечень всех подразделений одной немецкой дивизии занимает 2 страницы текста, то такой же, с детализацией до уровня взводов и рот, перечень применительно к восьми советским дивизиям должен был бы занять 16 страниц. Разумеется, его г-н Исаев предусмотрительно не приводит…

Слезоточивый газ (он же — «плач Ярославны») был и остается важнейшим, базовым приемом фальсификации истории начала войны. В чем его сила? В правде. Сущность этого приема заключается в том, чтобы говорить правду, одну только правду про недостатки (нехватки, недоделки, сложности, проблемы), с которыми столкнулась летом 41-го Красная Армия. Одна только Красная Армия. Про то, что точно такие же (если не большие и худшие) проблемы были у противника, можно не говорить. И все. Действует безотказно.

«…Местность. В полосе наступления корпуса — 5 серьезных водных преград: р. Радоставка, р. Острувка, р. Жечка, р. Лошувка и р. Соколувка. Все реки имеют болотистые берега и представляют собой трудно доступные рубежи для действия танков. Вся местность в полосе наступления лесисто-болотистая, командные высоты на стороне противника. Вывод: местность не способствует наступлению…»

Как можно не согласиться с таким выводом? Прочитав такое, не всякий и догадается задать вопрос: «А по какой местности наступал с темпом 30–50 км в день противник?» Как действовавшие на Западной Украине дивизии 1-й Танковой Группы вермахта смогли преодолеть эти могучие, не обозначенные ни на одной географической карте лесные ручьи (Радоставку, Острувку, Жечку, Лошувку и Соколувку), а заодно и Западный Буг, Стырь, Горынь,

Случь и, наконец, полноводный Днепр? Откуда в заболоченном лесу появились «командные высоты» и почему они оказались в руках противника, который появился в этом лесу всего лишь за несколько дней (или даже часов) до событий, описанных в процитированном выше докладе командира 15-го мехкорпуса?

Нет и не было ни одной книги, в которой бы советские историки с горестным всхлипом не сообщили читателям об отсутствии боевого опыта, нехватке командных и технических кадров, страшной спешке при создании танковых дивизий и механизированных корпусов Красной Армии. Вам обязательно расскажут, что 76,453 % командиров механизированных соединений находились в своей должности менее одного года, а некоторые командиры танковых дивизий (о, ужас!) командовали до этого кавалерийскими частями.

По умолчанию предполагается, что у немцев все было в лучшем виде. Ну а про «накопленный вермахтом двухлетний опыт современной войны» сказано в любой книжке. Гипнотическое воздействие бесконечного повторения мантры о «двухлетнем опыте» оказалось столь велико, что и сейчас еще многие не могут посчитать на пальцах: четыре недели войны в Польше + пять недель войны на Западном фронте + две недели на Балканах (причем все это взято с большим запасом, а если реально, то 3+4+1). Неужели же в сумме получится два года?

Проблемы с укомплектованием армии личным (прежде всего — командным) составом в Советском Союзе были. Кто бы спорил. Летом 1939 г. в составе Красной Армии числилось 100 стрелковых и 18 кавалерийских дивизий, 36 танковых бригад. Два года спустя, накануне войны было уже сформировано 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковая и 31 моторизованная дивизии. Всего 303 дивизии. Более чем двукратное увеличение числа соединений (и значительное повышение уровня их моторизации!) создавало серьезные проблемы с укомплектованием. Для их решения в Советском Союзе была заблаговременно введена всеобщая воинская повинность, благодаря которой в стране накапливался многомиллионный контингент прошедших трехлетнюю срочную службу резервистов. Да, все это непросто и недешево, но эти проблемы и близко нельзя сравнить с проблемами вермахта.

Германия, демилитаризованная по условиям Версальского мирного договора, подошла к 1935 г. с 10 пехотными дивизиями. Танки на полевых учениях обозначались картонными макетами. Летом 1939 г. в составе вермахта была уже 51 дивизия (в том числе 5 танковых и 4 моторизованные), к весне 1940 г. в вермахте было сформировано 156 дивизий, к июню 1941 года — 208. Головокружительный рост численности вынуждал ставить «под ружье» совершенно необученных призывников. Немцы и рады были бы формировать свои танковые и моторизованные дивизии на базе кадровых кавалерийских дивизий (оперативные принципы боевого применения подвижных соединений были весьма схожими), да только в старом рейхсвере такого количества кавалерийских частей и офицеров не было и в помине. Танковые дивизии вермахта формировались на базе пехотных соединений; командный состав не более чем на 50 % удалось укомплектовать кадровыми офицерами. Впрочем, для вермахта и 50 % было высоким показателем, учитывая, что в пехотных дивизиях, сформированных во второй половине 1940 г. и позднее, кадровые офицеры составляли не более 35 % командного состава.

Германия начала войну, имея 5 танковых дивизий, к весне 1940 г. их число выросло до 10, в конце 1940 г. было сформировано еще 10 танковых дивизий. Сколько «лет» командовали этими дивизиями их командиры? Какой «боевой опыт» мог быть у танковых дивизий, сформированных после завершения кампании на Западном фронте? Из 17 танковых дивизий, развернутых в июне 41-го у границ СССР, некое подобие «двухлетнего опыта войны» (т. е. участие в польской и французской кампаниях) было только у трех дивизий (1 — й тд, 3-й тд, 4-й тд). Семь танковых дивизий (12-я тд, 13-я тд, 16-я тд, 17-я тд, 18-я тд, 19-я тд, 20-я тд) не имели даже опыта двухнедельной войны на Балканах, и 22 июня стало для них первым днем боевых

действий в качестве танкового соединения. Почему же на этом фоне опыт боевых действий, приобретенный советскими танкистами на Халхин-Голе и в Финляндии (т. е. в войне с противником, проявившим фанатическое упорство в бою), должен быть оценен как ничтожная мелочь?

Самой зловредной (да и самой распространенной) модификацией «слезоточивого газа» я бы назвал «процентный метод». Без использования его и по сей день не обходится ни одна публикация историков научной школы Гареева-Исаева. В силу особой значимости этого способа «мозгоимения» мы посвятим ему всю следующую главу.

Глава 8

Процентомания

Сущность процентного метода «мозгоимения» проще всего проиллюстрировать наглядным примером из области известного каждому советскому человеку «жилищного вопроса».

Предположим, что некий гражданин В. Пупкин с семьей из трех человек проживает в благоустроенной четырехкомнатной квартире площадью 80 кв. м. Как можно оценить жилищные условия товарища Пупкина? Ответ прост и понятен. Надо сравнить. С чем сравнить? С тем, как живут другие. Результат сравнения очевиден: Вася Пупкин совсем неплохо устроился, многие его соотечественники все еще живут в «хрущевках» с кухонькой в 6 метров на пять человек. А теперь представим себе, что перед нами поставлена задача доказать, что Пупкин страдает и мучается в совершенно невыносимых бытовых условиях. Можно ли это сделать? Легко.

Для этого надо всего лишь подарить Васе дополнительную недвижимость. А именно: дом в деревне (70 кв. м) с печным отоплением и «удобствами» во дворе, большой сарай рядом с этим домом (50 кв. м), сеновал (60 кв. м), свинарник (40 кв. м), погреб для картошки (30 кв. м). Казалось бы, товарищ Пупкин не стал беднее, и жизнь его не превратилась в кошмар от того, что в ДОПОЛНЕНИЕ к прекрасной городской квартире ему достались и сарай, и сеновал, и погреб со свинарником. Но это только кажется — до тех пор, пока не раздадутся оглушающие завывания: «Только 24 % помещений, принадлежащих семье Пупкиных, отвечают современным санитарным нормам, 55 % помещений не имеют ни отопления, ни освещения… Как можно жить и работать в таких нечеловеческих условиях?» Вот именно так у нас и пишется военная история.

Для нападения на Советский Союз в вермахте было сформировано четыре танковые группы. Самая слабая, 4-я танковая группа (группа армий «Север») имела на своем вооружении 602 танка. В самой крупной, 2-й танковой группе (группа армий «Центр») было 994 танка. Всего в составе четырех танковых групп 22 июня 1941 года числилось 3266 танков (если называть «танком» танкетки Pz-I и Pz-II), т. е. в среднем по 817 танков в каждой группе.

В составе Красной Армии было шесть мехкорпусов, на вооружении которых было 800 и более танков (1 МК, 4 МК, 5 МК, 6 МК, 7 МК, 8 МК). К этому перечню следует добавить еще два вполне боеспособных мехкорпуса: 3 МК (672 танка, в том числе 128 КВ и Т-34) и 15 МК (749 танков, в том числе 136 КВ и Т-34). Итого — восемь мощных механизированных соединений, почти полностью укомплектованные личным составом и артиллерией, превосходящими противника по техническим характеристикам танками, получившие еще до начала открытой мобилизации от двух до четырех тысяч автомобилей, по двести-триста гусеничных тягачей

каждый. Неужели Красная Армия стала слабее от того, что в ДОПОЛНЕНИЕ к этим восьми «бронированным таранам» она уже в первые дни войны смогла ввести в бой еще 12 мехкорпусов, находившихся в разной степени боеготовности и укомплектованности? Неужели мощнейшему 6-му мехкорпусу чем-то мешал воевать находившийся рядом с ним недоукомплектованный 13-й мехкорпус (282 легких танка, 18 тыс. человек личного состава)? С кем предстояло воевать — с процентами или с противником?

Вопросы, конечно, глупые. Дурацкие, можно сказать. Но почему же вы, товарищи дорогие, не выкидываете в мусорное ведро очередную писанину, в которой в стотысячный раз выводят «среднюю температуру по больнице», т. е. сложив и поделив вооружение всех 30 мехкорпусов (включая едва начавшие формирование в Среднеазиатском и Орловском округах), начинают истошно причитать: *«мехкорпуса Красной Армии были обеспечены грузовиками на…%, передвижными ремонтными мастерскими на… %, автоцистернами на…%, автомобильными шинами на…»* Почему вы сокрушенно качаете головой, читая о том, что *«танки новых типов составляли всего лишь 7,8 % от общего танкового парка».* Всего 7,8 процента. Страшная, вопиющая неготовность к войне.

Традиционная советская историография утверждала, что при таких процентах СССР мог быть готовым к войне не раньше лета 1942 г. — а до этого момента приходилось изо всех сил оттягивать, оттягивать и оттягивать… Но это устарелая точка зрения. Два товарища (А. Анатольев и С. Николаев) опубликовали в двух номерах «Независимого военного обозрения» огромную статью под названием «Закономерное поражение». Перечислив все возможные проценты, они приходят к ошеломляющему выводу: *Красная Армия могла бы стать по-настоящему боеспособной только к концу 1940-х годов»*. Могла бы стать. В середине 40-х годов, точнее говоря — в мае 1945 г., Берлин, видимо, взяла какая-то небоеспособная армия. Но авторы неумолимы, точнее говоря — неумолимая арифметика неопровержимо доказывает, что только «к концу 1940-х годов» можно было вооружить армию «танками новых типов» на все 100 %. И в претендующем на солидность издании не нашлось редактора, который бы объяснил товарищам, что танки новых типов (равно, как и новые модели сотовых телефонов, модные босоножки, лучшие хирурги, свежие анекдоты) никогда и нигде не могут составлять 100 % общего парка, а «завершить перевооружение» может только разгромленная армия.

У «завершения перевооружения» есть конкретная, точная дата — 8 мая 1945 г. В этот день окончательно и бесповоротно завершилось перевооружение вермахта. Красная Армия, к счастью для нас, такой вершины достигнуть не смогла. По состоянию на 9 мая 1945 г. танки «новых типов» (Т-34 и КВ), которые так старательно множили и делили Анатольев с Николаевым, перешли в разряд безнадежно устаревших и повсеместно снимались с вооружения боевых частей. Основной «рабочей лошадкой» танковых войск Красной Армии стал Т-34-85 с новым вооружением (мощнейшая 85-мм пушка), новой трехместной башней, новыми приборами управления огнем. Но и этот танк не имел уже права называться «новейшим», так как в январе 1945 г. началось серийное производство принципиально нового по конструкции танка Т-44. Вопреки ожиданиям, танк Т-44 оказался не слишком удачной машиной, и в апреле 45-го были изготовлены два опытных образца нового танка, который через год был принят на вооружение под названием Т-54. К 9 мая танков Т-44 было выпущено не более двух сотен (порядка 0,8 % от общей численности танкового парка), прототип Т-54 еще только начинал испытания, таким образом в мае 45-го наблюдалась абсолютная «неготовность к войне»…

Неплохо работает «процентный метод» и в том случае, когда пресловутая «готовность» исчисляется в процентах от некого, произвольно выбранного и мало о чем говорящего, показателя. Например. Все советские книжки с горестным всхлипом сообщали доверчивому читателю, что накануне войны «лишь 8 % советских самолетов-истребителей имели пушечное

вооружение». Это действует. На интуитивном уровне каждый «понимает», что пушка — это ого-го, не то что жалкий пулеметик… Для полноты картины следовало бы привести «проценты пушечности» и по самолетам других стран — противников гитлеровской Германии, но об этом советские историки традиционно умалчивали. Исправим это досадное упущение.

Первым серьезным, стратегического масштаба поражением Гитлера был провал планов вторжения на Британские острова осенью 1940 г. Это поражение Германия понесла не на земле, не на воде, а в воздухе — в ходе многомесячной «битвы за Британию» истребители Королевских ВВС удержали господство в воздухе над Ла-Маншем и нанесли немецкой авиации огромные потери. Так вот, много ли английских истребителей имели на тот момент пушечное вооружение? 80 процентов? 18? 8? Правильный ответ: ноль целых, хрен десятых. Воздушную битву в небе над Лондоном выиграли английские летчики на «Харрикейнах» и «Спитфайрах». И тот, и другой истребитель были вооружены исключительно и только пулеметами. Пойдем дальше. В последние месяцы Второй мировой войны армады бомбардировщиков союзников прикрывали дальние истребители американского производства. Какой процент этих самолетов имел пресловутое «пушечное вооружение»? Точную цифру я не знаю, а тратить время на поиски не имеет смысла. Абсолютное большинство истребительных эскадрилий к 44–45 годам были уже перевооружены на «Мустанги» и «Тандерболты». И тот, и другой были оснащены только пулеметами. Ни одной пушки на борту. Американские же истребители с пушечным вооружением («Лайтнинг», «Киттихоук») перешли к тому времени в разряд устаревших, и в небе над Западной Европой их или вовсе не было, или они в очень скромных количествах использовались в качестве легких штурмовиков («Киттихоук») или разведчиков («Лайтнинг»).

Самое краткое объяснение этого, странного на первый взгляд, перехода от «устаревших пушечных» к «новейшим пулеметным» истребителям заняло у меня в книге «На мирно спящих аэродромах» 13 страниц текста. В сверхкратком изложении остается только сказать, что пушки бывают разные, а на самолет эпохи Второй мировой войны ставилось совсем не то многотонное орудие, по которому ползают дети в парке культуры и отдыха. Разница в поражающем действии 20-мм снаряда и 13-мм пули, конечно, существует, но она не столь велика, как может показаться на первый взгляд. Кроме того, проектирование самолета и всего, что к нему прикручивается-привешивается, ведется в жестких ограничениях на габариты и вес. Соответственно, вопрос ставится примерно так: что лучше — вооружить истребитель двумя пушками с запасом снарядов на 10 секунд стрельбы или шестью пулеметами с запасом патронов на 50 секунд стрельбы? Ответ на этот вопрос очень сложен, точнее говоря — однозначного ответа не существует в принципе. В любом случае, нет ни малейших оснований относить к разряду «безнадежно устаревших» истребитель образца 1941 г. только по той причине, что у него не было пушечного вооружения.

22 июля 1941 г., ровно через месяц после начала войны, началось (в полночь того же дня оно и закончилось) заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. На скамье подсудимых последние часы своей жизни провели командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта В. Е. Климовских, начальник связи фронта А. Т. Григорьев, командующий 4-й армией Западного фронта А. А. Коробков. Среди множества вопросов, заданных бывшему начальнику Главного автобронетанкового управления Красной Армии, герою обороны Мадрида, Герою Советского Союза, генералу армии Павлову, был и такой:

«…На предварительном следствии Вы дали такие показания: «Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10. Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически

мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже. Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей <…>. — Эти показания Вы подтверждаете?»

«…На предварительном следствии Вы дали такие показания: «Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10. Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже. Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей <…>. — Эти показания Вы подтверждаете?»

Прежде чем прочитать ответ, следует отметить одно очень важное обстоятельство: ответ был дан не в пыточном подвале, а на судебном заседании, в ходе которого Павлов отказался от некоторых, выбитых из него «следователями», показаний.

Подсудимый Павлов:

— В основном — да. Такой план был. ***В нем была написана такая чушь*** (подчеркнуто мной. *— М. С.*). *На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства…»*

Генерал армии К. А. Мерецков (начальник Генштаба Красной Армии с августа 1940 г. по январь 1941 г.), конечно же, имел самое прямое отношение к разработке Мобилизационного плана 1941 года (МП-41), но все-таки подписал документ не он, а Тимошенко и Жуков. Павлова расстреляли. Мерецкова арестовали в конце июня 1941 г., но затем в августе чудесным образом выпустили на условную «свободу». Материалы «дела Павлова» были рассекречены и опубликованы только в 1992 г. К тому времени никого из вышеперечисленных лиц в живых уже не было. Тимошенко мемуаров не писал. В мемуарах Мерецкова про МП-41 не сказано ни слова. Г. К. Жуков оказался более разговорчив:

«…Вспоминая, как и что мы, военные, требовали от промышленности в самые последние мирные месяцы, вижу, что порой мы не учитывали до конца все реальные экономические возможности страны. Хотя со своей, так сказать, ведомственной точки зрения мы и были правы».

Не уверен, что современный читатель сможет без переводчика понять, что именно сказал товарищ Жуков. Слова «ведомственность», «ведомственный подход к делу» были распространенными эвфемизмами (словами-заменителями) советского «новояза». Словосочетание «ведомственный подход» заменяло собой другое, гораздо менее благозвучное выражение: «прикрыть собственную задницу». Закладывая в мобилизационный план непомерные, ничем не обоснованные и заведомо невыполнимые требования к материально-техническому обеспечению армии, руководители военного ведомства заранее готовили себе «уважительную причину» на случай будущего разгрома. Едва ли они при этом думали еще и об удобствах для будущих советских историков, тем не менее — подарок получился великолепный. Ибо проценты, те самые проценты, которые как мушиные следы покрывают сочинения советских историков, исчислены как раз по отношению к цифрам мобилизационного плана МП-41. Того самого, который Военная коллегия Верховного суда пыталась представить как «вредительство», но обвиняемый генерал армии готов был согласиться лишь с тем, что в плане была написана «чушь».

Попробуем разобраться в цифрах и процентах МП-41 на нескольких конкретных примерах.

Трактора-тягачи. Одним из самых излюбленных фальсификаторами примеров «вопиющей неготовности» Красной Армии к войне были (и по сей день остаются) артиллерийские тягачи. Точнее говоря, их малочисленность. Малочисленность же всегда выражается в процентах неизвестно от чего — не то от мобплана, не то от штатного расписания. В любом случае проценты всегда получаются скромными: 30, 40, 50 %. Вот поэтому-то, объясняют доценты с кандидатами, все так криво и вышло. Ни доставить пушки в боевые порядки войск, ни даже утащить их в тыл при отступлении не удалось. Оттого и потери артиллерийских орудий в первые недели войны просто ошеломляющие.

Не будем спорить, возьмем в руки калькулятор и просто пересчитаем количество тягачей (тракторов) и количество объектов для буксировки.

Артиллерийских систем самого массового, дивизионного звена (гаубицы калибра 122 мм и 152 мм, пушки калибра 107-мм) к началу июня 1941 г. было в Красной Армии 12,8 тыс. единиц («трехдюймовки» и минометы перевозились автомобилями или гужевым транспортом, и мы их в данном случае учитывать не будем). К этому перечню можно еще добавить 7,2 тыс. тяжелых зенитных орудий калибра 76 мм и 85 мм (хотя большая часть этих артсистем находилась в системе ПВО крупных стационарных объектов, и возить их по полю боя совершенно не требовалось). Итого максимальное количество объектов для буксировки составляет ровно 20 тыс. единиц. На 15 июня 1941 г. (здесь и ниже цифры приведены по докладу начальника Главного автобронетанкового управления РККА) в войсках уже находилось 33,7 тыс. тракторов (и это не считая специальных артиллерийских тягачей С-2, «Коминтерн», «Ворошиловец», предназначенных для буксировки тяжелых орудий корпусных артполков и артполков РГК). Казалось бы, никаких причин для катастрофы нет — тягачей в полтора раза больше, чем орудий. Однако в МП-41 стоит цифра 55,2 тысячи. И поэтому можно без зазрения совести говорить о том, что орудия были брошены вследствие «повсеместной нехватки средств мехтяги». Правды ради следует напомнить «историкам» и о том, что в ходе открытой мобилизации уже к 1 июля 1941 г. из народного хозяйства в Красную Армию было передано еще 31,5 тыс. тракторов, так что по этой-то категории мобплан был выполнен.

«Так не считают», — скажет любой специалист и будет абсолютно прав. Артиллерийские части были основным, но не единственным «потребителем» тракторов и тягачей. Гусеничные тягачи были нужны и для эвакуации с поля боя подбитых танков, и для передвижных ремонтных мастерских, и для отдельных саперно-мостовых батальонов… Поэтому посчитаем по-другому, посчитаем правильно, т. е. исходя из штатных норм укомплектованности и запланированной численности частей и соединений.

По штатному расписанию апреля 1941 г. противотанковому дивизиону обычной стрелковой дивизии на 18 противотанковых пушек полагалось иметь 21 бронированный гусеничный тягач «Комсомолец» (в скобках заметим, что в пехоте вермахта о такой роскоши и не мечтали). Таким образом, для полного укомплектования по штатной потребности всех стрелковых дивизий (и всех моторизованных, которым по штату полагалось 27 «Комсомольцев») требовалось 4596 тягачей этого типа. На 15 июня 1941 г. в Красной Армии уже числилось 6672 «Комсомольца». Совсем неплохо. Но в МП-41 стоит цифра 7802. Вопиющая «неготовность» налицо.

Каждой из 179 стрелковых (не считая горнострелковых) дивизий по штату полагалось 78 тракторов (без учета «Комсомольцев»). Причем сами штаты были невероятно щедрыми. Так, в гаубичном полку обычной — не путать с моторизованной — стрелковой дивизии на 36 гаубиц по штатному расписанию приходится 72 трактора. Всего для всей пехоты надо **13 962**

тракторов. Для полного укомплектования всех 30 мехкорпусов (что, к слову говоря, к июню 41-го и по мобплану-то не планировалось) требовалось **9330** тракторов и специализированных тягачей (без учета «Комсомольцев»). Еще один первоочередной получатель средств мехтяги — противотанковые артиллерийские бригады РГК. К 1 июля 1941 г. планировалось развернуть 10 таких бригад, в каждой — по 120 мощных (76-, 85– и 107-мм) пушек, для транспортировки которых по штату полагалось 165 тягачей. Соответственно, на все ПТАБРы надо еще **1650** единиц мехтяги. Корпусные артполки и артполки РГК имели разную численность и организацию. Принимая (с явным завышением) среднюю численность в 36 орудий и с учетом все того же, немыслимого ни для одной армии мира, двойного резервирования, получаем цифру порядка **12 100** тягачей, необходимых для полного укомплектования всех (94 корпусных и 74 полка РГК) отдельных артполков.

Итого, на все боевые части и соединения всей Красной Армии (включая удаленные на тысячи километров от западной границы Уральский, Сибирский и Среднеазиатский военные округа) по «суперщедрым» штатным нормам требовалось порядка **37 тыс.** тягачей. Фактически к 15 июня 1941 г. в войсках уже было **36,3 тыс.** тракторов и тягачей (не считая 6,7 тыс. «Комсомольцев»). Составители МП-41 затребовали 83 045. Вот процентами от такой, совершенно необузданной «потребности» нас и потчевали более полувека советские, а затем и постсоветские историки. Зато вермахт в их сочинениях всегда был «готов к войне». На все сто.

Не открывая ни одного справочника, можете смело утверждать: 22 июня 1941 г. тяжелыми и средними танками с противоснарядным бронированием немецкие танковые дивизии были укомплектован полностью. И бронеавтомобилями, вооруженными полноценной 45-мм танковой пушкой, вермахт был обеспечен в точном, абсолютном соответствии со штатным расписанием и мобилизационным планом.

И дивизионными пушками, пробивающими лобовую броню самых тяжелых танков противника. И реактивными установками залпового огня… Ноль в наличии, ноль по плану, процент укомплектованности — 100. Вот это и есть прославленная немецкая аккуратность и педантичность. В танковых дивизиях Красной Армии в начале войны было уже более 1500 танков КВ и Т-34. Благодаря мудро составленному МП-41 это с чистой совестью можно определить словами «жалкие 9 % от штатной численности». В вермахте дивизионные гаубицы таскают шестеркой лошадей. Наши историки называют это «полностью отмобилизованной армией, на которую работала промышленность всей Европы». Да, не догадались Гальдер и Йодль составить мобилизационный план «по-умному», не пришло им в голову включить в штатный состав своих войск несуществующую технику, потребовать у Гитлера 4 тягача на одну пушку… Вот поэтому их советские историки иначе, чем «битые гитлеровские генералы», и не называют.

Еще одной излюбленной темой исторического «мозгоимения» является радиосвязь. Связи в Красной Армии не было. Как секса в СССР. Это знают все. Строго говоря, «догмат об отсутствии связи» выходит за рамки «процентного метода», так как в большинстве случаев фальсификаторы даже не утруждают себя указанием каких-либо конкретных цифр. Зачем? Читатель безо всяких цифр знает, что на рассвете 22 июня 1941 г. немецкие диверсанты перерезали все телефонные провода, а о радиостанциях в Красной Армии даже и не мечтали. И лишь в немногих, самых солидных книжках появляется информация о том, что *«войска Западного ОБО были обеспечены полковыми радиостанциями — на 41 %, батальонными — на 58 %, ротными — на 70 %…»*. И в самом деле, как можно воевать в таких условиях? В начале 40-х годов прошлого столетия обеспеченность РОТНЫМИ РАДИОСТАНЦИЯМИ — всего лишь

70 %. Это же… это же все равно что погреб без джакузи или сеновал без посудомоечной машины!

Со связью в Красной Армии действительно были большие проблемы. В первые часы, дни и недели войны обмен информацией между штабами всех уровней был почти полностью парализован. Это есть факт. У этого факта есть простое, понятное, но абсолютно неприемлемое для советской (равно, как и для современной имперской) исторической мифологии объяснение, а именно: субъекты информационной сети отсутствовали или не желали вступать в связь. Проще говоря, бросивший свои войска и убежавший в тыл командир дивизии не мог, да и не хотел доложить о ходе своих «боевых действий» сбежавшему на день раньше и на 100 км дальше командующему армией. Даже наличие спутниковых телефонов ничего бы не изменило в этой ситуации. Точно так же, как наличие сотового телефона не помогает родителям найти своего не в меру повзрослевшего подростка, который ушел на день рождения к другу и не хочет вовремя возвращаться домой. На такой случай или «батарейка сядет» или случайно нажмется «не та клавиша»…

Разумеется, такая простая правда не устраивала советских «историков», поэтому они с ловкостью, которой позавидовали бы матерые карточные шулеры, подменили реальный факт отсутствия связи между командными инстанциями заведомо ложным измышлением об «отсутствии» в Красной Армии ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ связи. Для большего эффекта они еще и навязали легкомысленной публике тезис о том, что якобы отсутствовавшая радиосвязь является якобы единственным техническим средством связи. Удивительно, но публика заглотила даже этот крючок без наживки. Почему-то никто не вспомнил о том, что Наполеон, Суворов и Кутузов командовали огромными армиями не только без радиосвязи, но даже и без простого проводного телефона. Почему-то все забыли о том, что превосходным средством связи может считаться сигнальный костер, сигнальная ракета, мотоцикл, автомобиль, легкомоторный самолет…

Уставная полоса обороны (в наступлении она значительно уже) стрелковой дивизии составляет 10–12 км. Если для простоты предположить, что штаб дивизии находится в центре боевого порядка, то посыльный может добежать до любого фланга за полчаса. Пешком. На мотоцикле за это время можно преодолеть (даже по сильно пересеченной местности) 30–40 км, т. е. доехать до штаба корпуса. В абсолютном большинстве случаев приказы и донесения командира дивизии отдаются в гораздо меньшем темпе, нежели два раза в час, так что большая скорость передачи информации и не требуется. Кому бегать и на чем ездить? По штатному расписанию апреля 1941 года в отдельном батальоне связи стрелковой дивизии числятся:

— 278 человек;

— 6 верховых лошадей;

— 3 мотоцикла;

— 3 бронеавтомобиля;

— 1 легковой и 11 грузовых автомобилей.

Это штатное расписание. А что было в реальности? Лошадей считать мы не будем, но мотоциклов в Красной Армии по состоянию на 15 июня 1941 г. числилось 16 918 штук. Как видим, особых проблем с обеспечением каждого батальона связи в каждой из 179 стрелковых дивизий тремя мотоциклами не было. И с бронеавтомобилями все было в полном порядке. Одних только легких бронеавтомобилей БА-20, как нельзя лучше подходящих для езды с особо

важным документом под огнем противника, перед войной числилось 1899 единиц. В среднем по 6 на каждую из 303 стрелковых, моторизованных и танковых дивизий Красной Армии. По штатному расписанию в состав мехкорпуса входила собственная корпусная авиаэскадрилья, оснащенная самолетами У-2 и Р-5 в количестве 15 (пятнадцать) единиц. Уникальный по своей простоте, надежности и дешевизне «кукурузник» У-2 (По-2), как известно, взлетал и садился на любой лесной поляне и при всей своей «тихоходности» все же перемещался в пространстве в два-три раза быстрее мотоцикла.

Разумеется, в ряде случаев информацию необходимо передавать в «режиме реального времени», не допуская даже минутной задержки. Например, связь между огневой позицией артиллерийской батареи, наблюдательным и командным пунктами артполка должна действовать непрерывно — посыльные с пакетами тут неуместны. Поэтому главным средством связи в армиях XX века стал телефон с проводами. И того, и другого в Красной Армии было немало. А именно: 343 241 км телефонного и 28 147 км телеграфного кабеля. Этим количеством можно было обмотать Землю по экватору 9 раз. Телефонных аппаратов всех типов числилось 252 376 штук. В среднем — более 800 штук на одну дивизию. Простой и дешевый провод, кроме всего прочего, обеспечивает несравненно лучшую, нежели радиоканал, скрытность и помехозащищенность связи. Проводную связь очень трудно (техническими средствами 40-х годов практически невозможно) «забить» помехами, а для того чтобы подслушать переговоры или использовать проводную связь для передачи ложной информации, нужно засылать разведывательно-диверсионную группу за линию фронта — что сложно, дорого и рискованно. Наконец, для того в составе дивизии (т. е. на фронте не более 10–15 км) и несут службу 278 связистов, чтобы следить за состоянием проводных каналов связи, оперативно устранять обрывы, прокладывать резервные линии, обеспечивая таким образом непрерывную телефонную связь.

При всем при этом будущее было за радиосвязью, и Красная Армия начала создавать это «будущее» в самых ошеломляющих масштабах. По штатному расписанию обыкновенной стрелковой дивизии, не рвущейся в оперативную глубину танковой или моторизованной, а обычной пехотной, которая в лучшем случае должна наступать с темпом 10 км в сутки, полагалось 153 радиостанции. Сто пятьдесят три. Другими словами, даже «жалкие, ничтожные» 10 % укомплектованности означают в абсолютных величинах 15 радиостанций на одну дивизию!

Рации бывают разные. Одни — на бронепоезде, другие — на автомобиле, третьи — в конных вьюках и наплечных ранцах. В апреле 1941 г. стрелковую дивизию Красной Армии (на которую пресловутая «вся Европа» работать еще не начала) предполагалось оснастить следующим образом. Три мощные радиостанции на шасси автомобиля в составе отдельного батальона связи — они обеспечивают связью командира и штаб дивизии. Три автомобильные радиостанции в составе отдельного разведбата, четыре — в составе артиллерийского (гаубичного) полка и штаба артиллерии дивизии. Итого десять относительно мощных радиостанций; в их качестве накануне войны использовалась главным образом 5-АК. Эта рация имела радиус действия 25 км при телефонной связи и 50 км — при телеграфной связи, с запасом перекрывая таким образом боевые порядки дивизии и ее соседей. По состоянию на 1 января 1941 г. в Вооруженных силах СССР числилось 5909 радиостанций 5-АК — в среднем по 20 на каждую дивизию.

Кроме мощных радиостанций, для перевозки которых требовался автомобиль, были переносные рации (РБ, РБК, РБС, РБМ), мощностью в 1–3 Вт и радиусом действия в 10–15 км. Таких радиостанций по состоянию на 1 января 1941 г. числилось 35 617 единиц. Более 100 радиостанций на одну дивизию. По штатному расписанию в гаубичном полку стрелковой дивизии на 36 гаубиц полагалось иметь 37 радиостанций. По одной рации на каждое орудие —

это уже явный «экстремизм», так как гаубицы поодиночке не стреляют. Минимальной «молекулой» артиллерийских частей и подразделений была батарея (как правило, четыре орудия). Именно командир батареи и должен был получать от командного и наблюдательного пунктов информацию для ведения огня. В гаубичном полку было девять батарей, так что даже «жалкие» 24 % от штатной потребности означают на деле наличие у командира артполка радиосвязи с каждым командиром батареи.

В стрелковом полку полагалось иметь 18 радиостанций, в том числе — 15 батальонных. Жалобы на то, что *«войска Западного ОБО были обеспечены батальонными радиостанциями на 58 %»*, означают, что в каждом батальоне (а это 778 человек и порядка 2 км полосы обороны) уже реально было по 8 раций! Моторизованная дивизия по штату получала 115 раций (в это число, конечно же, не вошли танковые радиостанции), т. е. суммарно даже меньше, чем в стрелковой. Но при этом значительно большим было число мощных радиостанции 5-АК на шасси автомобиля — 36 единиц на одну дивизию!

Разумеется, запланировав (и в значительной степени обеспечив) совершенно феноменальный для начала 40-х годов прошлого века уровень радиофикации связи на уровне дивизии, командование Красной Армии не забыло и о соединениях оперативного звена (корпус, армия). Для обеспечения связи в этом эшелоне управления были разработаны радиостанции 11-АК, РСБ, РАФ. Радиостанция РСБ устанавливалась на шасси автомобиля, имела излучаемую мощность до 50 Вт и обеспечивала дальность телефонной связи в 300 км, т. е. фактически в полосе действий армии или даже фронта. РАФ — это значительно более мощный (400–500 Вт) комплекс аппаратуры, который перевозился на двух грузовиках ЗИС-5. По состоянию на 1 января 1941 г. в Вооруженных силах СССР уже числилось 1613 единиц РСБ и РАФ, т. е. в среднем по 18 штук на каждый (стрелковый или механизированный) корпус. В записке по мобилизационному плану МП-41 почему-то отсутствуют данные по наличию предшественницы РАФа — мощной (500 Вт) радиостанции 11-АК, хотя этих комплексов в войсках было весьма много. Так, в Киевском ОВО по состоянию на 10 мая 1941 г. числилось 6 РАФ, 97 РСБ и 126 радиостанций 11-АК.

Подлинным чудом техники в 1941 году мог считаться комплекс РАТ. Огромная мощность (1,2 кВт) позволяла обеспечить связь телефоном на расстоянии в 600 км, а телеграфом — до 2000 км. Схема передатчика предоставляла возможность работы на 381 фиксированном канале связи с автоподстройкой частоты. Для перевозки всего оборудования РАТ вместе с системой автономного энергообеспечения использовалось три автомобиля ЗИС-5, боевой расчет станции составлял 17 человек. 1 января 1941 г. таких комплексов было уже 40 штук. В частности, в войсках Киевского ОВО перед войной числилось 5 комплексов РАТ. Это, разумеется, очень и очень мало. Почему? Потому что по мобилизационному плану МП-41 Красной Армии полагалось иметь 117 (сто семнадцать) комплексов РАТ. Интересно, какое же количество фронтов и на каких континентах собирались развертывать разработчики МП-41? Фактически Красная Армия дошла до Берлина, никогда не имея на вооружении более полусотни РАТ одновременно…

Всего, не считая переносных радиостанций батальонного и ротного звена, не считая танковых радиостанций, в Красной Армии числилось 7566 радиостанций всех типов. И это — на 1 января 1941 г. Однако первого января жизнь не остановилась, а заводы продолжали свой «мирный созидательный труд». План производства 41-го года предусматривал выпуск 33 РАТ, 940 РСБ и РАФ, 1000 5-АК. Не думаю, что кто-то способен выучить все эти цифры наизусть, но выработать полезную привычку выбрасывать в помойное ведро любую статью/книгу, которая начинает рассказ о событиях 22 июня 1941 г. с причитаний о «немецких диверсантах, которые перерезали все провода», я настоятельно рекомендую.

Глава 9

Тайна! Тайного!! Сценария!!!

Вернемся, однако, к обещанному в предисловии «простому и веселому» рассказу о наиболее ярких образцах новейшего исторического «мозгоимения». Не все в этом гиблом деле так сложно, как могло показаться читателю, преодолевшему нагромождение цифр в предыдущих главах. Некоторые сочинители пишут о Великой Загадке июня 41-го легко и просто. Так, в 2005 г. вышла в свет книга под названием: «Сталин. Тайный «Сценарий» начала войны» (М., Олма-Пресс). Правда, авторы книги, супруги-пенсионеры Я. Верховский и В. Тырмос, в одном из интервью сообщили, что сами они хотели дать книге другое название: «Дилетанты против историков». Кто бы спорил — такая откровенность и смелость в самооценке делает честь авторам. То, что принцип свободы печати в качестве естественных издержек предполагает, увы, такую ситуацию, когда дилетантам-графоманам позволяется морочить голову публике — это плохо, но неизбежно. А вот то, что откровенно слабая книжка оказалась (опять же, если верить заявлениям ее авторов) включена в некий «перечень рекомендуемой литературы», каковой перечень Администрация Президента Российской Федерации рассылает губернаторам и прочим высокопоставленным государственным чиновникам — это очень странно и очень интересно. Уже одно это удивительное обстоятельство делает «Тайный сценарий» обязательным пунктом нашей программы.

Прежде всего, послушаем, как сами авторы на странице 224 формулируют содержание и смысл расшифрованного ими «тайного сценария начала войны». С точным соблюдением стилистики и орфографии оригинала я процитирую довольно большой фрагмент:

«…И сегодня (речь идет о 20 марта 1941 г. — *М. С.*) *Сталин уже принял решение. Война с Германией, когда начнётся, она начнётся не по сценарию, навязанному Гитлером, а по его собственному, сталинскому, «Сценарию»… Этот «Сценарий» учтет и то, что на прошлой неделе, 11 марта 1941 г., произошло величайшее историческое событие — в борьбу против Гитлера вступили Соединенные Штаты Америки! На прошлой неделе американский конгресс утвердил «Билль о лend-лизе», по которому государства, подвергшиеся гитлеровской агрессии, смогут получить военную и экономическую помощь. И у России тоже будет шанс получить эту помощь, но только в том случае, если она не будет нападающей стороной, а сама подвергнется нападению. У России есть шанс получить лend-лиз, если она станет ЖЕРТВОЙ ГИТЛЕРОВСКОЙ АГРЕССИИ! Только в том случае, если она будет вести справедливую освободительную войну против агрессора!*

С этого дня гитлеровской ДЕЗИНФОРМАЦИИ будет противопоставлен гораздо более хитрый и коварный сталинский БЛЕФ, призванный ввести в заблуждение весь мир — врагов и друзей — и Бесноватого фюрера, и мудрейшего Уинстона Черчилля, *и умнейшего Франклина Рузвельта… С этого дня и до самого «внезапного нападения» Сталин будет делать вид, что он «не верит» никаким донесениям разведки… С этого дня на донесениях разведки появятся резолюции «В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений». Или еще похуже: «Можете послать ваш источник к еб…ной матери».*

Подлинная страсть двигала рукой супругов-пенсионеров. Весь текст усыпан восклицательными знаками, иногда их по три штуки после одного слова. Книга разбита на множество глав с такими названиями: *«До «внезапного нападения» осталось 3 часа 15 минут… До «внезапного нападения» осталось 2 часа 45 минут… До «внезапного нападения» осталось 15 минут… 5 минут…»*

Я знаю, что вы хотите сказать: «Бред, конечно, но как одна из возможных гипотез — почему бы и нет…» Нет, друзья мои, это — не гипотеза. Не всякий набор слов имеет право называться гипотезой. Поскольку признаки качественного различия между смелой научной гипотезой и графоманским вздором являются ключевым элементом теории и практики борьбы с «мозгоимением», позвольте остановиться на этом вопросе чуть более подробно.

В семь часов утра 30 июня 1908 г. над безлюдной дикой тайгой в бассейне реки Подкаменная Тунгуска произошел ужасающей силы взрыв. Порядка 80 млн деревьев было повалено в радиусе 40–50 км. Это есть факт. В космическом пространстве летают кометы и метеоры. По крайней мере, именно такого мнения придерживается большинство ученых (меньшинство считает, что ничего, кроме иллюзий, порожденных наших сознанием, в мире не существует). Предположение о том, что лес был повален метеором или кометой, взорвавшимися в атмосфере Земли, является научной гипотезой. В районе катастрофы тайга сильно заболочена. Болота выделяют горючий «болотный газ». Предположение о том, что «тунгусская катастрофа» была вызвана взрывом огромного облака газовоздушной смеси, подожженной осколками влетевшего в атмосферу метеорита, является научной гипотезой. И так далее…

Предположение о том, что мамонты пасутся в Измайловском парке Москвы, привлеченные туда изобилием огромных вкусных кактусов, не является научной гипотезой. Почему? Потому что в Москве нет живых мамонтов, в Измайловском парке нет зарослей дикорастущих кактусов и никакое травоядное животное не сможет кусать, жевать и глотать колючий кактус. Человек, выдвигающий такую «гипотезу», должен или представить супервеские доказательства своей правоты (например, подтвержденную свидетелями и экспертами видеозапись мамонтов, жрущих кактусы на фоне московских улиц), или быть готовым к встрече с заботливым врачом-психиатром. Никакого третьего варианта в благоустроенном обществе быть не должно.

Предположение о том, что мамонты пасутся в Измайловском парке Москвы, привлеченные туда изобилием огромных вкусных кактусов, не является научной гипотезой. Почему? Потому что в Москве нет живых мамонтов, в Измайловском парке нет зарослей дикорастущих кактусов и никакое травоядное животное не сможет кусать, жевать и глотать колючий кактус. Человек, выдвигающий такую «гипотезу», должен или представить супервеские доказательства своей правоты (например, подтвержденную свидетелями и экспертами видеозапись мамонтов, жрущих кактусы на фоне московских улиц), или быть готовым к встрече с заботливым врачом-психиатром. Никакого третьего варианта в благоустроенном обществе быть не должно.

Теперь возвращаемся к «тайному сценарию» Верховского и Тырмос.

Закон (билль) о ленд-лизе имел официальное наименование «Закон Содействия Обороне США». В нем ничего не было сказано об «агрессии», «жертве агрессии», гитлеровской агрессии» и т. п. Закон предоставил президенту Соединенных Штатов право самостоятельно — без санкции Конгресса — принимать решение о передаче вооружения, боеприпасов, иной военной техники странам, поддержка которых важна для обороны США. Для обороны США. Никаких благотворительных целей, никакой рыцарской «заботы о вдовах и сиротах» закон не предусматривал. Само словосочетание «ленд-лиз» относится к весьма специфической финансовой стороне вопроса — вооружение передавалось на условиях «займа-аренды», что, по-простому говоря, означало: «Пользуйся, а если к концу войны что-нибудь останется, то вернешь…»

Многие годы до и многие годы после принятия «Закона о ленд-лизе» США проводили активную внешнюю политику, в частности, поставляли вооружение американского производства воюющим странам. Например, еще до принятия «Закона о ленд-лизе» США поставляли боевые

самолеты для ведущих активные боевые действия ВВС Китая, Франции, Англии, Финляндии (последняя, кстати, была на тот момент признана Лигой Нации жертвой агрессии, но не гитлеровской, а сталинской). Если говорить про Францию и Англию, то пресловутый «первый выстрел» сделали именно они: 4 сентября 1939 г. английская авиация нанесла бомбовый удар по германской военно-морской базе в Вильгельмсхафене; 9 сентября 1939 г. французская армия силами 9 дивизий пересекла франко-германскую границу и начала наступление на Саарбрюкен. Разумеется, принимая решение о политической и военной поддержке Англии и Франции в их войне против гитлеровской Германии, президент и Конгресс США руководствовались не юридическим крючкотворством на тему «кто выстрелил первым», а оценкой реальных целей войны и реальных политических интересов Америки.

К слову говоря, ничего особо «судьбоносного» в принятии «Закона о ленд-лизе» не было. Закон лишь развязал руки президенту Рузвельту, который теперь мог принимать решения без оглядки на «изоляционистов», позиции которых в Конгрессе были достаточно сильны. Принятие этого закона знаменовало серьезное укрепление личной власти Рузвельта в противовес законодательной власти. Никаких принципиальных изменений во внешней политике США он не вызвал, и уж тем более — не стал сам по себе «величайшим историческим событием в борьбе против Гитлера». Что же касается Англии и ее премьер-министра У. Черчилля, то на них действие американских законов вообще никак не распространялось.

Готовность (или неготовность) президента Америки помогать Советскому Союзу в войне против Гитлера определялась (и формально-юридически, и практически) отнюдь не трибунными возгласами о «справедливой освободительной войне против агрессора». Для того чтобы стать получателем ленд-лизовских поставок, Сталин должен был стать не «*ЖЕРТВОЙ ГИТЛЕРОВСКОЙ АГРЕССИИ*» (большие буквы, к сожалению, не превращают мелкую глупость в сенсационную «гипотезу»), а союзником Америки, боеспособность которого важна для обороны США.

Нравится это кому-то или нет, но США и Великобритания были в середине XX века великими демократическими державами. Внешняя политика законно избранных властей этих стран определялась идеалами и интересами. 4 июля 1941 г. в своем радиообращении к нации президент Рузвельт говорил:

«…Мы знаем, что мы не сможем сохранить свободу у себя, на нашей земле, если наши соседи вокруг потеряют свободу… Я торжественно заявляю американскому народу, что Соединенные Штаты никогда не будут стремиться выжить в качестве счастливого и плодородного оазиса свободы, окруженного жестокой пустыней диктатуры. И когда мы повторяем великую присягу нашей стране и нашему флагу, то это должно быть наше глубокое убеждение, подкрепленное нашим трудом, нашей волей и, если необходимо, даже нашими жизнями».

Я вполне допускаю, более того — я в этом полностью убежден, что рядовые американцы в разговорах на улице или в заводском цеху не изъяснялись таким «высоким штилем». Но если бы эти слова Рузвельта не были созвучны мыслям и чувствам большинства американцев, то Рузвельт не был бы трижды избран на пост президента США и 295 тыс. американцев не отдали свои жизни на фронтах Второй мировой войны.

С точки зрения идеалов свободы и демократии, что Гитлер, что Сталин были одинаково ненавистны народам и правительствам Англии и США. Никаких иллюзий по поводу «нового мира», который якобы строится за колючей проволокой ГУЛАГа, никто уже давно не питал. Пусть и не в полной мере, но информация о жесточайших репрессиях, ужасах раскулачивания и голодомора, массовых расстрелах и пытках выходила за пределы «железного занавеса» и

вызывала на Западе гнев и отвращение.

Что же касается конкретных актов сталинской агрессии (вторжение в Польшу в сентябре 1939 г., нападение на Финляндию в декабре 1939 г., аннексия Эстонии, Латвии и Литвы летом 1940 г.), то они вызвали не только волну возмущения в обществе, но и вполне реальные действия правительств Англии и США. В частности, после бомбардировок жилых кварталов финских городов президент Рузвельт распространил требования «морального эмбарго» (добровольно-принудительный запрет на поставки авиационной техники и технологии странам-агрессорам) на СССР; не без участия Англии и США Советский Союз был с позором изгнан из Лиги Наций; в Лондоне и Вашингтоне нашли убежище не только политические беженцы из оккупированных Сталиным стран, но и их «правительства в изгнании» и т. д.

После всего того, что произошло в 1939–1940 годах, после раздела разгромленной Польши, демонстративно и нагло оформленного «Договором о дружбе» двух диктаторов, никаких шансов предстать перед *«мудрейшим У Черчиллем и умнейшим Ф. Рузвельтом»* в качестве невинной жертвы у Сталина уже не было. Никакие «игры» с первым выстрелом на границе (которая официально называлась «граница обоюдных государственных интересов Германии и СССР на территории бывшего польского государства») не могли обмануть не только «мудрейшего и умнейшего», но и любого нормального человека. «Чума на оба ваши дома» — вот и все, что мог сказать любой гражданин США или подданный Его Величества Короля по поводу драки за передел разбойничьей добычи между Сталиным и Гитлером, в каких бы формах эта драка ни началась. Черчилль не был рядовым человеком, и вечером 22 июня 1941 г. он счел необходимым сказать в своем радиообращении следующее:

«…Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем…»

На этом пункте идеалы закончились и начались интересы. С интересами все было еще проще, яснее и однозначнее. Не пытаясь даже соревноваться в точности и яркости выражений с лауреатом Нобелевской премии по литературе У. Черчиллем, процитирую еще несколько фраз из его речи: *«…Сейчас я должен заявить о решении правительства Его Величества, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика?*

У нас есть лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима — без остатка. Ничто не сможет отвратить нас от этого. Ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига.

Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги… Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем…

Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров, который, как ему известно, он должен завоевать, или же ему придется понести кару за

свои преступления. Его вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова… Поэтому опасность, угрожающая России, это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара…»

Да, здесь много эмоций, но и холодный расчет приводил к тем же самым выводам. Весной 41-го Англия балансировала на краю пропасти. С августа 1940 г. по май 1941 г. в одном только Лондоне немецкими бомбардировками было уничтожено 84.000 зданий. Последний (хотя тогда этого еще никто не мог знать) массированный налет на английскую столицу состоялся 10 мая 1941 г. Черчилль в своих мемуарах описывает его так:

«…В городе вспыхнуло свыше двух тысяч пожаров, причем мы не могли тушить их, так как бомбардировками было разрушено около 150 водопроводных магистралей. Были повреждены 5 доков и более 70 важнейших объектов, половину из которых составляли заводы. Все крупнейшие железнодорожные станции, за исключением одной, были выведены из строя на несколько недель, а сквозные пути полностью открылись для движения только в начале июня. Было убито и ранено свыше 3 тысяч человек…»

В Манчестере самые страшные налеты случились 23 и 24 декабря 1940 года. За два дня (точнее говоря — за две ночи) погибло 2500 человек и 100 тысяч остались без крова. В ночь на 14 ноября 1940 г. 449 бомбардировщиков люфтваффе разрушили дотла город Ковентри. Огромный ущерб был причинен Бирмингему, Ливерпулю, Шеффилду, Бристолю, Саутгемптону… В общей сложности по всей стране было разрушено порядка одного миллиона зданий. Общее число потерь населения составило 43 тыс. убитых и 51 тыс. тяжелораненых.

Главная же угроза самому существованию Англии таилась не в воздухе, а под водой. Англия — это остров. Девять столетий это обстоятельство было драгоценным подарком судьбы, ибо защищало жителей острова от вторжения орд иностранных захватчиков. В XX веке эта индустриальная страна, «мастерская мира», не могла обеспечить свои заводы сырьем, людей — продовольствием, транспорт-горючим без непрерывного подвоза огромного количества грузов морским путем. Немецкие подводные лодки беспощадно топили британские транспортные суда, и никто тогда не мог сказать с уверенностью — как долго смогут судостроительные верфи Англии соревноваться с истребительной активностью немецких подводников.

«Англия проиграла эту войну. С отчаяньем утопающего она хватается за каждую соломинку, которая в ее глазах может служить якорем спасения… После уничтожения Франции — вообще после ликвидации всех их западноевропейских позиций — британские поджигатели войны направляют все время взоры туда, откуда они пытались начать войну: на Советский Союз». Это строки из письма, которое 21 июня 1941 г. Гитлер направил своему главному подельнику Муссолини. Это письмо (в отличие от процитированных выше речей Рузвельта и Черчилля) отнюдь не предназначалось для целей пропаганды, Гитлер действительно надеялся на то, что ему удастся в самом ближайшем будущем «дожать Англию».

Можно ли было в таких условиях сомневаться в том, каким будет «решение правительства Его Величества»? Могло ли это решение зависеть от того, кто произведет первый выстрел в первый день советско-германской войны? Был ли у Черчилля другой вариант действий? Мог ли он не сделать все, что было в его силах, для того чтобы эта спасительная для Англии война, раз начавшись, длилась как можно дольше и ослабила обе диктатуры как можно больше? Могла ли жесткая и жестокая политическая логика, основанная на самых коренных, жизненных интересах Британской империи, измениться от такой ерунды, как болтовня газет о

«нападающей стороне», «освободительной войне» и прочее? И неужели великий циник Сталин мог не понимать этой простейшей арифметики?

Положение Америки, отдаленной от европейских тиранов огромными океанскими просторами, на первый взгляд не вызывало большой тревоги. Рузвельт мог анализировать ситуацию спокойно и взвешенно, *«не хватаясь за каждую соломинку»*. Но и у него практически не было других вариантов действий, кроме тех, что были реализованы в действительности.

Правильный ответ начинается с правильного вопроса. Правильный вопрос в данной ситуации звучит так: «Что представляло большую угрозу для Америки — Советский Союз, оккупированный Германией, или Германия, оккупированная Советским Союзом?» На мой взгляд, ответ совершенно очевиден. «Германию, оккупированную Советским Союзом», мы видели. Она называлась ГДР, угрозу она представляла только самой себе и, в конце концов, не выдержав этой угрозы, сдалась на милость победившего Запада. В скобках отметим, что и достигнутый к 1941 году весьма высокий уровень развития сталинской военной экономики был основан на массовых закупках (кражах) западной техники, технологии, лицензий в 30-е годы. Без этой самоубийственной близорукости политических лидеров Запада Красная Армия подошла бы к порогу мировой войны, как «красные кхмеры» — с винтовками и мотыгами.

К счастью для всего человечества, увидеть Советский Союз, оккупированный Гитлером, никому не пришлось. Страшно подумать о том, что произошло бы в случае соединения колоссальных сырьевых, промышленных и людских ресурсов СССР (а это, если кто забыл, не только Россия, но и Украина, Закавказье, Средняя Азия, Казахстан) с организационными, управленческими и научно-техническими ресурсами гитлеровской Германии. Даже безо всех этих дополнительных ресурсов, даже находясь в состоянии войны с Советским Союзом, Великобританией и США, даже задыхаясь от нехватки сырья и под градом бомб авиации союзников, Германия к концу 1944 года располагала:

— баллистическими ракетами средней дальности, поставленными на поточное производство;

— реактивными истребителями и турбореактивными двигателями в серийном производстве;

— противокорабельными управляемыми ракетами в серийном производстве;

— бортовыми авиационными радиолокаторами в серийном производстве;

— на разных ступенях экспериментальной отработки находились зенитные ракеты, тепловые головки самонаведения, двухступенчатая баллистическая ракета, способная долететь до Нью-Йорка, несколько образцов средних и дальних реактивных бомбардировщиков, наконец, серьезный научный и производственный задел («тяжелая вода», высокоскоростные центрифуги), позволявший начать работы по созданию ядерного оружия.

Стоит отметить и тот факт, что, разрабатывая и запуская в серийное производство чудеса техники, опередившие свое время на многие годы, немцы не забывали и о непрерывной модернизации самых массовых систем вооружения.

Первый серийный «Мессершмитт» Ме-109 вышел с завода в 1937 году с мотором Jumo-210D взлетной мощностью 680 л. с. На «мессере» серии К осенью 1944 г. стоял двигатель «Даймлер-Бенц» DB-605AS с устройством впрыска водно-метаноловой смеси, развивающий мощность 2030 л. с. За 7 лет (с 1937 по 1944) мощность мотора самого массового истребителя люфтваффе возросла ровно в три раза!

А что происходило у нас? Все истребители Яковлева — от первого экспериментального И-26 до

самого совершенного Як-3 — отвоевали всю войну с мотором М-105. Лишь в 1944 году мощность М-105 ПФ-2 «дотянули» до 1240 л. с. (против исходной в 1050 л. с.) — и это оказалось пределом достижений отечественного моторостроения. С тем же мотором М-105 провоевал всю войну и самый массовый советский бомбардировщик Пе-2. Все попытки «довести до ума» М-106 и М-107 закончились провалом…

Очевидным и бесспорным фактом является то, что «коэффициент полезного действия» преступного и изуверского гитлеровского режима был гораздо выше к. п.д. преступного и изуверского сталинского режима. И если бы надеждам Гитлера на быстрый разгром Красной Армии суждено было сбыться, то на огромных пространствах от Атлантики до Камчатки возник бы такой чудовищный монстр, который мог сожрать Америку, даже не поперхнувшись. Умнейший Рузвельт не мог не видеть этой угрозы. И он ее видел и поэтому помогал Сталину до последнего дня своей жизни.

Вернемся, однако, к нашим мамонтам и кактусам. Версия Верховского — Тырмос противоречит всякой логике, но, может быть, они смогли найти какие-то прямые неопровержимые доказательства своей правоты? В конце концов, некоторые фундаментальные положения квантовой механики (такие, как «корпускулярно-волновой дуализм», «принцип неопределенности») абсолютно несовместимы с простой, обыденной логикой, что, однако же, не мешает лазерам работать.

Зададим очередной правильный вопрос: «А что могло бы служить прямым и неопровержимым доказательством того, что Сталин втайне от всех, втайне от высшего командного состава Красной Армии, не оставляя ни одного письменного документа, вынашивал некие секретные планы?» Вы уже чувствуете, уважаемый читатель, какая силища заключена в правильном вопросе? Он сразу же приводит нас к правильному ответу: спиритический сеанс. Единственно и только вызвав дух усопшего Иосифа Джугашвили, мы сможем узнать — что и о чем он думал в июне 41-го. Провели авторы «тайного сценария» спиритический сеанс? Надеюсь, что нет. Чем же тогда они заполнили 600 страниц своей книги?

Зададим очередной правильный вопрос: «А что могло бы служить прямым и неопровержимым доказательством того, что Сталин втайне от всех, втайне от высшего командного состава Красной Армии, не оставляя ни одного письменного документа, вынашивал некие секретные планы?» Вы уже чувствуете, уважаемый читатель, какая силища заключена в правильном вопросе? Он сразу же приводит нас к правильному ответу: спиритический сеанс. Единственно и только вызвав дух усопшего Иосифа Джугашвили, мы сможем узнать — что и о чем он думал в июне 41-го. Провели авторы «тайного сценария» спиритический сеанс? Надеюсь, что нет. Чем же тогда они заполнили 600 страниц своей книги?

«Не нравится мне жить у вдовы Дуглас», — говорил малолетний бродяга Гек Финн своему другу Тому Сойеру. *«У нее в доме все варят по отдельности, да еще и заставляют есть ножом и вилкой. Ни вкуса, ни удовольствия. То ли дело объедки в мусорном баке, когда их перемешаешь как следует, и они пропитаются соком…»* (цитирую по памяти и заранее извиняюсь за возможные неточности перед духом Марка Твена). Хотя один из двух авторов «тайного сценария» женщина, книга эта приготовлена не по «правилам вдовы Дуглас», а по рецепту Гека Финна. Само изложение и обоснование авторской версии занимает не более одного процента объема текста; никаких, подчеркиваю — никаких прямых свидетельств, документов и проч. в поддержку этой версии не приводится вовсе. Книга заполнена (смею предположить — при помощи правой и левой кнопки компьютерной «мышки») донесениями разведки, фрагментами воспоминаний, цитатами из документов, пространными размышлениями — и все это не имеет ни малейшей причинно-следственной связи с тем

тезисом, который авторы вроде бы собрались доказать. Еще раз подчеркну, что связи и быть не могло, так как конспирологические (т. е. объясняющие грандиозные исторические события тайным заговором, о котором никто, кроме автора-первооткрывателя, ничего не знает) версии недоказуемы по определению.

Но, может быть, книжка полезна хотя бы тем, что в ней собрано под одной обложкой множество документальных материалов, которые массовому читателю не очень-то и известны? Первые полчаса я так и думал. А потом в ужасе уронил пухлое сочинение на пол. Никаких ссылок на источники в тексте, разумеется, нет. Авторы, похоже, и сами не очень понимают разницу между материалами «журналистских расследований» в стиле В. Карпова и документом, имеющим точную архивную ссылку. Мне-то хорошо, я практически все реальные документы, попавшие зачем-то в «тайный сценарий», читал по многу раз, я их узнаю — и именно поэтому могу заметить, когда среди документов вдруг появляется откровенная туфта.

А что же делать тому самому «массовому читателю»? Для него чтение графоманского опуса Верховского — Тырмос равнозначно прогулке по тонкому льду: снег искрится на солнышке, и не поймешь — где под снегом прочная опора, а где — чуть затянутая тонкой пленкой льда полынья.

Самое же прискорбное заключается в том, что при всех потугах на сенсационность книга с удручающей полнотой воссоздает до боли знакомые мифы советской историографии: разведка доложила точно, секреты Гитлера немедленно летят на стол Сталина, сам Сталин ни о какой агрессии и не помышляет, Советский Союз вступает в войну не в сентябре 39-го, а в июне 41-го, война на Западе в тот момент то ли уже завершилась, то ли даже и не начиналась, Сталин «боится дать повод» — и только тут появляется наконец некоторое новшество. Классическая советская версия гласила, что «Сталин боялся дать Гитлеру повод для вторжения». По версии авторов «тайного сценария», Сталин боялся дать Рузвельту повод не дать ленд-лиз Сталину. И стоило ли из-за этого…

В этот момент зазвонил телефон. Как хотите — можете верить, можете не верить, можете считать это дешевым литературным приемом, но в этот момент, поздним вечером понедельника 28 января 2008 г. у меня на столе зазвонил телефон. Не сказать, что я очень люблю звонки в двенадцатом часу ночи, но трубку я снял. *«Включай немедленно «Эхо Москвы,* — прокричала трубка, — *там один крендель т-а-а-кое отжигает…»* Я вспомнил, что по понедельникам на «Эхе» идет программа «Цена победы» (где некогда бывал и я), и нажал кнопочку на магнитоле… Да так и застыл — с протянутой рукой и дыбом вставшими волосами… «Крендель отжигал», да еще как отжигал… «Как» было не менее выразительным, чем «что»: сбивчивая, путаная речь, непонимание вопросов и отсутствие всякой логики в ответах…

Минут через десять мне это надоело. Суть очередного «сенсационного открытия» я уже понял, и пора было возвращаться к девятой главе, как вдруг из динамиков прозвучала фраза о «документальном фильме», уже снятом (!!!) по сценарию «открывателя». Вот этого я не понял. Издать книжку — дело нехитрое. За деньги типография напечатает все, что угодно, и, потратив жалкие две-три тысячи «баксов», вы можете начинать дарить всем своим друзьям и бывшим одноклассникам книгу, на твердой обложке которой будет красоваться ваша фамилия. Но фильм — это совсем другое дело. Нет, я не про «документальность», с этим проблем никаких — наш зритель не избалован, ему можно и Т-80 за Pz-I впарить. Проблема в деньгах, которых на производство фильма надо на три порядка больше. «Кто же ему их дал?» — подумал я, выключил радио и залез в Интернет. И вот когда я узнал, кто финансирует распространение

этого бреда, я понял, что в нашей книге должна появиться следующая глава.

Глава 10

Трусы, кальсоны и ФАКК

Оказывается, то, что я принял за бред маразматика, по мнению вице-президента Коллегии военных экспертов (???), кандидата политических наук, генерал-майора А. Владимирова *«отличается не только своей абсолютно новой и необычной рабочей гипотезой, но и масштабом почти исчерпывающей информации и скрупулезной документированностбю работы…».*

Оказывается, *«эта яркая и необычная гипотеза позволила* ***выиграть конкурс*** *на создание фильма «Тайна 22 июня», проводившийся* ***Федеральным агентством по кинематографии и культуре*** *по теме «Начало Великой Отечественной войны в свете новых исторических исследований».* То есть «яркая и необычная гипотеза» уже признана ФАККом (надо полагать — в рамках открытого, публичного конкурса, в ходе которого слово «откат» использовалось только как технический термин конструирования артиллерийских систем) в качестве самого выдающегося достижения *«новых исторических исследований».* Настолько выдающегося, что на его популяризацию пришлось срочно потратить деньги федерального бюджета.

А вот и мнение издателя книги, Генерального директора издательства «Время» господина Б. Н. Пастернака:

«…Это сенсационная, намой взгляд, книга. Александр Осокин — историк-дилетант, но у дилетантов бывают такие прорывы, которые дорогого стоят. Он много лет недоумевал и продолжал работать, пытаясь найти ответы на свои вопросы, над тайной первого дня войны… Ион докопался, на мой взгляд, он создал вот эту новую версию начала войны, ответил на массу вопросов. Я уже с несколькими историками разговаривал (эх, узнать бы фамилии! — *М. С.*), *они разводят руками и говорят: «Черт его знает, может, он действительно прав?»*

«То есть он опирается на какие-то документы, которые раскопал?» — наивно спрашивает наивный корреспондент.

«Да, конечно, — глазом не моргнув, отвечает господин Пастернак. — *Здесь половина книги — это документы и прекрасное такое, я бы так сказал, фоторасследование. Он берет все фотографии тех лет и тщательнейшим образом их изучает — кто эти люди, кто справа, кто слева. Там целая тетрадка фотографий. Я считаю, что это сенсация…»*

Какие же вопросы, какие «тайны первого дня войны» удалось разрешить, разглядывая: *«кто справа, кто слева»*? На этот вопрос отвечает аннотация к книге:

«Тайна первого дня Великой Отечественной войны до сих пор не разгадана. Почему Сталин столь слепо верил Гитлеру и игнорировал поток предупреждений о скором начале войны. (Как вам этот вопрос, уважаемый читатель?) *Почему в советских приграничных частях не было снарядов и горючего? Почему страна узнала о войне лишь через восемь часов непрерывных бомбежек? Почему бойцам нескольких частей Красной Армии накануне войны* ***вместо положенных личному составу кальсон выдали трусы****?*

Есть множество версий, но ни одна из обнародованных до сих пор не дает внятных ответов

на сотни подобных вопросов. Александр Осокин выдвинул еще одну версию, на первый взгляд невероятную, переворачивающую все былые представления. Но невероятность эта — кажущаяся. Стоит вчитаться в документы, оценить остроумие гипотезы и кропотливость анализа — и версия приобретает характер прозрения, которое уже невозможно будет игнорировать ни сегодня, ни в будущем».

Прозрение, которое уже не удастся (мне, по крайней мере) забыть, изложено в книге А. Осокина «Великая тайна Великой Отечественной» (М.: «Время», 2007 г.) *«Осокин Александр Николаевич, родился в 1939 году, окончил Рязанский радиотехнический институт, работает в радиопромышленности.*

Член-корреспондент Академии электротехнических наук РФ ("что это такое — не знаю; «Международную академию информатизации» знаю — это бывшая «Мосгорсправка»; электротехнические науки — это, наверное, тайное знание о том, почему в магазинах нет ни стиральных машин, ни утюгов, ни фенов, ни розеток российского производства) *директор Департамента информационных стратегий* (да уж, это вам не подотдел очистки!) *корпорации «Фазотрон-НИИР». Автор многих журнальных и газетных публикаций по истории российской авиации и авиационной радиолокации».*

Сенсационная версия заключается в том, что Красная Армия (включая, заметьте, войска Киевского и Одесского округов) концентрировалась у западных границ СССР для того, чтобы в соответствии с наисекретнейшей договоренностью между Гитлером и Сталиным сесть в вагоны и отправиться к берегам Ла-Манша. Зачем? Элементарно, Ватсон, для вторжения в Англию. В качестве ответной любезности Сталин разрешил немецким войскам проехать через территорию Советского Союза в Иран и далее на Ближний Восток. Зачем надо было ехать тем — сюда, а нашим — туда? *«В Германии было четкое понимание того, что англосаксы — это родные братья, и им было легче, чтобы славяне воевали с англосаксами, чем они сами».* Тут, правда, сразу же появляется первая неувязка: в Иране немцам предстояло воевать или с англосаксами, или с персами, которые и есть самые настоящие, исконные арийцы…

Причины катастрофического поражения Красной Армии летом 1941 года А. Осокин объясняет так:

— вследствие хитрых интриг Черчилля план советско-германского военного сотрудничества лопнул;

— немцы повыскакивали (уже на территории СССР) из поездов с автоматами и «засученными рукавами» (последнее обстоятельство г-н Осокин особо отметил в своем выступлении на «Эхе»);

— Красная Армия оказалась без боеприпасов, т. к. по тайному сговору Сталина — Гитлера ехать к Ла-Маншу велено было без патронов и снарядов;

— укрепленные районы на старой (это не опечатка — на старой) границе были разоружены в соответствии со все той же тайной договоренностью (чем они мешали езде к Ла-Маншу — А. Осокин не объясняет).

Самое интересное связано со *«скрупулезной документированностью работы»*, которую — при полном отсутствии ссылок на источники — исхитрился обнаружить генерал, кандидат и вице-президент военных экспертов. Г-н Осокин честно предупреждает, что никаких документов нет и быть не может, так как тайная сделка Гитлера и Сталина сохранялась в тайне от всех (даже Берия — и тот о ней ничего не знал). Соответственно, все имеющиеся документы не только не

содержат в себе никаких упоминаний о планах «взаимного транзита туда-сюда», но и «преднамеренно фальсифицированы» с целью замаскировать наличие этих планов. Никаких следов коварного плана во всех опубликованных ранее мемуарах советских и германских генералов нет и быть не может — они ведь и сами ничего не знали…

Короче говоря, перед нами химически чистый образец конспирологии, причем конспирологии, доведенной уже до уровня явной клиники. В обществе нормальных людей такие тексты могут присутствовать только в строжайше закрытой от посторонних глаз истории болезни. Смешного тут мало, по данным официальной статистики, психическими расстройствами, которые требуют постоянного наблюдения в психоневрологических диспансерах, страдают в России 3,8 млн человек; в регулярной психиатрической помощи нуждается порядка 14 млн человек (10 % населения), по оценкам ВОЗ, эта цифра должна быть увеличена вдвое. За последние 10 лет число граждан, признанных инвалидами по психическому заболеванию, увеличилось на 50 %. А вы как думали — легко ли жить в «эпоху перемен»? Просто те несчастные больные люди, кто в «эпоху застоя» вынужден был ограничиваться письмам в профком и райисполком с просьбой «посадить соседку, которая каждый вечер облучает меня радиацией», теперь получили несравненно большие возможности для реализации своих информационных стратегий…

Так думал я, бредя по сугробам (из-за небывалых снегопадов проехать было невозможно) к дверям книжного магазина. Но после того, как я взял книгу А. Осокина (изданную, кстати сказать, на шикарной белоснежной бумаге) в руки и пробежал глазами несколько страниц, мое мнение стало стремительно меняться. Нет, этот *«историк-дилетант»* совсем не прост! Если книга пламенных пенсионеров Верховского — Тырмос вся усыпана восклицательными знаками и прописными буквами аршинного размера, то феерический бред «Великой тайны» тщательно огорожен защитными сооружениями из «возможно», «не исключено», «вероятно», «имеются сообщения», «можно предположить», «ряд авторов считает»…

То есть если Верховский — Тырмос (и легион подобных им энтузиастов) спешат поделиться с публикой своим «открытием», в подлинность которого они свято веруют, то фальсификатор Осокин четко реализует «информационные стратегии» психологической войны. Главное правило в этом грязном деле давно известно: «Не врать!» Категорически нельзя никого не обманывать. Лох должен обмануть себя САМ.

Вы, конечно, помните, как в начале 90-х годов на рынок выплеснулась лавина бытовой электроники с надписями Panasonic, Sany, JWC… И когда отдавший немалые деньги за «мыльницу» неизвестного происхождения клиент прибегал, весь в слезах и соплях, к продавцу с просьбой вернуть ему деньги, его встречали строгим выговором: «Чё шумишь? Кто тебя обманывал? Мы тебя обманывали? Мы тебе Panasonic не продавали, это ты, балбес, решил, что купил у нас Panasonic…» Точно так и выстроена книга А. Осокина:

*«…**Вполне возможно**, что Гесс никуда не летал, а его выкрала английская разведка, чтобы поссорить Сталина с Гитлером и сорвать совместный десант… **Нельзя исключать** того, что Гесс прилетел в Англию с проектом договора о совместных боевых действиях против СССР и, **возможно**, убеждая англичан, рассказал о согласии СССР осуществить вместе с Германией высадку в Англии. Недавно **промелькнуло сообщение**, что один из девяти экземпляров «Барбароссы» имелся в сейфе Гесса; **не исключено**, что он располагал полным планом военных действий Третьего рейха… **Вполне возможно**, что, поняв всю опасность такого развития событий для Англии, Черчилль обманул немцев, подписал этот договор и отправил его Гитлеру…»*

Что здесь написано? Вот точный перевод этого абзаца на русский язык: «А хрен его знает, то

ли было, то ли не было, возможно, могло быть». Ни в каком суде призвать г-на Осокина к ответу за клевету наследники Черчилля не смогут, но в сочетании с отличной бумагой, твердым переплетом, солидным размером и весом, предисловием эксперта политических наук, графоманский опус в глазах впечатлительного читателя *«приобретает характер прозрения».* А не в меру впечатлительных у нас 3,8 млн человек (тираж книги 3 тыс. экземпляров — на всех не хватит, им еще в очередь с утра придется записываться…).

Стратегически книга А. Осокина сработана верно — абсолютно бездоказательная «гипотеза» продана по цене «прозрения», необходимое количество гнусных намеков на англичан и Черчилля, «из-за которого все так вышло», вбито в подсознание читателя. Для января 2008 года — очень своевременная книга! Но…

«Есть у меня приятель на примете/Не ведаю, в каком бы он предмете/Был знатоком, хоть строг он на словах/Но черт его несет судить о свете:/Попробуй он судить о сапогах». Все было бы хорошо, если бы г-н Осокин даже не пытался рассуждать о вещах конкретных, имеющих номера, даты, названия.

Вот тут-то и начинается тихий ужас.

И в книге, и в интервью на радио (там — аж дважды за 40 минут) А. Осокин утверждает, что *«у Черчилля в книге о Второй мировой войне, за которую он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, слово «Гесс» ни разу не упомянуто».* Это ж кем надо быть, чтобы так врать? У Черчилля в его «Второй мировой войне» имя заместителя Гитлера по руководству нацистской партией, рейхсминистра «без портфеля» Гесса не просто присутствует, а присутствует в названии целой главы! Занимает описание перелета Гесса в Англию (строго говоря — в Шотландию) семь страниц (Часть 3, стр. 28–35), злополучное имя «Гесс» встречается там 29 раз! Сколько раз имя «Гесс» упоминается во всей многотомной книге — не скажу. Пусть это сосчитает сам директор Департамента информационных стратегий.

Взялся зачем-то г-н Осокин рассуждать о соотношении сил Германии и СССР в танках. Какое отношение может это иметь к *«яркой и необычной гипотезе»* о встречной транспортировке войск — непонятно. В результате же Осокину пришлось оперировать не дикими измышлениями, а цифрами.

Взялся зачем-то г-н Осокин рассуждать о соотношении сил Германии и СССР в танках. Какое отношение может это иметь к *«яркой и необычной гипотезе»* о встречной транспортировке войск — непонятно. В результате же Осокину пришлось оперировать не дикими измышлениями, а цифрами.

И что из этого получилось? *«Средних танков (более 20 т) у немцев было 990, а у Красной Армии — 1373, в том числе 892 новейших Т-34 и 481 Т-40».*

Т-40 — это не средний и даже не легкий танк, это легкая плавающая танкетка весом в 5,5 тонны (да их и выпущено было к началу войны порядка 160 штук). Опечатка? Близким по написанию могут быть Т-50, Т-60, Т-70. Последние два — это легкие танки, производство которых началось лишь через несколько месяцев после начала войны. Танк Т-50 был принят на вооружение в апреле 1941 г., к началу войны было выпущено несколько десятков машин, к концу 1941 г. — всего 50 штук. Но и это не средний, а легкий танк боевой массой 13,8 тонн. Что означает «481 средний танк Т-40» — догадайся, кто может.

Плавающие танки А. Осокин любит. По его мнению, они очень хороши для десантной операции через Ла-Манш. Автор «сенсационного прозрения» пока еще не знает, что «плавающими»

легкие разведывательные танкетки Т-37/Т-38 были лишь в том смысле, что могли с ходу, не тратя времени на поиски брода или моста, переплыть лесную речку. Да и то не всякую, а лишь с пологими берегами (гусеничной амфибии выбраться из воды на берег очень трудно — сцепление гусениц с дном ослаблено архимедовой «выталкивающей силой», а тяги гребного винта для подъема на берег не хватает). Ла-Манш, хоть англичане и называют его «каналом», представляет собой морской пролив шириной 35–150 км. Форсирование Ла-Манша — это морская десантная операция, а не форсирование реки, пусть даже и самой широкой в мире. Только в «документальном кино», снятом по мотивам видений А. Осокина, может быть уместна жуткая сцена, в которой флотилия из крохотных «стальных черепашек» плывет и тонет среди бушующих морских волн… Да и что бы они делали на английском берегу? Легкая (3,3 т) машина была вооружена пулеметом, а ее тонкую броню любая противотанковая пушка пробивала сквозь оба борта.

Но Осокин не боится смелых гипотез и поэтому пишет:

«…У Гитлера для высадки в любом случае не хватало десантных судов, отсутствовали плавающие танки, было мало воздушно-десантных войск. Все это имелось в огромном количестве у Сталина: грузовые суда; плавающие танки — в СССР с 1931 по 1939 год было произведено 7309 танкеток и плавающих танков типа Т-27, Т-37А и Т-38. К началу Отечественной войны на вооружении Красной Армии состояло 5836 таких машин (так точно — если к плавающим Т-37/Т-38 добавить 2376 танкеток Т-27, которые отродясь плавающими не были). *Поэтому, скорее всего, именно после заключения во время берлинских переговоров в ноябре 1940 года тайной договоренности об участии СССР в высадке десанта на Британских островах в приграничные районы СССР стали прибывать танковые и механизированные соединения, имеющие плавающие танки…»*

И это еще скромно. А. Осокин забыл упомянуть самые многочисленные соединения, *«имеющие плавающие танки»*, — стрелковые дивизии. Плавающие танки в Красной Армии стояли на вооружении разведывательных батальонов стрелковых и моторизованных дивизий (одна рота плавающих танков в составе 17 машин на дивизию). Соответственно, в разряд «соединений, имеющих плавающие танки», можно внести практически любую дивизию Красной Армии! Плыть же на плавающих танках, продолжая «логику» Осокина, скорее всего, собирались в Японию. Дело в том, что именно в соединениях Дальневосточного фронта (именно так, «фронтом», он назывался и в мирное время) плавающих танков было необыкновенно много. Так, в 34-й и 69-й стрелковых дивизиях ДВФ было по 44 танка Т-37, в 37-й дивизии — 38 танков Т-37…

Не будем, впрочем, слишком строги. Господин Осокин имеет право не быть специалистом по танкам, он ведь у нас *«автор многих журнальных и газетных публикаций по истории российской* ***авиации****»*. Нашлись ли в небе подтверждения *«яркой и необычной гипотезы»*? Конечно, да. А. Осокин так и пишет: *«…Несколько фактов, подтверждающих эту догадку: наши новейшие истребители МиГ-3 имели «потолок» 7 км, однако на такой высоте летали не немецкие, а английские бомбардировщики»*. В статье, размещенной 21 июня 2007 г. в газете «Время новостей» и анонсирующей выход в свет книги (газета и издательство входят в состав одного Издательского дома), А. Осокин развил эту тему. Поднял, так сказать, высотность «мига»:

«…Другой примечательный факт: в 1940–1941 годах по приказу Сталина в СССР развернулось массовое производство новейшего истребителя МиГ-3, предназначенного для наиболее эффективного ведения боя на высоте 7–9 километров, однако на такой высоте в то время летали не немецкие, а английские бомбардировщики. К началу войны было изготовлено 1400 МиГ-3, а истребителей Як-1 и ЛаГГ-3, специализировавшихся на

уничтожении немецких бомбардировщиков, — лишь 400 и 300 соответственно».

Страшное дело. Для английских бомбардировщиков — одни истребители, для немецких — другие. Как в лучших домах Филадельфии: щипчики для омара, лопаточка для икры, специальная вилка для устриц, трезубая вилка для рыбы… И самое главное — где связь причины со следствием? Предположим, что для *«уничтожения немецких бомбардировщиков»* Як-1 и ЛаГГ-3 годился лучше, чем МиГ-3. На секунду поверим в это. И что, во второй половине 1941 г., после того как Германия стала врагом, а Англия — союзником, производство «мигов» прекратилось? Да ничего подобного. Выпущено 2211 МиГ-3, 2141 ЛаГГ-3, 877 Як-1. План первого квартала 1942 года: 1570 ЛаГГ-3, 1200 МиГ-3, 785 Як-1. Как видим, «антианглийские МиГ-3» продолжают гнать в огромных количествах, а самый удачный из этой «троицы» и ставший, в конце концов, самым массовым советским истребителем самолет Яковлева твердо занимает последнее место.

Разгадка предельно проста. Выпуск самолетов определялся возможностями заводов-изготовителей, распределение же заказов между заводами определялось жесточайшей конкурентной борьбой между «фирмами» и их номенклатурными покровителями. Главным «призом» в этой схватке был крупнейший и старейший в России московский авиазавод № 1 (ныне завод «Прогресс» в Самаре, который выпустил и выпускает по сей день все ракетоносители пилотируемых космических кораблей). Этот завод достался брату члена Политбюро товарищу Микояну. Именно не сравнимые ни с чем иным производственные мощности завода № 1 сделали МиГ-3 самым массовым истребителем советских ВВС кануна войны. После долгих мытарств по мебельным фабрикам (это почти не шутка) истребитель Лавочкина отдали на второй по мощности Горьковский авиазавод № 21. Как результат — огромный рост числа выпущенных самолетов; в начале 1942 г. этот крайне неудачный истребитель («Лакированный Гарантированный Гроб», как его назвали на фронте) становится лидером производства. А вот молодому, хотя и вхожему к самому Хозяину, заместителю наркома авиационной промышленности Яковлеву поначалу достался всего лишь новорожденный Саратовский авиазавод № 292…

В страшном для страны декабре 1941 года Сталин отправил в Куйбышев знаменитую телеграмму:

«…Самолеты Ил-2 нужны нашей Красной Армии теперь как воздух, как хлеб… Прошу Вас не выводить правительство из терпения, требую, чтобы выпускали побольше Илов. Предупреждаю последний раз».

Несколько строк, написанных в безумной горячке битвы за Москву, подвели черту под программой истребителя МиГ-3. Три огромных завода: московский № 1, воронежский № 18, московский авиамоторный № 24, эвакуированные в Куйбышев, превратились в гигантский производственный комплекс по выпуску Ил-2. Производство же МиГ-3 на заводе № 1 было моментально свернуто и ни в каком другом месте не возобновлено, так как моторный завод № 24 также свернул производство высотных моторов АМ-35/37 и всю войну выпускал АМ-38 для штурмовиков (всего за время войны выпущено 35.668 «илов», что есть абсолютный мировой рекорд выпуска боевого самолета одного типа).

Все, что я сейчас рассказал, можно было прочитать еще лет 20–30 назад в любом журнале типа «Юный моделист-конструктор» (разве что без упоминания о «придворных интригах»). Придумывать «специализированные антианглийские и антинемецкие» истребители не стоило. Но мне, как давнему читателю вышеупомянутого журнала, хочется отметить самую яркую подробность авиационного открытия (да и профессиональных познаний) г-на Осокина.

7000,9000, 8000, 7700, 5500, 5200, 8200 метров. Это высота «статического потолка» (максимальная высота непрерывного горизонтального полета) самых массовых средних и дальних бомбардировщиков начала Второй мировой войны (скоростные и ближние нас в данном случае не интересуют, так как и не всякий дальний бомбардировщик смог бы долететь от Англии до ближайшей точки СССР). В этом перечне (Не-111, ДБ-3ф, Ju-88, итальянский SM-79, французский LeO-45) бросаются в глаза две «маленькие цифры» — 5500 и 5200 метров. Это потолок двух английских бомбардировщиков: основного (и единственного к началу войны) двухмоторного «Веллингтона» и первого из серии тяжелых английских четырехмоторных бомбардировщиков «Стирлинга». Да, вот так уж получилось — именно АНГЛИЙСКИЕ бомбардировщики были самыми маловысотными среди всех своих современников! У этого, кстати, есть вполне рациональные объяснения, но в эти технические дебри я вас с собой не поведу. Мне другое интересно.

9500,11 000,10 000, 9900,10 000,10 120,10 350,10 500 метров. Это высота «статического потолка» самых массовых истребителей начала Второй мировой войны (ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-1, И-16, французский MS-406, английские «Харрикейн» и «Спитфайр», немецкий Ме-109). МиГ-3 действительно был самым высотным (и к тому же самым скоростным) истребителем своего времени. Но для перехвата любого вражеского бомбардировщика вполне хватало «потолка» любого истребителя. Любого. Проблемы были не в технических характеристиках, а в тактике применения (непрерывное дежурство истребителей в воздухе крайне дорого, обнаружение высотной цели без радиолокаторов почти невозможно, взлет по тревоге приводит к тому, что истребитель не успевает набрать необходимую для перехвата высоту). Так что, сколько ни рассматривай «потолок» истребителей МиГ-3 и Як-1, разглядеть на нем антианглийскую направленность не удается, и уж тем более — только с собственного потолка г-н Осокин мог взять план совместного сталинско-гитлеровского вторжения в Англию, да еще и назначенного точно на июнь 1941 года.

Некоторые свои мегавыводы г-н Осокин делает на основании таких мегаглупостей, что просто не знаешь, что делать: смеяться или плакать.

«Я обнаружил в дневнике Гальдера, это начальник генштаба сухопутных войск, так вот у него 3 июля написана такая вещь: наверху — «12-й день войны с Россией», а внизу написано — «таким образом на 14-й день Восточной кампании…». Я поднимаю глаза, опять смотрю:«12-й день» и «на 14-й день Восточной кампании». Вы понимаете? Восточная кампания и война с Россией по Гальдеру — это разные вещи. Что же произошло за эти два дня? Так вот эти два дня шли поезда в обе стороны…»

Не будем плакать. Опустим глаза к книге «Военный дневник» Ф. Гальдера и прочитаем (если вы еще не помните наизусть этот сотни раз цитированный фрагмент):

«…В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена. Я считаю правильным высказывание одного пленного командира корпуса о том, что восточнее Западной Двины и Днепра мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что ***кампания против России выиграна в течение 14 дней*** (подчеркнуто мной. — *М. С.*).*Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель…»*

Где здесь *«на 14-й день Восточной кампании»*? Какие *«поезда в обе стороны»*? 3 июля у

Гальдера было хорошее настроение (уже через пару недель оно резко ухудшилось). Никаких точных дат завершения войны («кампании») он, разумеется, не устанавливал, но зафиксировал в своем дневнике свою личную оценку ситуации: «Главное уже позади, основные силы противника разгромлены, хотя на окончательное добивание уйдут еще силы и время». Выискивать в данном контексте тайный смысл упоминания «14 дней» на 12-й день войны просто глупо. С неменьшим успехом Гальдер мог выразить эту же мысль, сказав, что война выиграна за 10 дней, за две недели, за 20 дней…

Обсуждать мегаидею о том, что замена кальсон на трусы является необходимым элементом подготовки к десантной операции через Ла-Манш, я категорически отказываюсь. Оскорбительным и непотребным я считаю даже малейший намек на то, что в Польшу и Словакию можно врываться в одних кальсонах. Такие намеки несовместимы с многовековыми традициями дружбы славянских народов, с русскими народными сказками (Иван-царевич даже к лягушке не сватался в кальсонах), с творческим наследием Пушкина *(«Нет на свете царицы краше польской девицы. Весела — что котенок у печки. И как роза румяна, а бела, что сметана. Очи светятся, будто две свечки…»)*.

Если же говорить серьезно, то для вторжения (т. е. для морской десантной операции через Ла-Манш) Гитлеру не хватало трех вещей: господства в воздухе, хотя бы местного (в районе десанта) господства на море, десантно-переправочных средств. Вот и все. Стоит только уточнить некоторые количественные параметры. 6 июня 1944 г., в первый день высадки союзных войск в Нормандии, Ла-Манш пересекли 4126 десантных барж, 864 транспортных судна. Десантную флотилию прикрывало 1200 боевых кораблей. Авиация союзников выполнила 6 июня 14 тыс. боевых вылетов. К захваченным плацдармам было отбуксировано два плавучих порта, а по дну Ла-Манша был проложен магистральный бензинопровод.

Это и есть те «мелочи», которых не хватало Гитлеру для разгрома Британии. Все остальное у него было. Сухопутная армия Германии обладала подавляющим превосходством над англичанами и в количестве дивизий, и в численности танков, и в уровне боевой подготовки. Если бы 156 дивизий вермахта (и несколько десятков тысяч вагонов с боеприпасами в придачу!) волшебным образом могли переместиться на Британские острова, то англичанам пришлось бы погибнуть — победить они не могли.

Но даже первую по счету задачу, задачу завоевания господства в воздухе над Ла-Маншем, немцы решить не смогли. От возможности решить две другие они были еще дальше. Ни одна, ни сто дивизий Красной Армии на французском берегу Ла-Манша ни на йоту не приближали Гитлера к вожделенной цели. Он мог бы собрать там для компании и своего закадычного дружка Муссолини с его армией, и хорватских, словацких, венгерских фашистов… Вся эта свора могла только исступленно лаять через Ла-Манш — как цепной пес, который рвется, брызжет пеной, но никак не может порвать цепь. Именно поэтому мегаглупостью является сама центральная идея «Великой тайны» А. Осокина: Гитлеру не нужна была советская пехота в Нормандии, ему свою пехоту переправлять было не на чем.

Промелькнуло сообщение, что нельзя исключить возможность того, что, вероятно, и сам г-н Осокин (по мнению ряда авторов) почувствовал, что одними смутными догадками доказать истинность своего «прозрения» ему не удастся. Видимо, поэтому на стр. 414 в его книге появляется ДОКУМЕНТ. По мнению Осокина, этот «документ» является *«первым мощным документальным подтверждением правильности»* его версии. Согласитесь, звучит гордо. Сама глава называется: «Правильность новой гипотезы подтверждает «Генералиссимус». Вы уже все поняли? Нет? Даю первую и последнюю подсказку: *«В 2002 году в московском издательстве «Вече» вышла книга В. Карпова «Генералиссимус», в которой он привел ряд документов И. В. Сталина, ранее никогда не публиковавшихся…»* Да, да, да. Это приходят

они, «переговоры в Мценске», те самые, в ходе которых немцы согласились «поменять цвет свастики с черного на красный». Хлеб и «Рама» созданы друг для друга. Рыбак рыбака видит издалека. Двое мегаисториков, В. Карпов и А. Осокин, не могли не встретиться…

В завершение мне остается лишь выполнить приятную обязанность и поздравить ФАКК с удачным завершением конкурса по теме *«Начало Великой Отечественной войны в свете новых исторических исследований»*, поздравить корпорацию «Фазотрон-НИИР» с тем, что Департамент ее информационных стратегий находится в надежных руках. Ну а вам, дорогие зрители, желаю приятного просмотра «документального» фильма. Располагайтесь поудобнее. Бесплатный попкорн — только членам Коллегии военных экспертов генерала Владимирова.

Глава 11

Истребители танков

Не забудьте сходить с ребенком в парк. У нас в Самаре он называется «Детский парк им. Гагарина». Как и положено детскому парку, он украшен танком, бронетранспортером и тремя пушками. Посмотрите, сколько малышей (и их родителей) обступили танк, а сколько — пушку. В тех же пропорциях (и по той же самой причине!) распределилось внимание писателей, читателей, журналистов, сценаристов, историков. Танк красивее. Даже навсегда застывший на постаменте, он потрясает воображение своей всесокрушающей мощью. А если еще завести 500-сильный дизель, да как следует «газануть»…

Вторую мировую войну часто называют «танковой войной». Это метафора, к которой не стоит относиться слишком серьезно. Беспощадным «богом войны» была (и вплоть до конца 40-х годов оставалась) артиллерия. Именно смерч артиллерийского огня вывел из строя половину всех убитых и раненых, именно артиллерийским огнем по пулеметным точкам противника — а не матерной руганью и размахиванием пистолетом — поднимал в атаку своих солдат настоящий, грамотный командир. Именно спрятанная на закрытых огневых позициях артиллерия и минометы быстро и безжалостно уничтожали поднявшегося в атаку неприятеля. Но кому сегодня интересно читать и писать про минометы? Труба — она и есть труба. В любой популярной книжке рассказ об операции (силы и потери сторон) использует две-три цифры: число дивизий, людей, танков. Разве что в толстой монографии назовут число и калибры задействованных артсистем, но и там, скорее всего, обойдут молчанием самую главную цифру — количество израсходованных боеприпасов. А ведь именно «скучные» тонны, боекомплекты, эшелоны снарядов, поданных к началу наступления, и дают конкретный ответ на вопрос о том, чем была оплачена победа в этой операции: солдатской кровью или железом, тротилом и порохом…

Вторую мировую войну часто называют «танковой войной». Это метафора, к которой не стоит относиться слишком серьезно. Беспощадным «богом войны» была (и вплоть до конца 40-х годов оставалась) артиллерия. Именно смерч артиллерийского огня вывел из строя половину всех убитых и раненых, именно артиллерийским огнем по пулеметным точкам противника — а не матерной руганью и размахиванием пистолетом — поднимал в атаку своих солдат настоящий, грамотный командир. Именно спрятанная на закрытых огневых позициях артиллерия и минометы быстро и безжалостно уничтожали поднявшегося в атаку неприятеля. Но кому сегодня интересно читать и писать про минометы? Труба — она и есть труба. В любой популярной книжке рассказ об операции (силы и потери сторон) использует две-три цифры: число дивизий, людей, танков. Разве что в толстой монографии назовут число и калибры

задействованных артсистем, но и там, скорее всего, обойдут молчанием самую главную цифру — количество израсходованных боеприпасов. А ведь именно «скучные» тонны, боекомплекты, эшелоны снарядов, поданных к началу наступления, и дают конкретный ответ на вопрос о том, чем была оплачена победа в этой операции: солдатской кровью или железом, тротилом и порохом…

Танкистов я прошу не обижаться. К концу Второй мировой войны радикально изменившие свой технический облик танковые войска могли, наверное, претендовать на вполне сопоставимую с артиллерией по значимости роль. Только не надо при этом забывать, что танк 45-го года даже внешне не был похож на танк 39-го года. Что уж говорить про самые главные, т. е. невидимые глазом изменения! Танк конца войны — это броня, неуязвимая для артиллерии малых и средних калибров, пушка калибра 75–88 мм, обрушивающая на пехоту противника полновесный осколочно-фугасный снаряд, широкие гусеницы, двигатель такой мощности, какой обладает не всякий морской корабль. Осенью 1939 г. в мировую войну вступили совсем другие танки — противопульная броня, которую пробивало любое изделие, именуемое «противотанковая пушка» (например, французская 25-мм «Марианна» весом всего 310 кг), узкие гусеницы, гарантированно вязнущие на мокрой после дождя пашне, двигатель, мощность которого хорошо если превышала 100 л. с., наконец, вооружение, почти бесполезное для борьбы с пехотой, укрытой в самых простых полевых укреплениях.

«Они были маломаневренны и легкоуязвимы для артиллерийского огня, работали на бензине и, следовательно, были легко-воспламеняемы, имели недостаточно прочную броню». Это пишет в своих знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Г. К. Жуков. В данном случае его словам следует безоговорочно поверить — маршал видел танки не в детском парке. Более того, именно Г. К. Жуков организовал и блестяще провел операцию по разгрому японских войск на Халхин-Голе. Решающую роль в окружении и разгроме противника сыграли тогда танковые бригады Красной Армии. В военной истории рубежа 30–40-х годов не найти более яркого примера успешного применения танковых соединений. Да, немецкие танковые дивизии в Польше и Франции разогнали несравненно большие толпы врагов, но все дело в том, что нашим танкистам на Халхин-Голе достался совсем другой противник: его нельзя было «разогнать», его требовалось уничтожить. Жуков знал, какой ценой досталась победа на Халхин-Голе, поэтому его очень жесткой оценке технических параметров легких советских танков стоит поверить. С одним, но очень важным уточнением — немецкие были еще хуже.

Да, в активе Германии были многовековые традиции добросовестного труда, огромная армия квалифицированных рабочих, великолепная инженерная школа… Вот поэтому Германия в конце концов догнала и, честно говоря, перегнала Советский Союз во многих отраслях военной техники, включая танкостроение. Но догонять всегда трудно, и это никогда нельзя сделать мгновенно.

В то время, когда германский рейхсвер проводил полевые учения с картонными макетами танков (по условиям Версальского договора численность немецкой армии была ограничена десятью дивизиями без артиллерии средних и крупных калибров, без танков и авиации), на вооружении Красной Армии было уже 3460 настоящих танков. Если же к числу настоящих (т. е. имеющих пушечное или огнеметное вооружение) танков добавить еще и легкие пулеметные танкетки, то советский танковый парк составит 7574 машины. Так мало их было 1 января 1934 г. Три года спустя, к 1 января 1937 г., «мирный созидательный труд советского народа» увеличил количество танков и танкеток Красной Армии до 17 280 единиц.

Производство первых немецких учебно-боевых танков началось только после прихода Гитлера к власти и отказа Германии (сначала фактического, а марте 1935 г. — и формального) от выполнения ограничений Версальского договора. Была разработана и поставлена на

вооружение легкая танкетка Pz-I. Вооружение — два пулемета обычного винтовочного калибра, мощность двигателя — 60 л. с., противопульная броня толщиной 6–15 мм, вес — 5,4 тонны. *«Никто, конечно, не думал»,* — пишет в своих мемуарах главный идеолог и создатель танковых войск Германии Г. Гудериан, — *что с этими небольшими учебными танками нам придется вступить в бой…»* Вот в этом Гудериан ошибся.

Первая встреча будущих противников произошла на полях боев гражданской войны в Испании. Германия поставила франкистам танкетки Pz-I; фашистская Италия прислала лучшее, что у нее было: 3,5-тонный танк «Фиат-Ансальдо» CV-3, вооруженный пулеметом на турели в неподвижной (!) башне. Советский Союз поставил республиканцам 10-тонные танки Т-26 и 13-тонные БТ-5, оба типа танка были вооружены 45-мм пушкой. Бронебойный снаряд советской танковой пушки пробивал броню легких танкеток противника на дистанции 1 км (мог бы и с большей дистанции, но попасть в танк с такого расстояния уже практически невозможно). Будущий начальник Главного автобронетанкового управления РККА, будущий генерал армии и командующий Западнымо фронтом Д. Павлов (одним из первых советских танкистов прибывший в 1936 г. в Мадрид) выразил свою оценку опыта боев в Испании так: *«Опыт войны в Испании научил немцев и показал им, какие нужны танки, ибо легкие немецкие танки в борьбе с республиканскими* (т. е. советскими. — *М. С.) пушечными танками не входили ни в какое сравнение и расстреливались беспощадно…»*

Война в Испании действительно «научила немцев», и они начали лихорадочно форсировать выпуск новых моделей полноценных боевых танков: Pz-III, вооруженный 37-мм пушкой, и Pz-IV с короткоствольной (немцы называли ее «окурок») 75-мм пушкой. Однако быстро хорошо не получается. *«Ввиду того,* — пишет Гудериан, — *что производство основных типов танков затянулось на большее время, чем мы предполагали, генерал Лутц принял решение построить еще один промежуточный тип танка, вооруженного 20-мм автоматической пушкой и одним пулеметом»*. 20-мм «пушка» по своим баллистическим характеристикам несколько уступала параметрам советского противотанкового 14,5-мм ружья Дегтярева. Так что самым точным названием для нового немецкого «танка» Pz-II было бы «самоходное противотанковое ружье с пулеметом». Для выполнения основных задач танка — уничтожения огневых средств, укреплений и живой силы противника — снарядик весом в 120–145 г, несущий (в разных вариантах) от 4 до 20 г взрывчатого вещества был ничтожно слаб. Перед войной в СССР пушки такого калибра устанавливались только на самолетах-истребителях, но отнюдь не на бронетехнике…

К началу войны с Польшей (которая превратилась в европейскую, а затем и мировую войну) на вооружение вермахта поступило 1445 Pz-I и 1223 Pz-II, 98 Pz-III и 211 Pz-IV. Да еще оккупация Чехословакии позволила передать в немецкие танковые дивизии 280 трофейных легких чешских танков Pz-35(t)/Pz-38(t), вооруженных 37-мм пушкой. Если называть вещи своими именами, то Германия вступила в войну, имея на вооружении 378 легких и 211 средних (Pz-IV) танков. Округленно — шестьсот штук.

1 января 1939 г. (за 9 месяцев до начала мировой войны) в Красной Армии числилось 11 765 легких танков, вооруженных 45-мм пушкой или огнеметом (Т-26, БТ-5, БТ-7) и порядка 560 танков, вооруженных 76-мм пушкой (БТ-7А, многобашенные Т-28 и Т-35). Округленно — 12 тысяч. В 20 раз больше, чем у немцев. Проанализировав эту информацию, советские историки пришли к единственно возможному (для них) выводу:

«…Положение советского правительства можно было уподобить положению человека, которого все выше и выше захлестывает морской прилив: вот вода дошла ему до колен, вот она дошла до пояса, до груди, потом до шеи… Еще мгновение — и вода скроет голову, если человек не сделает какого-либо быстрого, решительного скачка, который вынесет его на

скалу, недоступную для прибоя…»

Вода (или иная жидкость) «скрыла голову» советских историков-пропагандистов, и они без малого полвека талдычили про то, что Сталин с Молотовым дрожали в ужасе при мысли о том, что эти шестьсот немецких танков, пройдя всю Польшу (а она тогда была раза в два шире нынешней!), бросятся по осенней распутице, прямиком через болота Белоруссии, на Смоленск и Москву. И что только отчаянное желание «отпрыгнуть» от этой неумолимой опасности заставило их подписать Договор с коварным Риббентропом…

Вернемся от бреда к реальности. Указанные выше цифры показывают ту дистанцию отставания, которую немецкой танковой промышленности предстояло преодолеть для того, чтобы догнать СССР. Кое-что удалось сделать за два года. Радикально изменился состав танкового парка вермахта — пулеметные танкетки вытеснялись полноценными легкими и средними танками. Вооружение Pz-III усилили, заменив 37-мм пушку на 50-мм (т. е. новейшая немецкая «тройка» по вооружению догнала и даже несколько перегнала «безнадежно устаревшие» — по версии советских историков — советские Т-26 и БТ). В результате всех усилий на вооружении 17 танковых дивизий, развернутых в июне 41-го у границ СССР, числилось:

— 439 танков Pz-IVc 75-мм пушкой;

— 707 танков Pz-III с 50-мм пушкой;

— 1039 танков с 37-мм пушкой (чешские и Pz-III ранних серий).

Итого — 2185 танков. Только половину из этого количества (439 + 707) с очень и очень большими оговорками можно было назвать «танками с противоснарядным бронированием» (усиленная до 50–60 мм лобовая плита корпуса выдерживала попадание 45-мм снаряда советских танковых и противотанковых пушек, но башня, высоченный борт и корма даже этих, самых лучших немецких танков, имели лишь противопульное бронирование). Для полноты картины надо учесть еще порядка 250 «штурмовых орудий» (шасси Pz-III, на котором в неподвижной броневой рубке был установлен 75-мм короткоствольный «окурок») и 8 дивизионов «истребителей танков» (чешская 47-мм противотанковая пушка на шасси танкетки Pz-I), что добавляет к немецким бронетанковым вооружениям еще 216 боевых машин. В целом никак не набирается и трех тысяч танков и САУ. Еще 1081 «танк» армии вторжения представлял собой легкую танкетку Pz-I или Pz-II.

Много ли это — три тысячи танков (из них половина — легкие, с противопульным бронированием и малокалиберной 37-мм пушкой) на фронте от Балтики до Черного моря? Страшно много, — не тратя лишней минуты на размышление, — отвечали хором советские историки. Именно «многократное численное превосходство противника в танках и авиации» всегда выступало в качестве главного объяснения всех неудач. «Стальная лавина танков с паучьей свастикой на бортах… немецкие танковые клинья проломили оборону советских войск… прорыв крупной танковой группировки противника сделал неизбежным… немецкие танковые дивизии сомкнули кольцо окружения вокруг… подтянув свежие танковые части, противник перешел в наступление…» — так и именно так писалась у нас история 41-го года. Так снималось «документальное кино про войну», в котором 50-тонные советские танки 60-х годов, «загримированные» с помощью фанеры и картона под немецкого «Тигра» образца 44-го года, устрашающе ворочали башней с орудийным стволом, размером в половину телеграфного столба…

Немецкие танковые соединения, причем неизменно и отменно «свежие», появлялись в самых неожиданных местах. Даже там, где их и вовсе не было. Так, войска Южного фронта отступили за Прут, Днестр, Южный Буг и Днепр, преследуемые немецкой (и что совсем уже странно — румынской!) пехотой. Огромные пространства юга Украины с уникальным промышленно-сырьевым районом (Кривой Рог, Запорожье, Днепропетровск, крупнейшие в Европе марганцевые рудники Никополя) были заняты немцами безо всяких танков. Затем, также без единого танкового батальона, немецкая пехота прорвала укрепления Перекопа и овладела Крымом. Так это было в реальности, но «лавина немецких танков» продолжала разливаться по страницам мемуарной, а иной раз — и претендующей на звание «исторической» литературы. Порой казалось, что советские историки решили перещеголять само Совинформбюро, которое 4 октября 1941 г. сообщило, что *«за три с лишним месяца войны немцы потеряли более 21 000 танков… Таковы факты».*

Мышеловка, в которую с таким усердием загоняла сама себя советская историческая «наука», с треском захлопнулась на рубеже 80–90-х годов. После затянувшихся на полвека восхвалений несокрушимой мощи танков и их решающей роли в сражениях 41-го года были рассекречены и обнародованы данные о составе и вооружении бронетанковых войск Красной Армии накануне начала войны. 61 танковая и 31 моторизованная дивизии (моторизованная дивизия Красной Армии по своей структуре — один танковый и два мотострелковых полка — и штатному числу танков, по меньшей мере, не уступала танковой дивизии вермахта). Так что фактически в составе Красной Армии было 92 «танковые» дивизии. 23 268 танков (в том числе — 3607 плавающих пулеметных танкеток Т-37/Т-38/Т-40). Если считать предельно жестко (исключив все пулеметные танки и устаревшие БТ-2), то набирается 17 806 настоящих танков. Вполне сопоставимым с легким танком по вооружению и бронированию был бронеавтомобиль БА-10 (трехосный автомобиль повышенной проходимости, укрытый противопульной броней и вооруженный стандартной башней легкого танка с 45-мм пушкой). Этих, незаслуженно забытых бронеавтомобилей было 3361 единица.

Непосредственно в западных округах находилось — и вступило в боевые действия уже в первые две недели войны — 40 танковых и 20 моторизованных дивизий, на вооружении которых числилось 12 379 танков. Еще порядка двух тысяч танкеток (главным образом — плавающих пулеметных Т-37/Т-38/Т-40) находилось на вооружении разведывательных батальонов стрелковых и кавалерийских дивизий Красной Армии.

«Мы ленивы и нелюбопытны», — сказал про своих соотечественников величайший русский поэт. Но даже у самого ленивого человека при столкновении с такими цифрами и фактами неизбежно возникал вопрос: «Как это возможно?» Если 17 немецких танковых дивизий, вооруженных тремя тысячами танков, — это всесокрушающая непреодолимая сила, то почему же 60 бронетанковых соединений Красной Армии с двенадцатью тысячами танков вообще не оставили заметного следа на картах сражений лета 41-го года? Почему единственным видимым «следом» остались только горы бронетехники, завалившей собой все дороги Литвы, Белоруссии и Западной Украины? Почему советские «танковые клинья» ничего не проломили, не окружили, не сомкнули и не уничтожили?

В начале сентября 1941 г. немцы с ходу, практически без серьезных боев форсировали полноводный Днепр в районе Кременчуга, навели 1,5-километровые понтонные мосты, по которым на восточный берег переехали три танковые дивизии 1-й танковой группы. Три танковые дивизии 2-й танковой группы форсировали реки Десна и Сейм по понтонным переправам и невзорванному мосту у Макошино (и по сей день выходят книги, в которых это позорище объясняется тем, что «мост был захвачен крупным отрядом немецких парашютистов»). Вечером 14 сентября в районе Лохвицы (170 км к востоку от Киева) передовые части 1-й и 2-й танковых групп сомкнули кольцо окружения гигантского «киевского

котла». Огромная группировка советских войск (21-я, 5-я, 37-я, 26-я, часть сил 38-й армии, всего более 40 дивизий) была разгромлена в течение одной недели. Верховное командование вермахта сообщило тогда о захвате 665 тыс. пленных, 3718 орудий и 884 танков. Советские источники признают, что в плен попало порядка 400 тыс. человек.

О катастрофе под Киевом было немало написано и в советские, и в постсоветские времена. Все пишущие дружно цитировали последнюю фразу из оперативной сводки, отправленной в Москву в ночь с 13 на 14 сентября начальником штаба Юго-Западного фронта: *«Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней»*. Горячие дискуссии шли (и идут по сей день) по вопросу о том, кто ж виноват в том, что «понятную катастрофу» не удалось предотвратить? Сталин, который по политическим соображениям до последней минуты не разрешал сдать Киев? Начальник Генштаба Шапошников, который своевременно и адекватно не оценил неизбежные последствия прорыва немецких танковых дивизий в глубокий тыл Юго-Западного фронта? Командующий Ю-З. ф. Кирпонос, который не решился взять ответственность на себя и своей властью вывести войска фронта из намечающегося «котла»? Все, кто обсуждал этот вопрос, ломали голову над тем, когда (12 сентября? 14 сентября? а может быть, уже 10 сентября?) надо было все бросить и бежать на восток. К сожалению, мне лично не попадался на глаза ни один текст, в котором бы были просуммированы в столбик боеспособные танки, с которыми немецкие танковые дивизии «замкнули кольцо окружения».

Исправим эту досадную оплошность. В первой декаде сентября (т. е. примерно за неделю до того, как танковые клинья встретились у Лохвицы) в трех танковых дивизиях 1-й ТГр (9-, 13-й, 16-я тд) числилось 185 исправных танков. В трех танковых дивизиях 2-й ТГр (3-, 4-, 17-я тд) числилось 140 исправных танков. Особенно впечатляет состав танкового парка «неизменно свежей» 3-й танковой дивизии, в которой после предшествующих многомесячных боев на маршруте от Бреста до Могилева и от Могилева до Десны осталось 5 Pz-IV, 6 Pz-III, 30 Pz-II. Всего 41 исправный танк (и это если считать танком Pz-II с его 20-мм «пушкой»).

Появление такой «стальной лавины» в тылу полумиллионной группировки Юго-Западного фронта считается у нас причиной «понятной всем» катастрофы — хотя уместно было бы задать вопрос: а кто кого окружил? Шесть изрядно потрепанных дивизий с 325 танками на фронте окружения общей протяженностью 250 км (по прямой от Кременчуга до Конотопа, фактическая линия фронта была еще длиннее) — это «стальной клин» или тонкая нить? И если шесть танковых дивизий, в которых осталось менее одной трети исходного числа танков (да и людей, надо полагать, было не густо), способны окружить четыре общевойсковые армии, то почему же 20 советских мехкорпусов (60 танковых и механизированных дивизий) за все лето и всю осень 1941 года не окружили и не разгромили хотя бы одну немецкую пехотную дивизию?

Появление такой «стальной лавины» в тылу полумиллионной группировки Юго-Западного фронта считается у нас причиной «понятной всем» катастрофы — хотя уместно было бы задать вопрос: а кто кого окружил? Шесть изрядно потрепанных дивизий с 325 танками на фронте окружения общей протяженностью 250 км (по прямой от Кременчуга до Конотопа, фактическая линия фронта была еще длиннее) — это «стальной клин» или тонкая нить? И если шесть танковых дивизий, в которых осталось менее одной трети исходного числа танков (да и людей, надо полагать, было не густо), способны окружить четыре общевойсковые армии, то почему же 20 советских мехкорпусов (60 танковых и механизированных дивизий) за все лето и всю осень 1941 года не окружили и не разгромили хотя бы одну немецкую пехотную дивизию?

Просто игнорировать эти и подобные им вопросы было невозможно, поэтому советские

историки и их современные последователи повели многолетнюю, изнурительную и беспощадную борьбу с советскими танками. Не на поле боя, разумеется, а на страницах своих макулатурных сочинений. Некоторые, наиболее выдающиеся образцы связанного с этой борьбой «мозгоимения» мы и рассмотрим в данной главе.

Первым делом количество танков в Красной Армии «сократили» более чем в десять раз! Как? Очень просто. Предельно просто. Все танки были разделены на «танки новых типов» (Т-34 и КВ) и «безнадежно устаревшие» (в эту категорию вошли ВСЕ остальные, без малейшего исключения). Дальше работа фальсификаторов строилась в традиционные (см. глава 7) «два эшелона». На первом, в толстых солидных книгах, говорилось: «К началу войны на вооружении Красной Армии было 1,5 тыс. танков новых типов, а также значительное количество безнадежно устаревших легких танков». На «втором эшелоне», на уровне лекций в «красном уголке» и газетных статей, уточнение о «значительном количестве безнадежно устаревших» отбрасывалось за ненужностью (да и зачем этих безнадежных считать-то?), и в Красной Армии оставалось всего-навсего полторы тысячи танков. Профессиональные «наперсточники» при виде такого трюка нервно курят в уголке…

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что боевой потенциал 48-тонного тяжелого танка КВ и, например, 10-тонного легкого Т-26 очень сильно различается. И не случайно все нормальные историки в любой справочной таблице всегда выделяют новые танки (Т-34 и КВ) отдельной строкой. В принципе имеет право на существование и такой взгляд на историю войны, при котором в описании событий 41-го года все, что хуже советских «танков новых типов», выводится за рамки рассмотрения и считается как бы несуществующим. Почему бы и нет? Я первый готов согласиться с тем, что боевая машина, не имеющая противоснарядного бронирования и, по меньшей мере, «нормальной» трехдюймовой (76,2-мм) пушки, не может называться «танком». Возможны и уместны самые разнообразные системы классификации — но при одном, вполне очевидном, условии. Требования и подходы должны быть ОДИНАКОВЫМИ для оценки всех противоборствующих сторон.

Соответственно, советские историки должны были прямо и честно написать, что в Красной Армии было полторы тысячи танков, а в немецкой армии танков не было вовсе. Ни одного. Номера «танковых» полков, дивизий и групп есть, а танков — нет. И такой вывод был бы абсолютно адекватен придуманной советскими «историками» системе классификации, ибо ни одного танка, сопоставимого по тактико-техническим характеристикам с Т-34 и уж тем более — с чудовищным монстром КВ, на вооружении вермахта летом 41-го года не было.

В предельно сжатом изложении принципиальное, качественное превосходство новых советских танков над любыми немецкими сводилось к следующему:

— длинноствольная 76-мм пушка КВ и Т-34 могла пробить лобовую (тем более — бортовую и кормовую) броню любых немецких танков на предельной для прицельной стрельбы дистанции в 600–800 м;

— танковые пушки любых немецких танков не могли пробить броню танка КВ, поразить же Т-34 лучшая немецкая танковая 50-мм пушка KwK-38 могла лишь при стрельбе в борт на малых (100–300 метров) дистанциях;

— только танк Pz-IV(439 единиц, 15 % от общего танкового парка) обладал равноценным с новыми советскими танками вооружением для борьбы против пехоты противника (пушка калибра 75-мм);

— даже самые лучшие модификации танка Pz-III были вооружены 50-мм пушкой, вес

осколочного снаряда которой был в три раза меньше, чем у 76-мм пушек советских танков (1,96 кг против 6,3 кг);

— даже самые тяжелые модификации немецких танков (Pz-III серий H и J, Pz-IV серии E и F) не имели полноценного противоснарядного бронирования: советские дивизионные 76,2-мм пушки (Ф-22 и УСВ) пробивали лобовую броню этих танков на дальности 600–800 метров, а противотанковая 45-мм пушка пробивала броню башни и борта корпуса;

— самая массовая в вермахте 37-мм противотанковая пушка не могла пробить броню Т-34 и КВ даже с дистанции в 100 метров; новейшая 50-мм противотанковая пушка (начавшая поступать на вооружение пехоты вермахта в количестве две штуки на пехотный полк!) не могла пробить броню КВ, а Т-34 могла поразить только в борт корпуса или при стрельбе с предельно малых дистанций в лоб;

— благодаря широким гусеницам и уникальному по мощности и экономичности дизельному двигателю Т-34 превосходил любой немецкий танк по запасу хода, проходимости и скорости движения по бездорожью;

— благодаря использованию двигателя, работающего на дизельном топливе, Т-34 и КВ превосходили по пожаробезопасности любой немецкий танк, т. к. все без исключения немецкие танки работали на легковоспламеняемом бензине.

Превосходство в трех ключевых параметрах — огневой мощи, защищенности, подвижности — позволяет со всей определенностью говорить о том, что Т-34 и КВ были танками совершенно другого качественного уровня, нежели самые лучшие по состоянию на лето 1941 г. танки вермахта.

Для самых внимательных читателей я готов сделать одно важное уточнение. Бронепробиваемость — категория вероятностная. В абсолютном большинстве случаев 37-мм немецкая противотанковая пушка броню Т-34 не пробивала. «Тридцатьчетверки» выходили из боя с десятками отметин от попаданий, но без единой пробоины. Именно после встречи с Т-34 немецкие солдаты дали своей 37-мм Рак-36 прозвище «дверная колотушка» (смысл этого черного солдатского юмора был в том, что постучать по броне снаряд может, но «войти внутрь» — нет). Не менее красноречивы и конкретные цифры потерь «колотушек». Так, к 1 ноября 1941 г. вермахт потерял на Восточном фронте 2479 Рак-36, что в 1,42 раза превышает потери всех артсистем дивизионного и корпусного звена, вместе взятых.

И в то же время на танкоремонтные базы поступали танки Т-34 с пробоинами от 37-мм снарядов. Такое действительно было. Почему? Точного ответа по каждому случаю не знает никто. Возможных причин — очень много. Например: место пробоины было ослаблено предыдущим попаданием другого снаряда; заводской брак при термообработке и/или сварке бронелистов корпуса; данный танк однажды уже горел, что привело к «отпуску» (снижению механической прочности) брони; наконец, 37-мм пушка стреляла по танку буквально «в упор», с нескольких метров, и снаряд попал в особо уязвимую зону борта корпуса в районе поддерживающих катков гусеницы. Да и само понятие «пробитие брони» не столь однозначно, как кажется на первый взгляд. Что считать пробитием? Сквозное отверстие на тыльной стороне бронелиста диаметром 1 мм? Или пробоину, через которую целиком прошла бронебойная «болванка»? Или пролом в броне размером с футбольный мяч? По принятым в Германии стандартам бронепробиваемостью считалась способность орудия в 50 % случаев «перенести» через броню 70 % массы бронебойного снаряда. Советские стандарты были жестче: 70 % пробития с переносом через преграду более 90 % массы снаряда…

После того как разглагольствования про «1,5 тысячи КВ и Т-34, а также некоторое количество безнадежных», стали уже восприниматься как старый и глупый анекдот, фальсификаторы решили зайти с другого фланга. «Безнадежно устаревшие Т-26 и БТ не надо принимать во внимание и учитывать в качестве танков не потому, что они хуже новейших Т-34 и КВ, а потому что они гораздо хуже легких танков противника».

Чем же они хуже? Вооружением? Советские легкие танки были вооружены как минимум 45-мм пушкой. Как минимум — малой серией выпускались модификации с короткоствольной 76-мм пушкой. Легкие танки противника (чешские Pz-35/Pz-38, Pz-III ранних серий D, E, F) вооружены 37-мм пушкой.

Число 37 явно меньше числа 45. К сожалению, многие забывают о том, что объем тела зависит от третьей степени линейных размеров, поэтому при сохранении геометрического подобия 45-мм снаряд будет в 1,8 раза больше 37-мм снаряда по объему и весу. Это — теоретическая схема (в реальности снаряды имеют разную геометрию и конструкцию). На практике 45-мм осколочный снаряд советской танковой пушки весил 2,13 кг, а осколочный снаряд немецкой 37-мм пушки весил всего лишь 0,69 кг. Более того, советские историки неизменно называли «танком» даже немецкий Pz-II, вооруженный 20-мм пушкой (вес снаряда — 148 грамм).

Подвижность, проходимость, запас хода? По этим показателям все танки конца 30-х годов, что называется, «стоили друг друга». Узкие гусеницы, весьма скромный (150–200 км) запас хода, достаточно условная проходимость по бездорожью. На этом сером фоне ярко выделялись лишь советские колесно-гусеничные танки БТ. Благодаря установке мощного 400-сильного авиационного двигателя БТ даже на гусеничном ходу развивал скорость 52 км/час на шоссе и 35 км/час — на грунтовой дороге (чешский Pz-38, соответственно, 42 и 15, немецкая «тройка» — 40 и 20). На колесном же ходу БТ обгонял на шоссе грузовые автомобили…

Кто ищет — тот находит. Оказывается, советские легкие танки «безнадежно уступали» танкам противника по бронезащите. Да, это похоже на правду — если измерять «бронезащиту» в миллиметрах.

У немецких танков, даже у самых легких Pz-II, броня имеет толщину 30 мм, а у советского Т-26 всего лишь 15–10 мм. У БТ-7 чуть лучше — от 22 до 13 мм. Число 30 в два раза больше числа 15. И в три раза больше числа 10. Значит ли это, что немецкие танки обладали большей защищенностью от вражеского огня? Дать ответ на этот вопрос предельно просто. Необходимо и достаточно вспомнить — какой именно огонь ждал немецкие танки на Восточном фронте.

Стрелковая дивизия Красной Армии имела на своем вооружении 54 противотанковые 45-мм пушки. Причем пушки эти присутствовали не только в штатном расписании, но и в реальности — к началу войны в армии было 14 900 «сорока-пяток» (в среднем по 65 на каждую стрелковую и моторизованную дивизию). Таким же орудием были вооружены все легкие танки и бронеавтомобили БА-10/БА-11. На дистанции в 100 метров «сорокапятка» пробивала 52 мм брони, на дистанции 500 метров — 43 мм, на дистанции в 1000 метров — 35 мм. Вот и весь ответ. По меркам и требованиям Восточного фронта все немецкие легкие танки, а также средние танки Pz-III и Pz-IV ранних модификаций имели фактически лишь противопульное бронирование. 30-миллиметровая броня немецких танков — это ошибка. Самая дорогостоящая и практически неисправимая ошибка в выборе проектных параметров. Разница между советскими и немецкими машинами состояла только в том, что противопульное бронирование «безнадежно устаревших» советских легких танков Т-26 и БТ было рациональным, соответствующим критерию «разумной достаточности» (для защиты от огня стрелкового оружия брони в 10–15 мм вполне хватало). Немецкие же танки были перегружены 30-мм

Topreading.ru

броней, которая для защиты от огня винтовок и пулеметов была избыточна, а для защиты от 45-мм снарядов советских танковых и противотанковых пушек — абсолютно недостаточна.

Строго говоря, вся эта дискуссия о миллиметрах, калибрах и лошадиных силах ушла уже в прошлое. Сегодня про «безнадежную устарелость» советских легких танков вспоминать не принято. Это стало признаком дурного тона. Новое время — новые песни. «Да, танков было много, да, они в целом не уступали по ТТХ танкам противника — но они же были поломатые! Все. Ну, почти все».

К сожалению, я не шучу. Не только на уровне стенгазеты швейной фабрики, но и в претендующих на научную фундаментальность изданиях по сей день тиражируются бредни о том, что к началу войны «три четверти танков старых типов нуждались в ремонте». Печально, но даже составители такого авторитетного статистического исследования, как «Гриф секретности снят», не постеснялись на странице 345 сообщить читателям, что из 14,2 тыс. советских танков, находившихся 22 июня 1941 г. в западных военных округах, *«полностью боеготовых было 3,8 тыс. единиц».*

Реальные данные по техническому состоянию танков известны, по меньшей мере, с ноября 1993 г. (со дня известной публикации Н. Золотова и С. Исаева в № 11 «Военно-исторического журнала»), но на графоманскую активность фальсификаторов это никак не повлияло. Три четверти неисправных танков продолжают ползать по страницам самых современных книг и статей. Н. Золотов и С. Исаев показали и тот воистину изящный способ, при помощи которого было выстроено многолетнее «мозгоимение».

На основании приказа наркома обороны СССР № 15 от 10 января 1940 г. в Красной Армии было предусмотрено деление бронетехники на следующие пять категорий:

1-я. Новое, не бывшее в эксплуатации и вполне годное к использованию по прямому назначению.

2-я. Находящееся в эксплуатации, вполне исправное и годное к использованию по прямому назначению.

3-я. Требующее ремонта в окружных мастерских (средний ремонт).

4-я. Требующее ремонта в центральных мастерских и на заводах (капитальный ремонт).

5-я. Негодное (танки этой категории снимались с учета и в сводные ведомости не зачислялись).

Надеюсь, читатель уже догадался, как ему морочили голову советские «историки» — в разряд «боеготовых» они зачисляли только 1-ю категорию, т. е. абсолютно новые танки, а всю 2-ю категорию отнесли к разряду «нуждающихся в ремонте». Чтоб было совсем понятно — представьте себе «гаишника», который согласен выдать талон техосмотра исключительно и только владельцам новых, не бывших ни дня в эксплуатации машин…

Выше мы уже несколько раз упоминали июньский (1941 г.) доклад начальника Главного автобронетанкового управления РККА генерал-лейтенанта танковых войск Федоренко «О состоянии обеспечения автобронетанковой техникой и имуществом Красной Армии» (ЦАМО, ф. 38, оп. 11373, д. 67, лл. 97–116; опубликован в 2007 г. в сборнике «Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1945 гг.»). Из этого документа следует, что 9,3 % танков требовали среднего ремонта, 9,9 % — капитального.

Соответственно, 80,8 % всех танков, состоящих на вооружении Красной Армии, были вполне пригодны «к использованию по прямому назначению». Эта цифра относится ко всей армии, включая учебные центры в Сибирском или Среднеазиатском военных округах. В западных военных округах процент годных был несколько выше. Судя по последней предвоенной «Ведомости наличия и технического состояния боевых машин по состоянию на 1 июня 1941 г.» (ЦАМО, ф. 38, оп. 11353, д. 924, лл. 135–138, д. 909, лл. 2–18), из числа 12 782 танка к 1-й и 2-й категории отнесено 10 540 танков. 82,5 % всего парка. 82, а не 25.

Вы думаете, после такого конфуза фальсификаторы приутихли и, стыдливо опустив очи долу, отошли в сторонку? Как бы не так! Борьба с танками Красной Армии не ослабевает ни на минуту. Очередная «страшная правда войны» заключается в том, что танков было много и они были исправные — но лишь до 4 часов утра 22 июня 1941 г. Через несколько дней после этой роковой даты все танки сломались, и поэтому их пришлось оставить на оккупированной врагом территории.

Прогресс налицо. Эта «правда» уже весьма близка к истине. Танки были действительно потеряны в самые первые дни войны. Еще раз повторим, что, по официальным данным российских военных историков, к 6–9 июля войска трех фронтов (Северо-Западного, Западного и Юго-Западного) безвозвратно потеряли 11,7 тыс. танков. Сравнивая эту фантастическую цифру с названной выше исходной численностью танкового парка войск западных военных округов, мы приходим к выводу, что практически все исправные и боеспособные — по состоянию на 1 июня — танки были потеряны.

Во-вторых, потеряны они были НЕ В БОЮ. Об этом свидетельствуют и тысячи сохранившихся фотографий, на которых немецкие солдаты позируют на фоне советских танков, на которых невозможно обнаружить внешние следы каких-либо повреждений, и очевидцы, которые своими глазами видели бесконечные ряды брошенных танков и бронемашин, и сохранившиеся до наших дней документы мехкорпусов Красной Армии, да и простая логика, которая говорит о том, что соотношение потерь танков сторон как 1 к 19 не могло быть следствием боя. Точнее говоря, следствием «великого танкового боя» должно было стать именно соотношение потерь 1 к 19 — но только в пользу Красной Армии…

Вероятно, здесь имеет смысл привести хотя бы один конкретный пример того, куда и как пропали танки Красной Армии. В качестве примера возьмем короткую историю разгрома 8-й танковой дивизии (4-й мехкорпус, Западная Украина). 8-я танковая была «старой» кадровой дивизией, практически полностью укомплектованной. По количеству новейших танков (50 КВ и 140 Т-34, всего 190 единиц) одна только 8-я тд превосходила четыре мехкорпуса Ленинградского и Прибалтийского округов, вместе взятые. Кроме того, на вооружении дивизии было 68 трехбашенных средних танков Т-28 (короткоствольная 76-мм пушка в главной башне и две пулеметные башни), 31 БТ-7 и 36 Т-26. Всего 325 танков.

К утру 28 июня (в этот момент дивизия вступила в знаменитое танковое сражение у Дубны) от всей дивизии остался один сводный танковый полк, на вооружении которого было 65 танков. Вскоре исчезли и они. Но остались документы, включая отчет командира дивизии с указанием причин потерь танков. Незаурядной особенностью этого отчета является прямое и явное использование термина «брошено» (по этой причине убыло 107 танков). Для удобства восприятия сведем все данные в одну таблицу:

К утру 28 июня (в этот момент дивизия вступила в знаменитое танковое сражение у Дубны) от всей дивизии остался один сводный танковый полк, на вооружении которого было 65 танков. Вскоре исчезли и они. Но остались документы, включая отчет командира дивизии с указанием

причин потерь танков. Незаурядной особенностью этого отчета является прямое и явное использование термина «брошено» (по этой причине убыло 107 танков). Для удобства восприятия сведем все данные в одну таблицу:

Итак, главной составляющей потерь танков в одной из лучших дивизий Красной Армии было: «брошены», «пропали без вести», «завязли в болотах», загадочное «прочее». Остаток в 57 танков существует, увы, арифметически, но не практически. Так, судя по сводкам Автобронетанкового управления Юго-Западного фронта от 15–17 июля, в 8-й тд числится всего 32 танка, и среди них нет ни 31, ни даже одного Т-28. На фоне такого «порядка в танковых частях» вызывает большие сомнения достоверность сведений о боевых потерях: 13 КВ и 54 Т-34, практически неуязвимые доя 37-мм противотанковых немецких пушек, якобы подбиты, но при этом танков с противопульным бронированием и бензиновыми моторами (Т-28, БТ и Т-26) подбито почти в четыре раза меньше!

И командиры танковых дивизий, которые в конце июля 1941 г. писали отчеты о боевых действиях, и те, кто эти доклады принимал, в равной мере понимали, что проверить ничего нельзя. Танки остались на занятой врагом территории. Вопрос о том, когда Красная Армия вернется на Западную Украину — и вернется ли она туда вообще — был в тот момент открытым. Бесконечная череда «сгоревших фрикционов» и «заеданий поршней двигателя» в этих отчетах не более достоверна, чем указанное в них же количество якобы уничтоженной боевой техники противника. Сегодня брошенные в июне 41-го танки тем более не существуют. Те, что не попали на переплавку в немецкие мартеновские печи, давным-давно переплавлены на Урале и в Запорожье. Никаких Актов технического осмотра, проведенного независимыми экспертами (а еще лучше — Особым отделом и Военной прокуратурой), никто никогда не видел. Скорее всего, их и не было.

Сложный вопрос о причине столь сокрушительного «падежа танков» решается современными российскими историками очень просто. Если танки были потеряны до боя (без боя) — значит, они сломались. Аргументация строится в точном соответствии с присказкой «лыко да мочало — начинай сначала». Техническая ненадежность советских танков доказывается тем, что они сломались. То, что они сломались за одну неделю, объясняется их ненадежностью. Ненадежность подтверждается тем, что танки сломались…

Спору нет — гипотеза о том, что гигантские потери танков в течение первых двух-трех недель войны объясняются их низкой технической надежностью, имеет право на существование. Но лишь с одним, очень важным уточнением: весьма странная (если не сказать — вздорная) ГИПОТЕЗА не должна претендовать на роль истины в последней инстанции. Более правдоподобной, — на мой личный взгляд, — является гипотеза о том, что танки и бронемашины пропали по той же самой причине, по какой было потеряно 6,3 миллиона единиц стрелкового оружия. По крайней мере, одно можно сказать совершенно точно: ни до лета 1941-го, ни после него такого массового «падежа» советских танков НЕ БЫЛО.

Первым эпизодом боевого применения танков БТ была война в Испании. На базе 50 танков БТ-5 был сформирован танковый полк республиканской армии, который в октябре 1937 г. вышел в район боевых действий нар. Эбро, совершив за двое с половиной суток марш в 630 км. Шестьсот тридцать километров по сильно пересеченной, местами гористой местности. Самым же тяжелым испытанием ходовых возможностей танков БТ стал Халхин-Гол. В конце мая 1939 г. две танковые бригады (6-я и 11-я) совершили беспримерный 800-км марш по раскаленной монгольской степи (температура воздуха в те дни достигала 40 градусов). Вот как описывает события тех дней Герой Советского Союза К. Н. Абрамов — командир танкового батальона 11-й бригады:

«…Для нашей бригады сигнал боевой тревоги прозвучал 28 мая. На сборы по тревоге нам отводилось полтора часа. Батальон был готов к движению через 55 минут… Колонна двигалась по едва заметной степной дороге, протоптанной верблюжьими караванами. Местами дорога пропадала — ее замело песком. Для преодоления песчаных и заболоченных участков приходилось переводить танки с колесного хода на гусеничный. Эту работу хорошо подготовленные экипажи выполняли за 30 минут…»

К исходу дня 31 мая бригада в полном составе вышла в намеченный район. Чуть больше времени (6 дней) потратила на 800-км марш 6-я танковая бригада. Через шесть лет после боев на Халхин-Голе, в августе 1945 г. танки БТ-7 в составе 6-й гвардейской танковой армии приняли участие в так называемой «Маньчжурской стратегической операции». Старые «бэтэшки» (самые свежие из которых были выпущены пять лет назад) прошли тогда 820 км через горный хребет Большой Хинган со средним темпом марша 180 км в день. Из общего числа 1019 танков всех типов в ходе операции было потеряно всего 78 (семьдесят восемь) единиц — это феноменально высокий уровень надежности. По состоянию на 30 сентября 1945 г., после тяжелейшего форсированного марша, после боев с отдельными группами японских войск более 80 % танков Дальневосточного фронта были исправны. В том числе: 77 % от общего количества танков БТ, 87 % безнадежно устаревших к тому времени танков Т-26, 94 % танков Т-34. История танка Т-34, как написано об этом во всех книжках, началась с того, что в марте 1940 г. два первых опытных танка своим ходом прошли 3000 км по маршруту Харьков — Москва — Минск — Киев — Харьков. Прошли в весеннюю распутицу, по проселочным дорогам (двигаться по основным магистралям и даже пользоваться в дневное время мостами было из соображений секретности запрещено). Да, такой марш дался технике нелегко, выявилось множество отказов. В конце концов межремонтный пробег для серийных танков был установлен не в 3000 км (а именно такая, фантастическая для тяжелой гусеничной техники цифра предусматривалась техническим заданием), а «всего лишь» в 1000 км.

В январскую стужу 1943 года, в ходе наступательной операции «Дон», советские танковые бригады прошли более 300 км по заснеженной задонской степи и разгромили крупные силы немецкой группы армий «А», прорвавшейся летом 1942 г. к нефтеносным районам Моздока и Грозного. Летом 1944 года, в ходе операции «Багратион» (разгром немецкой группы армий «Центр» в Белоруссии) 5-я Гв. ТА, наступавшая по бездорожью, среди лесов и болот, прошла 900–1300 км при темпе наступления до 60 км в день. В мае 1945 г. танки 3-й и 4-й гвардейских танковых армий прошли 400 км от Берлина до Праги. По горно-лесистой местности, за пять дней, и при этом — без существенных технических потерь. Легендарная «тридцатьчетверка» прошла всю войну, во многих армиях мира она простояла на вооружении до середины 50-х годов. В финской армии трофейные советские танки и легкие гусеничные тягачи «Комсомолец» прослужили аж до 1961 года! Они исправно работали среди финских снегов и болот без заводских запчастей, без инструкции по эксплуатации…

Многолетняя борьба историков с советскими танками была бескровной. Это радует, но не настолько, чтобы признать ее совсем уже безвредной. К несчастью, она имела вполне конкретные, ощутимые экономические последствия. Два поколения советских генералов было воспитано и обучено в военных академиях на мифе о том, что катастрофа 41-го года случилась из-за технической отсталости Красной Армии, в частности из-за того, что танки были «безнадежно устаревшие» и «технически ненадежные». Советские генералы не хотели повторения катастрофы и полвека давили на партийную верхушку, требуя окончательно и бесповоротно «перевооружить» советскую армию, да так, чтобы и друзья боялись. Сотни научно-исследовательских и конструкторских организаций, десятки огромных заводов израсходовали несметные интеллектуальные и материальные ресурсы на вооружение огромной бронетанковой орды. В разгар этой великой трудовой битвы «как-то вдруг»

развалился Варшавский договор, а затем исчез в небытие и сам Советский Союз, оставивший в наследство России практически небоеспособную армию. И 30 тысяч лучших в мире танков.

Глава 12

Право на бесчестье

Историки, писатели, журналисты, философы — все, кто пытался понять смысл произошедшей в первой половине XX века катастрофы, выявили уже множество различий между Сталиным и Гитлером, между террористическими режимами гитлеровского нацизма и сталинского большевизма. Отмечено, что Гитлер убивал в основном чужих, а Сталин — в основном своих под данных. Отмечено, что масштаб массовых репрессий в довоенной Германии и СССР просто несопоставим (Сталин истребил на порядок больше людей). Отмечено, что гитлеровские нацисты убивали людей по «национальному принципу», руководствуясь бредовой и преступной идеей превосходства «арийской расы», в то время как сталинские большевики убивали людей как представителей «реакционных классов», руководствуясь лживой и преступной теорией о верховенстве «революционной целесообразности над формальной законностью».

Отмечено, что сталинский подход к делу открывал несравненно большие возможности для организации массового террора, так как в условиях отсутствия всякого законного порядка к разряду «представителей реакционных классов» можно было отнести любое количество произвольно выбранных жертв.

Не будем, однако, забывать и о том, что Сталин пристально наблюдал за действиями своего берлинского конкурента и все «ценное» брал на свое вооружение. В частности, Сталин — об этом многие привычно забывают — отнюдь не отказывался и от проведения «этнических чисток», от массовых репрессий по сугубо национальному принципу. Речь идет не только о судьбе так называемых репрессированных народов (крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков), которых Сталин обрек на внесудебную массовую депортацию в гиблые места Сибири и Казахстана в качестве наказания за реальное или вымышленное сотрудничество этих национальных групп с гитлеровскими оккупантами.

В скобках отметим, что в очереди на расправу стояли и советские евреи (лишь смерть диктатора в марте 1953 г. избавила их от участи других «репрессированных народов»), обвинить которых в сотрудничестве с гитлеровскими нацистами было бы затруднительно даже для сталинской пропаганды. Нет, этнические чистки и «национальные операции» НКВД начались в СССР задолго до 22 июня 1941 г.

Вероятно (полное исследование этой темы далеко выходит за рамки нашего разговора), первыми по счету жертвами стали финны и родственные им народы (карелы, вепсы, ингерманландцы). В начале 20-х годов в Карелии было создано странное полугосударственное образование под названием «Карельская Трудовая Коммуна»; 25 июля 1923 г. она была преобразована в Карельскую АССР, однако в руководстве автономии осталась прежняя команда «красных финнов» (эмигрировавших в Советскую Россию руководителей подавленной Маннергеймом социалистической революции в Финляндии). Именно финскому (а не карельскому!) языку в автономии был придан статус государственного, на него переводили обучение в карельских школах, на финском языке издавались газеты и книги. В октябре 1925 г. был сформирован «Отдельный Карельский егерский батальон», на базе которого была позднее развернута «Отдельная Карельская егерская бригада». Наименование «егерская» было для Красной Армии совершенно уникальным, явно заимствованным из словаря финской армии;

столь же уникальным было и то, что командный состав бригады целенаправленно подбирался из финских политэмигрантов.

Можно предположить, что в 20-е годы Москва держала наготове «запасную Финляндию», к которой можно будет присоединить реальную Финляндию после победы в ней революции по большевистскому образцу. В начале 30-х годов, когда последние иллюзии на этот счет развеялись, началась большая резня под названием «ликвидация финского буржуазного национализма». Уже к октябрю 1935 г. в Карельской АССР было *«изъято 1350 всякого рода шпионов».* К концу года только в Карелии (не считая Ленинград и область) было арестовано 4688 чел. финской национальности. В полном составе было арестовано и почти поголовно расстреляно руководство автономии и командный состав егерской бригады. Про финский язык в Карелии боялись и вспоминать, публичное высказывание на тему о том, что карелы и финны находятся все же в некотором родстве, стало равносильно самоубийству. Из Ленинградской области на принудительное «спецпоселение» выслали многие тысячи карелов, финнов, ингерманландцев. По оценкам современных историков, в годы террора в СССР погибло не менее 15–20 тыс. финнов.

Если финны были первыми по хронологическому порядку, то печальное «лидерство» по количеству репрессированных бесспорно принадлежало полякам. К «панской Польше» (по-другому эту страну советская пресса и не называла) Сталин, Ворошилов и компания испытывали особо горячие чувства. Звонкая оплеуха, которую новорожденная польская армия отвесила им в 1920 г. на подступах к Варшаве, и позор бегства Красной Армии за сотни километров к востоку от Вислы, не могли быть забыты. И в секретных постановлениях ЦК, и в газетной пропаганде пресловутые «польские агенты» неизменно присутствуют в качестве первоисточника всякого зла. Так, одно из ключевых в деле организации голодомора 1933 г. Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 22 января 1933 г. (с требованием *«запретить всеми возможными средствами массовое передвижение крестьянства Украины и Северного Кавказа в города»*) начиналось такими словами: *«Центральный Комитет и Правительство имеют доказательства того, что массовый исход крестьян организован врагами советской власти, контрреволюционерами и польскими агентами…»*

Поляки были виноваты всегда и во всем. Польская компартия была объявлена логовом шпионов и диверсантов, проникших в Коминтерн в целях разложения его изнутри.

То, что руководство ПКП, находившееся в Москве, было полностью уничтожено в 1937–1938 гг., вполне соответствовало общей коминтерновской традиции, но вот факт официального роспуска (!!!) «вредительской» польской компартии был явлением совершенно незаурядным. Польская соцпартия (ППС) была объявлена «социал-фашистской» прислужницей диктатора Пилсудского, помогающей ему в подавлении рабочего движения в Польше и засылающей шпионов в Советскую Россию. Наконец, в 1937 г. НКВД обнаружило в СССР змеиное гнездо шпионско-диверсионной организации под названием «Польская организация войскова» (ПОВ). Страшно сказать, но ПОВ была создана еще в 1914 году (!!!), по инициативе и под личным руководством Пилсудского в целях организации диверсий в тылу русской армии во время Первой мировой войны. Другими словами, мифическая ПОВ была объявлена даже не антисоветской, а антироссийской организацией, в вину которой вменялось то, что сами «старые большевики-ленинцы» считали своей большой заслугой, — разложение русской армии во время «империалистической войны». Рядовые граждане Польши, в начале 20-х годов бежавшие в силу разных причин из Польши в Советский Союз, автоматически переходили в разряд засланных в СССР шпионов. Такое же отношение было и к проживающим в СССР полякам, имеющим родственников в Польше…

В конце концов, чаша терпения руководства ВКП(б)/НКВД переполнилась, и летом 1937 г.

началась печально-знаменитая «польская операция». В приказе наркома внутренних дел Ежова № 00485 длинный перечень подлежащих аресту поляков (*«…политэмигранты и политобменные из Польши… бывшие члены ППС и других польских политических партий… все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии…»*) заканчивался совершенно уже безразмерной категорией *«наиболее активный местный антисоветский и националистический элемент польских районов».* Решение об аресте и зачислении арестованного в одну из двух «категорий» (первая — расстрел, вторая — тюремное заключение на срок от 5 до 10 лет) принимала даже не «тройка», а «двойка» в составе начальника областного или республиканского НКВД и соответствующего прокурора. Затем списки обреченных утверждались на «двойке» в Москве, т. е. после рассмотрения в центральном аппарате НКВД отправлялись на подпись Ежову и Вышинскому. Всего по приказу № 00485 было арестовано 143 810 человек. В ряде случаев списки составляли по телефонной книге, из которой выписывали «польско-звучащие» фамилии. В итоге было осуждено 139 835 человек, в том числе приговорено к расстрелу — 111 091 человек. Сто одиннадцать тысяч расстрелянных. Сто одиннадцать тысяч. Каждый шестой проживавший в СССР поляк.

«Польская операция» 1937 года стала кульминацией, но отнюдь не завершением репрессий. Для Польши и поляков все еще только начиналось. В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в Москве министр иностранных дел Германии Риббентроп и глава правительства СССР Молотов (сам товарищ Сталин, как один из рядовых депутатов Верховного Совета, не мог подписывать межгосударственные соглашения) подписали Секретный дополнительный протокол о *«разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе».* В нем, в частности, было сказано следующее:

«…2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия…»

1 сентября 1939 г. германская армия с трех сторон (с запада из Германии, с севера из Восточной Пруссии, с юга из оккупированной Чехословакии) вторглась в пределы Польши. 17 сентября Советский Союз в одностороннем порядке разорвал Договор о ненападении, заключенный 25 июля 1932 г. между СССР и Польшей, и огромными силами (21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 моторизованные бригады, всего 618 тыс. человек и 4733 танка) нанес удар в спину польской армии, остатки которой к тому моменту еще сражались против германского вермахта. В течение недели последние очаги организованного польского сопротивления были подавлены. 28 сентября 1939 г. Риббентроп снова посетил Москву, где был подписан «Договор о дружбе и границе» между гитлеровской Германией и СССР. Один из трех секретных протоколов к Договору фиксировал изменение согласованной 23 августа линии раздела «сфер интересов» (полоса территории между Вислой и Бугом шириной в 100–120 км передавалась из сталинской в гитлеровскую «долю», но при этом Литва исключалась из «сферы интересов» Германии и передавалась Сталину). Вопрос же о «желательности сохранения независимого польского государства» был решен совершенно открыто, с демонстративной наглостью и цинизмом.

1 сентября 1939 г. германская армия с трех сторон (с запада из Германии, с севера из

Восточной Пруссии, с юга из оккупированной Чехословакии) вторглась в пределы Польши. 17 сентября Советский Союз в одностороннем порядке разорвал Договор о ненападении, заключенный 25 июля 1932 г. между СССР и Польшей, и огромными силами (21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 моторизованные бригады, всего 618 тыс. человек и 4733 танка) нанес удар в спину польской армии, остатки которой к тому моменту еще сражались против германского вермахта. В течение недели последние очаги организованного польского сопротивления были подавлены. 28 сентября 1939 г. Риббентроп снова посетил Москву, где был подписан «Договор о дружбе и границе» между гитлеровской Германией и СССР. Один из трех секретных протоколов к Договору фиксировал изменение согласованной 23 августа линии раздела «сфер интересов» (полоса территории между Вислой и Бугом шириной в 100–120 км передавалась из сталинской в гитлеровскую «долю», но при этом Литва исключалась из «сферы интересов» Германии и передавалась Сталину). Вопрос же о «желательности сохранения независимого польского государства» был решен совершенно открыто, с демонстративной наглостью и цинизмом.

На первой странице газеты «Правда» красовался текст Договора о дружбе и границе, который начинался следующими словами: *«Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории…»*

31 октября 1939 г., выступая с трибуны Верховного Совета, товарищ Молотов заявил: *«Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора».* Не мог скрыть своего торжества и нарком Ворошилов. В праздничном приказе от 7 ноября 1939 г. было сказано: *«Польское государство при первом же серьезном военном столкновении разлетелось, как старая и сгнившая телега. За какие-нибудь 15 дней войны с Германией панская Польша как государство перестала существовать…»* После таких ярких и не оставляющих места для сомнения выступлений, не только в газетах и речах, но даже в совершенно секретных, для публики отнюдь не предназначенных документах командования Красной Армии, Польша называлась исключительно и только «бывшей Польшей» или (на гитлеровский манер) «генерал-губернаторством».

Однако в одном моменте Молотов был не совсем прав. От «бывшей Польши» кое-что осталось. В частности — остались находящиеся на территории СССР в лагерях для военнопленных солдаты и офицеры польской армии. Согласно приказам командования Красной Армии (несомненно, санкционированным на самом высшем уровне) «пленными» необъявленной войны считались все военнослужащие польской армии, независимо от того, оказывали ли они сопротивление Красной Армии и имели ли при себе оружие. В результате в лагерях оказались и мобилизованные, но еще не вооруженные резервисты (а таких было особенно много в тыловых восточных районах Польши), и отставные офицеры, и даже инвалиды прошлых войн без рук и без ног (это не преувеличение!). После ликвидации «бывшего польского государства» юридический статус этих людей стал совершенно необъяснимым. Они не могли более считаться «военнопленными» (Гаагская конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г. предусматривала взаимное и полное освобождение пленных после окончания боевых действий), а отправить их лет на десять в ГУЛАГ при соблюдении хотя бы минимальных норм «социалистической законности» было невозможно — помещенные в лагеря иностранные граждане не успели еще совершить на территории СССР никаких преступлений.

Сложная политико-правовая коллизия была разрешена предельно просто. В соответствии с известным (авторство афоризма часто приписывают самому Сталину) правилом: «Есть человек — есть проблема…» Рядовых солдат и унтер-офицеров, уроженцев Восточной Польши, аннексированной Сталиным и переименованной в «Западную Белоруссию» и «Западную

Украину», отпустили по домам. Порядка 43 тыс. уроженцев западной и центральной Польши передали Германии. Офицеров польской армии (в их числе не более 40 % составляли кадровые военные, а остальные были призванными по мобилизации учителями, врачами, инженерами), полицейских, пограничников, жандармов, военных и государственных чиновников общим числом 15 тыс. человек передали в распоряжение НКВД для «оперативно-чекистской работы». Работа продолжалась почти пять месяцев. За это время «пленных» рассортировали: в Осташковском лагере (Калининская, ныне — Тверская область) сосредоточили порядка 6 тыс. полицейских и чиновников, офицеров распределили примерно в равных количествах в Старобельском (неподалеку от Харькова) и Козельском лагере (последний был создан на территории знаменитой в русском православии Оптиной пустыни). 27 октября 1939 г. Л. Берия утвердил план «агентурно-оперативных мероприятий», в соответствии с которым среди «пленных» выявляли «контрреволюционный элемент», собирали информацию о вооруженных силах «бывшей Польши», вербовали агентуру. К февралю 1940 г. все, что можно, было уже сделано, и «пленные» поляки с точки зрения руководства НКВД окончательно превратились в ненужный, отработанный шлак.

В начале марта Берия подал на имя Сталина докладную записку, в которой предложил расстрелять 14 700 военнопленных польских офицеров и полицейских, так как *«все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти… преисполнены ненависти к советскому строю… пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию… каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти…».* Предложение Берия нашло полное понимание и превратилось в директивный документ, оформленный постановлением Политбюро ЦК ВКП(б). Тем же Постановлением Политбюро предписывалось расстрелять *«находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных, шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков».* Национальность обреченных в явном виде не указывалась, но сама цифра (11 000 чел.) явно совпадает с тем фрагментом докладной записки Берия, где было сказано, что в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии содержится 18 632 арестанта, из которых 10 685 составляют поляки.

Первыми расстреляли (в подвале Смоленского областного управления НКВД) содержавшихся в лагерях священнослужителей. Затем в течение апреля — начала мая 1940 г. «пленных» группами по 100–250 человек вывезли железнодорожным транспортом из лагерей к месту казни. Узники Осташковского лагеря были расстреляны в помещении внутренней тюрьмы НКВД г. Калинина (Твери) и захоронены в районе села Медное, узники Старобельского лагеря расстреляны во внутренней тюрьме Харьковского областного управления НКВД и захоронены в районе поселка Пятихатки, заключенных Козельского лагеря расстреляли и захоронили в лесу в районе Козьи Горы (в нескольких километрах от шоссе Смоленск — Орша).

Не надо думать, что «разгрузка лагерей военнопленных» отвлекла на себя все внимание органов НКВД и они хотя бы на одну минуту снизили темп «глубоких социально-политических преобразований» на аннексированных территориях. Ничего подобного, работа кипела днем и ночью. Знаменитый чекист П. Судоплатов без тени смущения пишет в своих воспоминаниях:

«…Во Львове атмосфера была разительно не похожа на положение дел в советской части Украины. Во Львове процветал западный капиталистический образ жизни, оптовая и розничная торговля находилась в руках частников, которых вскоре предстояло ликвидировать…»

Первая массовая депортация польского населения (одновременно в «Западной Белоруссии» и

«Западной Украине») была проведена 10 февраля 1940 г. В лютый мороз (в Белоруссии в те дни столбик термометра опустился до -37 градусов) людям давалось два часа на сборы, однако из-за нехватки транспорта погрузка в товарные вагоны затянулась на четыре дня. Несколько тысяч детей и стариков умерли от переохлаждения на станциях погрузки и в пути следования. Следующая, самая массовая (26 тыс. семей) операция по внесудебной высылке людей, которым даже поленились вменить в вину совершение какого-нибудь преступления, была проведена 13 апреля 1940 г. Но и она не стала последней. Иногда, надо полагать — в порядке черного юмора, уроженцев Польши, ни сном ни духом не знавших Троцкого, увозили из родных домов на основании Приказа НКВД — СССР от 30 июля 1937 г. как «членов семей троцкистов и диверсантов». Судя по справке, составленной заместителем наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышовым, по состоянию на 1 августа 1941 г. численность спецпереселенцев (главным образом — поляков по национальности) составляла 381 тыс. человек. Но это — в августе 41-го. До этого августа надо было еще дожить. По признанию самого Л. Берия, не менее 10 тыс. депортированных погибли в пути от голода, холода и болезней.

Высылка на «спецпоселение» могла считаться самым мягким видом наказания, которому подвергли тех «счастливчиков», кого органы НКВД признали всего лишь «классово-чуждым элементом». Явных или потенциальных врагов советской власти ждали арест, тюрьма или расстрел. С сентября 1939 по февраль 1941 г. в западных областях Украины и Белоруссии органами НКВД/НКГБ было арестовано 92 500 человек. Среди них: 41 тысяча поляков, 23 тысячи евреев, 21 тысяча украинцев, 7,5 тысяч белорусов. Явной дискриминации по национальному признаку, как видим, не было, сажали всех, но все же поляки, составлявшие по версии Молотова всего лишь 12 % населения аннексированных территорий (по данным польских демографов — 43 %), находятся на первом месте. Весной 1941 года, в рамках подготовки ТВД предстоящей войны, размах репрессий значительно возрос. К июню 41-го общее число арестованных в западных областях Украины и Белоруссии выросло до 107 тыс. человек. С началом боевых действий органы НКВД/НКГБ приступили к спешной эвакуации тюрем западных областей, в ходе которой было убито (не всегда в форме гуманного расстрела) 10 259 арестованных (как осужденных, так и подследственных). Цифра получена суммированием донесений Тюремного управления НКВД СССР и, вероятно, не охватывает все случаи массовых убийств заключенных (кроме тюремного управления, было еще и управление конвойных войск НКВД, был отдельный от НКВД наркомат НКГБ, и все эти «органы» также умели и любили стрелять). По крайней мере, в документах ОУНа называется цифра в 80 тыс. узников, убитых только на Украине.

«Кому память, кому слава, кому черная вода — ни приметы, ни следа». Так уж устроен наш несовершенный мир, что про гибель «утомленных солнцем» генералов снимают кино и сочиняют песни, а уничтожение десятков тысяч простых тружеников из трагедии превращается в скучную статистику. Кто сегодня вспомнит про десятки тысяч поляков, расстрелянных в 1937 году по телефонной книге? Кому интересна судьба польских крестьян, которых выбрасывали вместе с детьми на февральскую стужу 1940 года? Страдания этих людей, горе их близких бесследно растворились в безмерной человеческой трагедии Второй мировой войны. И только один из перечисленных выше эпизодов — не самый первый, не самый крупный, даже не самый жестокий по использованному способу лишения людей жизни — превратился в многолетнюю международную проблему, в кровоточащую язву, по сей день отравляющую польско-российские взаимоотношения. Катынь. Простое географическое название — местность и лес в районе поселка Козьи Горы на Смоленщине — стало паролем беды, и звучит оно сейчас уже как-то зловеще, напоминая про общеславянское слово «кат»: мучитель, палач…

История эта в самом кратком пересказе представляет собой следующее. В феврале 1943 г.

немецкие оккупационные власти обнаружили место массового захоронения польских офицеров в катынском лесу. Пробежав по всем инстанциям, информация дошла до «министерства правды», до главного пропагандиста гитлеровской Германии доктора Геббельса.

На советских карикатурах военной поры Геббельса изображали в виде уродливой мелкой обезьяны, которая сидит на плече у Гитлера. В последнее время бывшую обезьянку подняли до звания выдающегося и непревзойденного мастера политического пиара. На мой взгляд, истина находится точно посредине. Геббельс знал и любил свое грязное дело, но благодаря тем «подаркам», которые щедро дарил ему Сталин, работа главного пропагандиста рейха не была слишком уж тяжелой. Первым и главным «подарком» был тот уровень жизни, в который Сталин загнал советских рабочих и колхозников. Геббельс подарок принял, организовывал поездки рабочих делегаций на оккупированную территорию СССР, устраивал бесчисленные фотовыставки, встречи с солдатами Восточного фронта и прочее под общим названием «Большевистский «рай» глазами немецких рабочих».

Когда 30 июня 1941 г. части вермахта вошли во Львов, над которым висел ужасающий смрад 2,5 тысячи разлагающихся трупов убитых в тюрьмах заключенных, Геббельс «отработал» эту ситуацию по полной программе. Во Львов были привезены иностранные журналисты, приглашена комиссия Международного Красного Креста; письма немецких солдат с рассказами о том, что они увидели во львовских тюрьмах, были изданы в Германии отдельным сборником, огромным тиражом, с обязательным указанием точного адреса (и даже телефона, если он был) получателя письма (родителей солдата, его невесты, товарищей по работе и т. д.). Не знаю и не берусь гадать — проверял ли кто-нибудь эти адреса и телефоны, но на публику такой ход действовал неотразимо. Одним словом, к 1943 году у Геббельса был уже богатый опыт организации пропагандистских спектаклей на тему: «Зверства большевистских извергов». Катынь, т. е. факт массового расстрела польских офицеров, позволял втянуть в орбиту грандиозной международной провокации польское правительство в эмиграции (оно находилось в то время в Лондоне) и внести таким образом раскол в ряды реально складывающейся антигитлеровской коалиции.

13 апреля 1943 г. германские радиостанции передали в эфир сообщение о том, что в окрестностях Смоленска обнаружены могилы польских офицеров, «убитых ГПУ». 14 апреля польскому Красному Кресту было предложено выделить комиссию экспертов для участия в эксгумации захоронения. Не говоря уже о том, что категорический отказ от «предложения» оккупационных властей был бы равносилен самоубийству, сотрудники Красного Креста не имели морального права отказаться от выполнения своих прямых обязанностей по установлению личности погибших и информированию родственников. Было решено отправить в Катынь группу специалистов, которая получила название «Техническая комиссия польского Красного Креста». Несмотря на огромное давление со стороны немецких властей, польские специалисты не стали, насколько это было вообще возможно, соучастниками пропагандистской операции Геббельса, а именно: они отказались указать дату смерти во всех выданных свидетельствах (а именно дата 40-го года и могла стать тем решающим аргументом, который был нужен немцам) и не подписали никаких документов, определяющих виновников гибели польских офицеров.

«Техническая комиссия» приняла участие в эксгумации 7 групповых захоронений (восьмая по счету могила была вскрыта лишь частично, т. к. 7 июня 1943 г. из-за наступления летней жары работы были приостановлены). Было обнаружено и извлечено 4243 трупа, большую часть которых (2730) удалось идентифицировать по личным документам, справкам (в том числе — о прививках, сделанных в Козельском лагере), письмам, дневникам, медальонам. Судя по площади и глубине восьмой могилы, Комиссия предположила, что в ней могли находиться останки не более двух-трех сотен человек. Сравнивая сегодня эти цифры с численностью

заключенных Козельского лагеря (на 29 декабря 1939 г. в нем было 4543 человека), можно констатировать высокую точность и скрупулезность работы «Технической комиссии». Все обнаруженные на трупах документы и личные вещи были переданы немцам по их требованию (однако две копии подробных протоколов и часть вещественных доказательств полякам удалось забрать с собой, сохранена также часть дневников и записок расстрелянных). Как уже было сказано, «Техническая комиссия» отказалась подписывать политические заявления немцев, но составила детальный отчет о проделанной работе, который передала в Варшаве руководству польского Красного Креста. Документ сохранился и в 1989 г. был опубликован. Приведем несколько цитат, важных для понимания дальнейших событий:

«…Немцы обследовали всю территорию очень тщательно — им было важно, чтобы объявленное пропагандой число 12 ООО не слишком отличалось от истинного, поэтому можно предположить, что больше могил обнаружено не будет… Причиной смерти был выстрел, направленный в основание черепа… Из найденных на трупах документов следует, что убийство имело место в период с конца марта до начала мая 1940 года…»

Завершая тему работы «Технической комиссии», отметим, что до 1989 г., т. е. до времени крушения коммунистического режима в Польше, дожил только один человек, И. Бартошевский (участник Варшавского восстания с первого до последнего его дня). Два члена Комиссии погибли в рядах польского Сопротивления, многие после окончания войны были вынуждены эмигрировать из Польши. Да и самого Бартошевского арестовали ровно через три дня после того, как в Краков вошли советские войска…

Вернемся теперь к событиям апреля 1943 года. Первой реакцией советского радио было заявление о том, что немцы нашли место археологических раскопок (!!!), скелеты в которых они пытаются выдать за место захоронения расстрелянных польских офицеров. Судя по записям в дневнике Геббельса, он пришел в полный восторг от такого, явно неожиданного даже для него проявления идиотизма сталинской пропаганды. Наконец, в Москве опомнились от первого шока, и в официальном сообщении Совинформбюро было сказано, что польские военнопленные якобы находились к моменту начала войны на дорожно-строительных работах западнее Смоленска, летом 1941 г. попали в руки к немцам и были немцами расстреляны. Эта версия, с небольшими уточнениями, стала в СССР абсолютно обязательной при любом упоминании катынского дела на протяжении полувека.

Вернемся теперь к событиям апреля 1943 года. Первой реакцией советского радио было заявление о том, что немцы нашли место археологических раскопок (!!!), скелеты в которых они пытаются выдать за место захоронения расстрелянных польских офицеров. Судя по записям в дневнике Геббельса, он пришел в полный восторг от такого, явно неожиданного даже для него проявления идиотизма сталинской пропаганды. Наконец, в Москве опомнились от первого шока, и в официальном сообщении Совинформбюро было сказано, что польские военнопленные якобы находились к моменту начала войны на дорожно-строительных работах западнее Смоленска, летом 1941 г. попали в руки к немцам и были немцами расстреляны. Эта версия, с небольшими уточнениями, стала в СССР абсолютно обязательной при любом упоминании катынского дела на протяжении полувека.

17 апреля 1943 г. польское правительство в изгнании обратилось к Международному комитету Красного Креста (МККК) с просьбой об отправке делегации под Смоленск для эксгумации трупов из захоронений. В ответ на это обращение МККК выразил согласие принять участие в деле, но лишь при том условии, что к нему обратятся все заинтересованные стороны, в том числе и СССР. Разумеется, ни участвовать в расследовании обстоятельств расстрела в Катыни, ни увидеть на месте эксгумации авторитетную комиссию МККК сталинское руководство не

хотело. Оно пошло другим путем: 25 апреля 1943 г., в самых разнузданных выражениях обвинив польское правительство в пособничестве «подлой фашистской клевете» (и это при том, что ни одного совместного с немцами заявления по катынскому делу правительство Сикорского не делало, а его обращение в МККК полностью соответствовало всем нормам и традициям международных отношений), Москва заявила о расторжении дипломатических отношений с Польшей.

На этом месте внимательный читатель должен меня перебить — какие «дипломатические отношения» могли быть у Советского Союза с «бывшей Польшей»? Вопрос абсолютно уместный и весьма содержательный, так как ответ на него позволяет многое понять в реакции Сталина на катынское дело.

Между сентябрем 39-го и апрелем 43-го было еще и лето 41-го. Это страшное лето изменило весь политический пейзаж Европы, внесло оно радикальные изменения и в советско-польские отношения. Вечером 22 июня Черчилль заявил о том, что в начавшейся советско-германской войне Великобритания поддержит Советский Союз. 23 июня Сикорский, глава польского правительства в изгнании, выступил с заявлением, в которой призвал правительство СССР к восстановлению отношений и сотрудничеству в борьбе с общим врагом. Товарищ Сталин в первые дни войны молчал как рыба, но потом, когда реальный, т. е. катастрофический, характер развивающихся событий стал ему вполне ясен, начал… нет, не просить — требовать (!!!) от стран Запада всесторонней помощи. Да, Черчилль и Рузвельт были обречены на то, чтобы поддерживать Сталина, но летом 41-го они еще могли обуславливать свою поддержку некоторыми минимальными условиями. Одним из таких условий была Польша.

Англия вступила во Вторую мировую войну, выполняя свои договорные обязательства по защите суверенитета Польши (по крайней мере, такова была официальная формулировка). Польские летчики защищали небо Лондона (четвертой по результативности эскадрильей Истребительного командования Королевских ВВС стала «польская» 303-я), польские моряки вместе с англичанами вели транспортные караваны по смертельно опасным водам Атлантики, польские солдаты сражались вместе с англичанами в Северной Африке. В такой ситуации Черчилль не мог игнорировать мысли и чувства своих сограждан до такой степени, чтобы открыто помогать государству (СССР), лидеры которого объявили страну с тысячелетней историей «уродливым детищем Версальского договора» (а заодно и аннексировали 52 % территории довоенной Польши). Под давлением своих новообретенных союзников Сталин вынужден был признать «бывшую Польшу» снова существующей и вступить в переговоры с правительством Сикорского.

30 июля 1941 г. (подчеркните, пожалуйста, эту дату тремя жирными чертами) советско-польское межправительственное соглашение было подписано. Первый его пункт гласил: *«Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу».* Соглашение предусматривало формирование на советской территории польской армии, которая будет считаться *«составляющей частью Вооруженных Сил суверенной Польской Республики, на верность которой будут присягать ее военнослужащие».* Специальным протоколом к Соглашению предусматривалось, что *«советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных, или на других достаточных основаниях».* На основании этого Протокола 12 августа был издан Указ Президиума ВС СССР об амнистии польских граждан, в том числе *«всех военнопленных и интернированных военнослужащих польской армии».*

Разумеется, ни сводки Совинформбюро, ни послевоенные советские учебники истории не смущали умы советских людей информацией о том, что 30 июля 1941 г. Сталин согласился

признать «утратившим силу» свой «освободительный поход», в результате которого восточная половина Польши превратилась в так называемые «Западную Украину» и «Западную Белоруссию». Однако к апрелю 43-го «минутная слабость», в силу которой летом 41-го Сталин согласился признать свои территориальные приобретения в Польше незаконными, была уже в прошлом, и Москва искала способ развязать себе руки и освободиться от всяких обязательств перед польским правительством. В такой ситуации главным, кто выиграл от развязанной Геббельсом пропагандистской шумихи вокруг захоронений в Катыни, оказался, как ни странно, Сталин, который получил наконец долгожданный повод порвать отношения с «буржуазным правительством» Польши.

26 сентября 1943 г. Смоленск был освобожден от немцев. Словосочетание «золотая осень» плохо сочетается с разговором об эксгумации массовых захоронений, но, по мнению специалистов, это время года — самое для такого ужасного занятия оптимальное (уже не жарко, уже нет насекомых, еще не очень холодно, осенний ветер и дожди разгоняют трупный смрад). Однако прошел октябрь, ноябрь, декабрь 1943 года, но никто в Советском Союзе про катынское захоронение в явном виде не вспоминал. Наступил январь 1944 года. Грандиозное наступление Красной Армии на Правобережной Украине (Днепровско-Карпатская стратегическая операция) ценою моря крови советских солдат (270 тыс. убитых, 893 тыс. раненых по данным официальной военной статистики) приближало Сталина к границам довоенной Польши. А это означало, что приближался момент, когда Сталину предстояло окончательно и бесповоротно заявить англо-американским союзникам, что Советский Союз не знает и знать не желает ни «лондонское» правительство Польши, ни географическую карту Европы образца 1 сентября 1939 г.

И как-то так получилось, что именно в морозном январе 44-го в Катынский лес прибыла возглавляемая академиком Н. Н. Бурденко «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками военнопленных польских офицеров». Задача, поставленная перед комиссией (работу которой непосредственно контролировали аж два заместителя наркома внутренних дел — С. Круглов и В. Меркулов), однозначно определялась ее названием. Комиссия приехала на место преступления с готовым выводом о виновности одного из двух возможных преступников. Оставалось только найти какие-нибудь вещественные доказательства «расстрела немецко-фашистскими захватчиками военнопленных польских офицеров». Имея за спиной поддержку двух заместителей Берия, имея возможность найти и принудить к даче нужных показаний любых «свидетелей», комиссия Бурденко могла бы слепить более-менее сносную фальсификацию. Но не смогла.

К работе «Специальной комиссии» не были привлечены ни эксперты нейтральных стран, ни криминалисты стран антигитлеровской коалиции, ни даже представители просоветских польских организаций, из которых в Москве в то время формировали новое, «правильное» правительство Польши.

В течение одной недели (с 16 по 23 января) на январском морозе было эксгумировано 925 трупов (правда, затем это число в отчете Комиссии увеличилось до 1380). На этом «основании» был сделан вывод о том, что в Катыни расстреляно 11 тыс. польских офицеров (многократное завышение числа жертв было нужно для того, чтобы объяснить факт исчезновения узников Осташковского и Старобельского лагерей). В отсутствие каких-либо независимых свидетелей на трупах было даже «обнаружено» девять документов (почтовые отправления, квитанции с датами позже мая 1940 г.). После этого «Специальная комиссия» сочла свою работу законченной и пригласила на место эксгумации иностранных корреспондентов.

Первое же, что бросилось в глаза журналистам, была теплая одежда (шинели, шарфы,

перчатки, теплое нательное белье) на трупах людей, якобы захваченных немцами в жарком июле 1941 года (упоминания о небывалой жаре встречаются буквально во всех мемуарах как советских, так и немецких участников июльских боев). На естественный (и легко прогнозируемый!) вопрос о том, почему пленные поляки не разбежались после того, как бесследно разбежались их конвоиры из НКВД, академик Потемкин не нашел ничего умнее, как ответить: *«Они как работали, так и остались работать по инерции».* Вопрос о том, кто же «по инерции» продолжал кормить 11 тыс. мужчин, якобы занятых дорожно-строительными работами посреди поля боя смоленского сражения, остался не заданным. Осталось много незаданных вопросов — но шел январь 1944 года, Красная Армия громила ненавистных фашистов, на освобожденной территории СССР были уже обнаружены бесчисленные следы чудовищных злодеяний гитлеровских оккупантов. И ни у одного журналиста не повернулся тогда язык или перо для того, чтобы поставить под сомнение шитые «белыми нитками» выводы комиссии Бурденко…

Вот на этом бы товарищу Сталину стоило остановиться, но два года спустя, в ослеплении своей триумфальной славы Величайшего Полководца, он зачем-то решил поднять вопрос о расстреле в Катыни на Нюрнбергском процессе. В основу аргументов обвинения были положены «документы» и выводы комиссии Бурденко. Это была большая ошибка. Даже Нюрнбергский процесс, в котором одна из сторон конфликта присвоила себе права одновременно судьи, прокурора и следователя, даже этот странный Трибунал, который, в нарушение всех писаных и неписаных норм правосудия, заранее составлял перечень тем, вопросов, документов, фактов, которые не должны быть обсуждаемы, даже этот «суд победителей» все же очень сильно отличался от советского «народного суда» образца 37-го года. И то, на что закрыли глаза журналисты в январе 44-го, не могли не заметить многоопытные немецкие адвокаты весной 46-го.

Прежде всего, оказалось, что указанная в Обвинительном акте цифра жертв расстрела неожиданно и без какого-либо обоснования изменилась с 925 до 11 тыс. человек. Защита привлекла внимания Трибунала к этим странным манипуляциям, потребовала и добилась вызова свидетелей сторон. В Москве начался большой переполох. 21 марта была собрана на внеочередное заседание Комиссия Вышинского, которой еще в сентябре 1945 г. было поручено руководить ходом Нюрнбергского процесса. К работе по подготовке «свидетелей» и обвинительных материалов привлекались крупнейшие фигуры советских карательных ведомств: Абакумов, Вышинский, Меркулов. Через пять дней после заседания Комиссии прокурор специального уголовного суда в Кракове Р. Мартини, которому еще в декабре 1945 г. было поручено подготовить польских свидетелей и показания для Нюрнберга, был убит в своей квартире.

Следующая смерть произошла в самом Нюрнберге. Молодой прокурор Н. Д. Зоря, помощник главного советского обвинителя, после знакомства с материалами «катынского дела» обратился к начальству с просьбой срочно откомандировать его в Москву для доклада Вышинскому. Прокурор Зоря и раньше проявил себя как неумеренно честный юрист, способный на нестандартные поступки (в 1939 г. он был разжалован до рядового после того, как выявил во время прокурорской проверки факты фальсификации дел). До Москвы Н. Д. Зоря не доехал, так как на свой рапорт он получил отказ и на следующий день, 23 мая 1946 г., был найден мертвым. Официальная причина смерти — несчастный случай при чистке личного оружия.

Вопрос о Катыни рассматривался Нюрнбергским трибуналом 1–3 июля 1946 г. В ходе допроса свидетелей и экспертов было установлено, что Ф. Аренс, которого советская сторона пыталась представить в качестве командира немецкой части, расстрелявшей польских офицеров, командовал 537-м полком связи и вместе со своими подчиненными появился в районе Катыни

значительно позже предполагаемого времени совершения преступления. Никаких аргументов, подтверждающих версию о том, что подразделение немецких связистов занималось массовыми расстрелами, предъявлено не было. Подготовленный в НКВД «свидетель обвинения» Базилевский (заместитель бургомистра Смоленска во время немецкой оккупации) с трудом прочитал по бумажке свои показания. Из его ответов на вопросы защиты выяснилось, что на месте расстрела он не был и не мог назвать ни одного свидетеля расстрела. Болгарский врач профессор Марков (участник международной комиссии экспертов, работавшей в Катыни в конце апреля 1943 г.), несмотря на то, что в «освобожденной» Болгарии ему уже пришлось оказаться на скамье подсудимых за свое участие в «подлой фашистской провокации», перед лицом Нюрнбергского трибунала еще раз повторил свой вывод о том, что особенности и скорость протекания трупного распада в массовом захоронении не исследованы наукой в такой степени, которая позволяла бы установить время гибели жертв с требуемой в данном деле точностью. Отвечая на вопросы защиты, Марков подтвердил, что на трупах была теплая одежда…

В конце концов, советскому прокурору Руденко пришлось приложить усилия к тому, чтобы прекратить обсуждение «катынского вопроса». Т. Ступникова, участвовавшая в работе трибунала в скромной роли синхронного переводчика, в своих воспоминаниях пишет:

«…Для меня это был действительно «черный день». Слушать и переводить показания свидетелей мне было несказанно тяжело, и не из-за сложности перевода, а из-за непреодолимого чувства стыда за мое единственное многострадальное Отечество, которое не без основания можно было подозревать в совершении тягчайшего преступления… Тяжело было, бесспорно, всем советским. И судьям, внезапно утратившим свою самоуверенную окаменелость, и обвинителям, которым суждено было на примере Катыни еще разубедиться, что Нюрнбергский трибунал — это не суд в СССР…»

Нюрнбергский трибунал в своем приговоре не вменил в вину немцам расстрел польских военнопленных в Катыни. Это решение советским обвинением не оспаривалось, протест (в отличие от многих других ситуаций) не вносился. Что, впрочем, не помешало Большой Советской энциклопедии в статье «Катынский расстрел» без зазрения совести (если только использование этого слова здесь вообще уместно) сообщить читателям о том, что *«по подсчету судебно-медицинских экспертов общее количество трупов достигало 11 тысяч»*, и *«Международный военный трибунал в Нюрнберге признал главных военных преступников виновными в проведении политики истребления польского народа и, в частности, в расстреле польских военнопленных в Катынском лесу».*

На этом история преступления в Катыни заканчивается, и начинается другая, не менее драматичная, история полувековой лжи, тяжелой и неравной на первых порах борьбы за восстановление истины. Можно и нужно описать, как с началом горбачевской перестройки новое руководство КПСС отчаянно маневрировало, пытаясь приоткрыть частицу правды, сохраняя при этом неприкосновенность палачей, как шило неудержимо рвалось из мешка, к каким нелепым и неприличным уловкам пытались прибегнуть защитники старых пропагандистских мифов… Но объем этой главы не беспределен, поэтому перейдем сразу же к финальному акту исторической драмы, к подписанному 2 августа 1993 г. Заключению Комиссии экспертов Главной военной прокуратуры Российской Федерации по уголовному делу № 159.

Несколько десятков страниц, на которых сухим языком протокола раскрывается тайна преступления и не менее преступных попыток скрыть правду о его истинных виновниках:

«…Якобы использованные комиссией Н. Н. Бурденко документы, равно как и результаты

патологоанатомических исследованийу никогда не были описаны, опубликованы и не представлены… Неотправленная почтовая открытка ротмистра С. Кучинского с датой 20 июня 1941 г. является явной подделкой. Станислав Кучинский не содержался в Козельском лагере, а из Старобельского лагеря выбыл в декабре 1939 г… <…> Не выдержало проверки материалами Управления по делам военнопленных выдвинутое утверждение о содержании военнопленных в трех лагерях особого назначения № 1-ОН, № 2–0Н и № 3-ОН, как и показания свидетеля «майора Ветошникова», якобы начальника одного из лагерей. Как следует из справок МБ РФ, таких лагерей в 1940 г. и последующих годах не существовало. Так называемый майор Ветошников службу в системе госбезопасности не проходил и является вымышленной фигурой…

Датировка захоронений летом — осенью 1941 г. не получила обоснованного подтверждения. Даже до обнаружения корпуса документов НКВД, убедительные доказательства даты (весна 1940 г.) содержались в многочисленных обнаруженных на трупах документах (газетах, дневниках и др.) с последним обозначением март — май 1940 г. Это подтверждается двумя сохранившимися копиями протоколов с описанием вещественных доказательств, хранящимися в Кракове…

Записка Л. П. Берии в ЦКВКП(б) И. В. Сталину содержала проект постановления Политбюро, который был автоматически превращен в постановление с датой 5 марта 1940 г., внесенное в протокол как «Вопрос НКВД СССР» под номером 144. На записке были собственноручные (подтвержденные графологической экспертизой) визы Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна и пометка «т. Калинин — за, т. Каганович — за». Подлинность записки и постановления Политбюро от 5 марта 1940 г. была подтверждена почерковедческой и криминалистической экспертизами…

Согласно записке за подписью председателя КГБ А. Н. Шелепина от 3 марта 1959 г. всего было расстреляно 21 857 человек «лиц бывшей буржуазной Польши», в том числе в Катынском лесу (военнопленных из Козельского лагеря) — 4421 человек, из Старобельского лагеря — 3820 человек, из Осташковского лагеря — 6311 человек. 7305 человек были расстреляны в «лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии». Допрошенный в качестве свидетеля А. Н. Шелепин подтвердил подлинность записки и фактов, изложенных в ней.

П. К. Сопруненко, допрошенный в качестве свидетеля с применением видеозаписи, подтвердил, что он был лично ознакомлен с постановлением Политбюро ЦКВКП(б) о расстреле польских военнопленных. Претворяя это решение в жизнь, он руководил всей отправкой польских военнопленных в распоряжение УНКВД Харьковской, Смоленской и Калининской областей. Расстрелянных захоронили на территории дачных участков УНКВД указанных областей. Аналогичные показания дал бывший начальник УНКВД по Калининской области Д. С. Токарев… Свидетель М. В. Сыромятников, служивший старшим по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской области, показал, что в мае 1940 г. в тюрьму привезли большое количество польских военнопленных, которых расстреливали по ночам, а затем вывозили хоронить в район дач УНКВД… Аналогичные показания о расстрелах весной 1940 г. польских военнопленных дали свидетели П. П. Титков, И. Ноздрев, П. Ф. Климов, П. П. Дворниченко и другие.

Проведенными в 1991 г. эксгумациями на территориях дачных поселков УКГБ по Калининской (ныне Тверской) области (Медное), Харьковской области (д. Пятихатки) и Смоленской области (Катынский лес) подтверждается, что там имеются массовые захоронения польских военнопленных, убитых выстрелом в затылок… Установлена прямая

закономерная связь между списками-предписаниями на отправку военнопленных в УНКВД Смоленской области и тем, в каком порядке трупы лежали в катынских могилах весной 1943 г. Совпадение обоих списков говорит о достоверности идентификационного списка от 1943 г. (составленного Технической комиссией польского Красного Креста. — *М. С.*), *который может рассматриваться как доказательственный документ…*

Материал уголовного дела неопровержимо доказывает противоправный факт умерщвления путем расстрела в апреле — мае 1940 г. 14 522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД, а также 7305 поляков — заключенных из тюрем и лагерей Западной Белоруссии и Западной Украины сотрудниками НКВД по постановлению Политбюро ЦКВКП(б)…»

Итак, правда восторжествовала. 13 апреля 1990 г. президент СССР М. Горбачев передал президенту Польши В. Ярузельскому две папки со списками пленных, вывезенных из Козельска и Осташкова, а также список пленных Старобельска. В тот же день агентство ТАСС сообщило, что ответственность за преступление несет НКВД. 14 октября 1992 г. главный архивист России Р. Пихоя по поручению президента России Б. Ельцина передал в Варшаве президенту Польши копии документов Политбюро ЦК ВКП(б) с решением о расстреле польских военнопленных. На месте расстрела (в Катынском лесу и в Медном) сооружены мемориальные комплексы, на открытии которых присутствовали первые лица России и Польши. Имена жертв сталинского террора увековечены в граните и бронзе. Изданы многотомные сборники документов, подробно описывающие все стороны «катынского дела».

Правда восторжествовала. Но ненадолго.

Торжество правды и не могло быть долгим и прочным, ибо это была какая-то странная, полоумная правда. Чудовищное по жестокости и масштабу преступление есть, а даже самого минимального наказания виновных — нет. Разумеется, это относится не только к «катынскому делу», представляющему собой лишь малую толику злодеяний сталинского режима. Допрошенные «в качестве свидетелей» палачи и вертухаи тихо-мирно разошлись по домам (большую часть доживших до начала 90-х преступников из НКВД/НКГБ вообще никто не допрашивал — даже в качестве свидетелей). Эти преступники нарушили все заповеди — божеские и человеческие. Убивали, пытали, насиловали. Число их жертв не поддается точному исчислению. Только в 1937–1938 гг. было расстреляно 680 тыс. человек, да еще во время «следствия» в тюрьмах и лагерях за те два года умерло 115 тыс. человек. И разве же в 1937 году начался государственный террор против собственного народа? А чудовищно жестокое подавление крестьянских восстаний в 1919–1921 гг., а раскулачивание, голодомор, ледяной ад ГУЛАГа, этнические чистки 30–40-х годов… И никому — ни конкретным людям, ни преступным организациям — ничего за это не было.

Как же могли отреагировать уцелевшие палачи, их физические и гораздо более многочисленные духовные наследники на широкую публикацию правды о совершенных преступлениях? Двояко. Оба возможных варианта известны сегодня на конкретных примерах.

Гитлеровским палачам и их наследникам объяснили, что убивать, пытать и насиловать нехорошо. Объясняли, главным образом, не яркими публицистическими статьями в газетах, а делом. Только в американской зоне оккупации Германии 13 миллионов (!!!) немцев заполнили анкету из 131 вопроса касательно их соучастия в преступлениях гитлеровского режима. По результатам этого «анкетирования» американцы подвергли судебному преследованию почти миллион (!!!) человек, из числа которых более 600 тысяч понесли наказания — главным

образом в виде запрета на государственную службу. Однако столь мягким наказанием отделались далеко не все. Всего по приговорам военных трибуналов было казнено 480 фашистов, более 10 тысяч военных преступников отправились в тюрьмы и трудовые лагеря. Вот на этой здоровой почве и выросли два поколения немцев, которые подняли Германию из руин, превратили ее в процветающую демократическую страну, и при этом все каются, каются и каются, все ищут, ищут и ищут — перед кем бы им еще искупить свою вину.

В нашей стране духовные наследники ненаказанных и нераскаявшихся палачей повели себя совсем по-другому. По-первоначалу они ограничивались глухим брюзжанием на тему: «Не надо рисовать одной черной краской героический, хотя и непростой, период нашей истории». Потом осмелели, и вот уже со страниц так называемых «патриотических» газет понесся глумливый визг о том, что «дерьмократы врут про миллионы жертв», а всего-то было расстреляно каких-то 700 тысяч человек. К 2007 году они раздухарились до того, что выпускают в свет сборник статей под общим названием «Нам не за что каяться!». Вот так вот. Знай «наших»!

Вернемся, однако, к катынской, а точнее говоря — к новой, «антикатынской» теме. Началась «антикатынская» кампания, конечно же, не с прямого отрицания слишком очевидных, признанных президентами СССР и России, фактов, а со злобного шипения в стиле «у тебя самой муж пьяница». Всякое упоминание о Катыни стало сопровождаться рассказом о «десятках тысяч красноармейцев, погибших в польском плену в 1920–1921 гг.». Цифры непрерывно росли:

20 000,40 000,60 000… Наконец, 26 апреля 2000 г. в известной своей независимостью «Независимой газете» появляется заметка политического обозревателя Ксении Фокиной под названием «80 лет советско-польской войны». Именно так — не «80 лет со дня начала», а «80 лет войны». Оказывается, *«масштабное наступление польских войск привело к захвату 130 тысяч (по самым скромным оценкам) российских пленных, около 80 тыс. из которых погибли затем в лагерях Юзефа Пилсудского… В 50–80-е годы СССР стремился не привлекать внимания общественности двух дружественных социалистических стран к негативным моментам истории советско-польских отношений, в том числе к жертвам войны 1919–1920 гг. Долгое время этот вопрос вообще запрещалось освещать в прессе… Тем временем Польша никогда не забывала о расстреле офицеров Речи Посполитой под Катынью…».*

Не знаю, как вам, а мне как-то даже неудобно предлагать барышне Ксюше читать Статистический сборник под названием «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР». Женское ли это дело?

«Не дай мне Бог сойтись на бале иль при разъезде на крыльце с семинаристом в желтой шали иль с академиком в чепце…». Правда, политический обозреватель любого пола и возраста обязан понимать, что никакое преступление в прошлом не может служить оправданием следующего преступления; обязан знать, что «старый спор славян» России и Польши имеет, к несчастью, многовековую кровавую историю, которую невозможно ни понять, ни завершить, занимаясь спекулятивными рассуждениями о том, «кто первый начал». Но мы не будем заниматься морализированием, а просто снимем с полки «Гриф секретности снят» (повторяюсь еще раз — подготовленный официальными военными историками Генштаба РФ) и посмотрим — что там сказано о потерях Красной Армии в советско-польской войне 1920 года.

«Не дай мне Бог сойтись на бале иль при разъезде на крыльце с семинаристом в желтой шали иль с академиком в чепце…». Правда, политический обозреватель любого пола и возраста обязан понимать, что никакое преступление в прошлом не может служить

оправданием следующего преступления; обязан знать, что «старый спор славян» России и Польши имеет, к несчастью, многовековую кровавую историю, которую невозможно ни понять, ни завершить, занимаясь спекулятивными рассуждениями о том, «кто первый начал». Но мы не будем заниматься морализированием, а просто снимем с полки «Гриф секретности снят» (повторяюсь еще раз — подготовленный официальными военными историками Генштаба РФ) и посмотрим — что там сказано о потерях Красной Армии в советско-польской войне 1920 года.

Таблица 8 (стр. 28–29) «Потери личного состава фронтов за 1920 г.». Пропало без вести, попало в плен: 53 805 человек на Западном фронте и 41 075 человек на Юго-Западном фронте. Итак, не «130 тысяч по самым скромным оценкам», а 95 тысяч по самым максимальным оценкам (не всякий «пропавший без вести» оказался в плену у противника — бывают еще дезертиры и неучтенные в донесениях штабов убитые и раненые). Как сложилась судьба этих пленных «в лагерях Пилсудского»? Открываем стр. 34, читаем: *«По сведениям Мобуправления Штаба РККА, на 21.11.1921 г. из Польши было возвращено 75.699 чел. военнопленных и из Германии — 40 986 чел. интернированных, а всего — 116 685 военнослужащих РККА».*

Чтобы не возникало никаких сомнений в том, что возвращение интернированных красноармейцев из Германии непосредственно связано с советско-польской войной, далее идет пояснение: *«Интернированной оказалась часть войск Западного фронта… В августе 1920 г. при отступлении из района Вислы они не смогли пробиться на восток и вынуждены были отойти на территорию Восточной Пруссии, где были германскими властями интернированы».*

Итак, количество благополучно вернувшихся на Родину красноармейцев оказалось больше числа пропавших без вести и пленных? Разумеется, чудес не бывает. Просто в реальных условиях гражданской войны в деле учета личного состава царил полный хаос. Да и личный состав не слишком поддавался учету и контролю. Двумя абзацами выше, на той же стр. 34 дано такое уточнение: *«На Западном фронте военнослужащие старших возрастов из-за нежелания воевать добровольно сдавались в плен. На Юго-Западном фронте в ряде соединений «уроженцы Дона и Кубани, все без исключения, добровольно перешли на сторону противника».* После этих слов — ссылка на архивные фонды РГВА. О каком точном учете численности войск может идти речь в армии, которая толпами переходит на сторону противника? При всем при этом пленные красноармейцы «в лагерях Пилсудского» гибли, гибли многими тысячами. Исследования польских историков позволяют оценить общее количество умерших в лагерях в 8–12 тыс. человек. И это, должен вам сказать, мало. Причем «мало» не только в сравнении с фантастическим сочинением Ксюши Фокиной. Мало по сравнению с исходным числом пленных и состоянием, в котором они были взяты в плен.

Давным-давно, когда про слово «Катынь» никто и не слыхивал, написал Н. Островский автобиографическую книгу. «Как закалялась сталь» называется. И есть там такая строка (она мне почему-то врезалась в память еще в школьные годы): *«Страшнее польских пулеметов сыпной тиф косил ряды армии».* И когда «Гриф секретности снят» оказался в моих руках, я решил проверить — насколько фраза писателя соответствует действительности. Возвращаемся на стр. 28 к таблице 8. Западный фронт: убито 6989 человек, заболело 33 171. Юго-Западный фронт: убито 10 653, заболело — 23 234. Опять же надо учесть, что таблица 8 фиксирует не общее количество заболевших, а только тех, кто выбыл из строя по причине болезни. По данным главного военно-санитарного управления Красной Армии, в 1920 г. сыпным и возвратным тифом переболело 1 299 859 военнослужащих. 13 % от заболевших тифом умерли. Умерли в лечебных учреждениях, а не в «лагерях смерти»; умерли не потому, что их хотели замучить, а потому что в условиях разрухи, голода и нехватки медикаментов их не смогли спасти.

Если порядка 80–90 % красноармейцев, оказавшихся летом 1920 г. в польском плену, все же остались в живых, то это свидетельствует именно о том, что польские лагеря не были лагерями уничтожения. Для самых горячих «патриотов» спешу зачитать вслух стр. 390, 16 строка сверху: *«После войны из Советского Союза возвратилось на родину 1939 тыс. человек, а 451 тыс. немецких солдат и офицеров умерло в плену».* Надеюсь, господа, вы не станете утверждать, что советские лагеря для немецких военнопленных были «лагерями смерти, в которых происходило массовое и сознательное уничтожение беззащитных людей»? Что же касается гибели без малого полумиллиона немецких пленных, то эта трагедия имеет достаточно ясное объяснение. Мало того, что лагерь для военнопленных — это не санаторий; люди, попадающие в этот лагерь, попадают в него не из санатория. В лучшем случае, пленный голоден, изможден, измучен страхом и отчаянием. Часто он к тому же болен или ранен. Вот почему все 100 % пленных в лагерях не выживают. Ни польская армия в 20-м году, ни Красная Армия в 1943–1945 гг. не могла (да и не собиралась) отобрать стакан молока и моток бинта у своих раненых и отдать их пленным солдатам противника. Такова страшная правда войны, на которой пора бы уже прекратить спекулировать. Попытки поставить знак равенства между неизбежными в условиях анархии Гражданской войны случаями жестокого обращения и самочинных расправ с пленными (каковые случаи в 1920 году имели место по обе стороны фронта!) и хладнокровным уничтожением 14,5 тыс. польских офицеров, осуществленным в мирное время, по решению высшего органа беззаконной партийной власти, были лишь первым шагом на пути к полному отрицанию ответственности руководства ВКП(б)/НКВД за трагедию в Катыни. Поскольку первый шаг был оценен как всего лишь проявление похвального «плюрализма мнений», за ним неотвратимо последовали следующие шаги.

15 апреля 2006 г. в газете появляется статья. Автор — В. Черепахин, публицист. В этой статье все было превосходно — и содержание, и название: «Катынская драма в «театре абсурда». Театр абсурда. Точнее и лучше ТАКОЕ не назовешь:

«…Сейчас в Польше в который раз начинает раскручиваться тема «вины Москвы» в катынской трагедии, разыгравшейся ***будто бы*** (здесь и далее подчеркнуто мной. — *М. С.*) *осенью 1940 года, когда, как считают некоторые историки и исследователи, советским НКВД были расстреляны около 12 тысяч польских офицеров, плененных Красной Армией в сентябре 1939 года… Требования польской стороны подогреваются категоричным и эмоциональным признанием в 1990 году Михаилом Горбачевым, а несколько позже — и Борисом Ельциным вины своей страны в катынской драме. Однако, как отмечают фундаментальные исследователи этого вопроса, в частности Юрий Мухин, жест этот был сделан* ***на волне перестроечной эйфории без достаточных на то оснований****.*

Многие европейские историки убеждены, что ***безапелляционная и односторонняя интерпретация*** *поляками этой страницы войны не имеет веского обоснования… Прибывшая после изгнания гитлеровцев комиссия во главе с академиком Н. Н. Бурденко установила…* ***Веские доказательства*** *вины фашистов в организации и осуществлении массовой казни поляков были представлены советским обвинением Международному трибуналу в Нюрнберге…»*

Ай, молодца! «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Бог с ним, с тысячелетием — какая смелость явлена миру публицистом Черепахиным! Это же надо — назвать «безапелляционной и односторонней интерпретацией» позицию, закрепленную в решениях президентов двух стран! Такая бескомпромиссная решимость охватывает нашу «патриотическую» общественность в одном-единственном случае — когда она уже совершенно уверена в своей полной безнаказанности. Кстати, что за газета решилась опубликовать статью, в которой признанная на высшем государственном уровне вина разоблаченного преступника называется «мнением некоторых историков»? Газета называется красиво: «Красная Звезда». Да-да, та

самая, главный печатный орган Министерства обороны РФ. Не просто официальная, а суперофициальная газета, печатный орган ведомства, которому доверены «красная» и все прочие кнопки, после нажатия которых следующую газету на Земле напечатают миллиона через два лет. Газета Министерства обороны, в отличие от какого-нибудь доморощенного «Мухосранск-Daily», не имеет права прятаться за стыдливые оговорки, типа «мнение редакции может не совпадать с мнением авторов…». Так она и не прячется! Сразу после статьи Черепахина идет комментарий «От редакции». Его стоит процитировать от первого и почти до последнего слова:

«Главная военная прокуратура России отказалась признавать жертвами политических репрессий поляков, расстрелянных 65 лет назад в Катыни… Свое решение военная прокуратура объясняет тем, что нет доказательств того, что поляки, погибшие в Катыни, были осуждены в соответствии с советским Уголовным кодексом, и поэтому их невозможно признать жертвами политических репрессий. Очевидно, на этом и стоит поставить в данной истории точку: юристы, как известно, руководствуются не эмоциями, а законом. Ведь все мы — и в России, и в Польше — очень долго говорили о необходимости создания правового государства и о верховенстве закона. Так будем же следовать тем правилам, за соблюдение которых столько боролись…»

«Главная военная прокуратура России отказалась признавать жертвами политических репрессий поляков, расстрелянных 65 лет назад в Катыни… Свое решение военная прокуратура объясняет тем, что нет доказательств того, что поляки, погибшие в Катыни, были осуждены в соответствии с советским Уголовным кодексом, и поэтому их невозможно признать жертвами политических репрессий. Очевидно, на этом и стоит поставить в данной истории точку: юристы, как известно, руководствуются не эмоциями, а законом. Ведь все мы — и в России, и в Польше — очень долго говорили о необходимости создания правового государства и о верховенстве закона. Так будем же следовать тем правилам, за соблюдение которых столько боролись…»

Нет, точку на этом поставить нельзя. По всей логике здесь должна стоять запятая. Столь циничное глумление над памятью о жертвах беззакония имеет практический смысл лишь в качестве предпоследнего шага на пути к полному отрицанию того, что *«поляки, погибшие в Катыни»,* погибли не сами собой, а были расстреляны по приказу руководства ВКП(б)/НКВД. И не в том дело, что отнюдь не редколлегия «Красной Звезды» долго и больно боролась за создание правового государства и верховенство закона — само рассуждение о том, что жертвами политических репрессий не могут считаться те, кого замучили безо всякого Уголовного кодекса, противоречит как самым минимальным понятиям о совести и приличии, так и Закону. Закон этот хорошо бы знать тем, кто, оказывается, «столько боролся…». Принятый 18 октября 1991 г. Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» прямо относит к разряду жертв тех, кто был подвергнут репрессиям *«по решению внесудебных органов: коллегий, комиссий, Особых совещаний, «двоек», «троек» и других подобных органов».* Польских военнопленных обрекли на смерть (слово «приговорили» здесь будет неуместно, так как никакого суда с Уголовным кодексом не было и в помине) именно и только по политическим мотивам *(«все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти»)*, поэтому их право считаться жертвами политических репрессий основано и на букве, и на смысле «Закона о реабилитации».

Пока мемориалы в Катыни, Медном и Старобельске еще не снесены бульдозером, а портреты «фундаментального исследователя» Мухина еще не украсили в обязательном порядке школьные кабинеты, нам остается воспользоваться предоставленной отсрочкой и познакомиться с «исследователем» и его творениями поближе. Кто этот мощный старик?

Юрий Игнатьевич Мухин еще совсем не стар (родился он 22 марта 1949 г.), а мощь его писательской плодовитости не может не изумлять. В течение трех лет (с 2004 по 2006 включительно) вышло в свет 17 написанных (или подписанных?) им книг общим объемом в 5822 страницы. Заранее извиняюсь, если я не смог обнаружить и зафиксировать все творения Ю. И. Мухина. Вот названия некоторых его книг: «Тайны еврейских расистов», «За что убит Сталин?», «Антиаполлон. Лунная афера США», «Евреям о расизме», «Продажная девка генетика», «Убийцы Сталина»… Как видим, круг научных интересов писателя чрезвычайно широк — от глубин Космоса до мрачной бездны всемирного жидомасонского заговора. Ничего из вышеперечисленного я не читал, да и редкий читатель сможет донести эти книги до середины Днепра. В данном случае меня интересуют две книги г-на Мухина, изданные, соответственно, в 1995 и 2003 годах. Первая называлась относительно скромно: «Катынский детектив». Название второй уже вполне соответствовало «ветру перемен», бушующему над «встающей с колен» Россией начала XXI века: «Антироссийская подлость. Расследование фальсификации катынского дела». В 2005 году «подлость» переиздали вторым тиражом. Именно эти книги публицист Черепахин в паре с редакцией «Красной Звезды» представляет публике в качестве «фундаментальных исследований», после которых про «вину Москвы» можно писать и говорить только в кавычках.

Пишет Юрий Игнатьевич очень эмоционально — куда уж до него «некоторым историкам», которые на волне «перестроечной эйфории» что-то лепетали о преступлениях НКВД. Научные аргументы Мухина сыплются один за другим: *«Подонки из Академии наук», «придурки прессы», «тупая мразь», «пятнистый кретин», «поросячьи визги польских шляхетских уродов», «катынское дело затеяно сегодня именно для того, чтобы Польша снова стала алчной европейской проституткой с глупой надеждой на то, что если она кому-то подставится, так ей за это что-то обломится…»* И это еще скромно. Неопровержимым доказательством того, что показания бывшего начальника Калининского УНКВД Токарева не следует принимать во внимание, служит у г-на Мухина следующий пассаж: *«В конце жизни 89-летний генерал-майор КГБ Д. С. Токарев сунул свой жилистый в рот и прокурорам, и Крючкову…»* Стоит ли после этого удивляться тому, что не только редакция «Красной Звезды», но и гораздо более широкие круги так называемой патриотической общественности восторженно славят «фундаментальные исследования катынского вопроса», выполненные товарищем Мухиным?

Сразу же спешу уточнить — «антикатынские» книги Ю. И. Мухина состоят не из одной только подзаборной брани. Доказательств того, что «вина Москвы» в массовом убийстве польских офицеров ничем не доказана, у Мухина очень много. Они у него даже пронумерованы: «доказательство № 5», «доказательство № 15», «эпизод № 9», «эпизод № 109»… Их так много, они настолько убедительны *(«Правительство СССР в 1939 г. с ликвидацией Польши как государства не согласилось и, следовательно, у Советского Союза не было причин ликвидировать офицеров армии этого государства… Политбюро не имело государственной власти, оно имело власть только над коммунистами… Казнь где-то в лесу или в тюрьме больших групп неизвестно каких людей вызвала бы такие слухи и недовольство людей властью, что не только НКВД и прокурор области, но и партийная верхушка немедленно бы лишилась головы… Никогда, даже в тяжелые минуты, в СССР законная форма проведения суда над людьми не нарушалась. Не было в этом необходимости. При наличии в СССР чрезвычайных «троек» в областях и республиках можно было, в абсолютно законном порядке, тайно расстрелять кого угодно и в любом количестве…»)*, что сплошной поток этих глумливых глупостей производит на иных читателей совершенно магическое действие. Именно так монотонные удары в бубен и бессвязные выкрики шамана вводили в транс первобытных дикарей.

Если же попытаться свести выкрики Ю. И. Мухина в некую систему, то получится примерно следующее. Все документы, обнаруженные в архивах, подделаны. Эксперты, которые признали эти документы подлинными, подкуплены. Политики, поверившие в эти «фальшивки», — идиоты и враги России одновременно. Оклеветанный обвиняемый (руководство ВКП(б)/НКВД) никогда не совершал подобных преступлений, поэтому даже подозрения в его виновности являются гнусной «антироссийской подлостью». Польша и поляки — это сплошное зло (в «подлости» этой теме отведена треть книги!), но гуманизм Сталина и К° был столь велик, что даже с такой «вредительской» Польшей они обращались слишком мягко (в конце книги Мухин пишет: *«Не немцам бы это делать! Весьма было бы нелишне, чтобы пленных польских офицеров расстреляли палачи НКВД по приказу Сталина из добрых старых наганов»*).

Самое удивительное (и весьма позорное) во всей этой истории то, что «фундаментальное исследование», построенное на таких методологических основах (и написанное в столь красноречивой стилистике!), стало предметом общественной дискуссии. Читатель, далекий от всего этого безобразия, будет, наверное, немало удивлен, когда обнаружит на интернет-форумах мегатонны слов, посвященных обсуждению «открытия» Мухина, и призывы наградить «исследователя-патриота» орденом «Герой России». Забавно и одновременно печально наблюдать, как вменяемые вначале люди, оказавшиеся в этой атмосфере бреда, начинают в растерянности бормотать: «М-м-может быть в этом ч-ч-ч-что-то е-е-е-есть?»

Нет, друзья мои, в этом ничего нет, кроме безмерной наглости и мастерского (это я готов признать) использования давно известных приемов «психологической войны». Это работает. Проверено на множестве клиентов. Например, попробуйте мне доказать, что Гагарин был в космосе. Поехали? Могу еще раз повторить правила игры: все документы подделаны, все свидетели подкуплены, ничего до и ничего после (ни запусков межконтинентальных баллистических ракет, ни полетов международных экипажей на МКС) не было. Ну, и чем вы мне докажете, что «полет Гагарина» был в реальности? Сообщением ТАСС? Смешно. Кинохроника? Ну и что видно на этой кинохронике? Стоит большая ракета, «парит» кипящим в баках жидким кислородом; артист, загримированный под Гагарина, куда-то лезет… Чем вы докажете, что он потом не вылез оттуда, куда залез, а ракета стартовала без человека?

Чем докажете, что ракета не взорвалась при выходе на орбиту? Кто и как мог видеть этот орбитальный полет, если о нем сообщили только после якобы состоявшегося «приземления»? А? В глаза смотреть, с-с-сука! Чем ты докажешь… И это действует на слабые мозги отечественных «образованцев», и они начинают, дрожа и путаясь в словах, доказывать, что Сталин расписывался иногда слева-вниз-направо, а иногда слева-вверх-направо…

Друзья мои, запомните главное — никто не обязан смотреть Мухину в глаза и доказывать ему свою «неверблюдность». Есть государственные архивы, которые приняли на хранение документы. Есть эксперты-криминалисты, которые провели почерковедческую экспертизу. Точка. Мнение инженера-металлурга Ю. И. Мухина (который ни одного дня не провел в архиве и не держал в руках подлинники отвергаемых им документов) о том, как должна выглядеть настоящая подпись Сталина, никому не интересно. Подлог хранящихся в государственном архиве документов — это уголовное преступление.

Не менее тяжким преступлением является и фальсификация результатов экспертизы документов. Бремя доказательства вины подозреваемого лежит на обвинителе. Если у г-на Мухина и примкнувших к нему «катыно-патриотов» появились подозрения, то они могут пустить шапку по кругу, собрать деньги (благо сейчас Россия пухнет от нефтедолларов) и пригласить других, квалифицированных и авторитетных экспертов. Желательно из стран, не связанных с многовековыми польско-российскими разборками — из Бразилии, Швейцарии,

Норвегии… И вот если по результатам повторной экспертизы появятся основания для возбуждения уголовного дела — обратиться в суд. Можно будет и книжку написать. Но сначала — независимая профессиональная экспертиза, а митинговые завывания (если уж без них никак нельзя обойтись) — потом.

Исписав без малого тысячу страниц, Ю. И. Мухин «доказал», что доказательства вины Сталина в убийстве пленных польских офицеров несостоятельны. Противники Мухина послушно пошли за ним в безысходный тупик бесконечных словопрений о том, где и как должны стоять делопроизводственные номера, под каким углом к тексту расписывался Ворошилов, могла ли в подлинных документах фамилия Кобулов писаться через букву «а» и прочее. Разумеется, мы пойдем другим путем.

Мы пойдем совсем другим путем. Мы не станем даже обсуждать доказательства вины Сталина. Мы постараемся — с одной сотой той придирчивости, которую проявляет г-н Мухин — найти какие-нибудь доказательства вины Гитлера. Да, Гитлер был величайшим злодеем, повинным в совершении ужасающих преступлений. Это сто раз правда, но даже эта правда не является основанием для того, чтобы вменять ему в вину гибель людей от землетрясения, случившегося за 200 лет до его рождения. Каким бы изувером ни был Гитлер, его вина в убийстве польских офицеров, захваченных в плен Красной Армией, нуждается в доказательствах.

Какое отношение может это иметь к «катынскому детективу»? Самое прямое. Этот «детектив» — особый. Его уникальность в том, что перечень возможных виновников преступления состоит ровно из двух имен. Или Сталин, или Гитлер (разумеется, под этими фамилиями мы лишь персонифицируем для простоты изложения два тоталитарных террористических режима). Третьим подозреваемым могут быть только пришельцы-инопланетяне, но об этом Мухин еще ничего не написал, следовательно, тема марсиан пока не злободневна. Арестованные польские офицеры находились в тщательно охраняемых лагерях НКВД. В 1940 г. на территории Советского Союза не было незаконных вооруженных формирований такой силы, которые могли бы отбить заключенных, свезти их из трех разных лагерей в Катынь и там тайно расстрелять. Другая вооруженная сила появилась на территории СССР только 22 июня 1941 г. Только там и только тогда, где и когда появились немецкие войска, расстрел польских военнопленных теоретически мог быть совершен не Сталиным, а Гитлером.

Все в «катынском детективе» просто. Предельно просто. Так просто, что становится странно — на что было потрачено столько слов?

Медное. Это слово сразу закрывает всю дискуссию. В селе Медное немцев не было. Ни одного дня, ни одного часа. Немцев в Медном не было, а массовое захоронение расстрелянных поляков — есть.

Гитлер мог убить (и убил в реальности) сотни тысяч поляков. Гитлер мог переодеть в форму польских полицейских убитых людей из других стран и народов (если вы помните — мировая война началась с переодетых в польскую военную форму трупов у радиостанции в Глейвице). Гитлер мог сделать великое множество других преступлений — но закопать трупы расстрелянных в Медном он не мог. По отношению к расстрелу тех, кто захоронен в Медном, у злодея Гитлера есть железное, неоспоримое, непробиваемое АЛИБИ. Если польских полицейских, содержавшихся в Осташковском лагере, убил не Гитлер, значит их убил Сталин. Третьего не дано.

Захоронение было обнаружено именно в том месте, которое назвал в своих показаниях бывший начальник Калининского УНКВД, лично руководивший расстрелом узников Осташковского лагеря, Д. С. Токарев. Это, в частности, означает, что *«в конце жизни 89-летний генерал-*

майор КГБ» сделал совсем не то, о чем пишет потерявший последний стыд г-н Мухин. На пороге встречи с Высшим Судией генерал Токарев не стал брать на душу еще один грех, грех лжесвидетельства, и дал вполне правдивые показания об обстоятельствах совершенного им преступления.

Эксгумация захоронения в Медном началась (с участием польских экспертов и посла Польши в СССР) 15 августа 1991 г. По странной иронии судьбы — всего за неделю до роспуска КПСС. Но тогда об этом никто еще не знал, зато 19 августа, в первый день путча ГКЧП, *«должностные лица У КГБ СССР по Тверской области оказали определенное негативное воздействие и давление на совместную советско-польскую следственную и экспертную группу о немедленном прекращении начавшихся экссгумационных работ и убытии воинского подразделения с территории»* (цитирую по докладной записке, поданной 3 сентября 1991 г. руководством ГВП на имя Горбачева). 19 августа тверские «чекисты» так осмелели, что заявили о том, что не гарантируют *«обеспечение безопасности пребывания польской прокурорско-экспертной группы в г. Твери и н. п. Медное»*. Однако Янаев, Крючков и К° оказались, как известно, не на высоте положения, путч провалился, и работы в Медном продолжились. В течение нескольких лет кропотливой работы удалось обнаружить и идентифицировать останки 2 тысяч расстрелянных польских полицейских. То, что найти всех не удалось, не удивительно, учитывая минувшие с момента расстрела шесть десятилетий и строительство дач. Да, дач. В конце 40-х годов на месте массовых расстрелов у Медного было построено 12 дачных коттеджей для руководящего состава Калининского МГБ и МВД, а также «спецгостиница» МГБ. Песни и пляски происходили на костях расстрелянных. В прямом смысле этого слова. И ничего, кроме утреннего похмелья, ни с кем из чекистов не случилось. Гвозди бы делать из этих «людей»…

В Харьковской области, в том числе в районе деревни Пятихатки (сейчас это место называется «6-й квартал лесопарковой зоны Харькова»), немецкие войска были. Другими словами — подозреваемый преступник (Гитлер) на месте массового захоронения польских офицеров из Старобельского лагеря был замечен. Однако для того, чтобы совершить указанное преступление, подозреваемый должен был встретиться с жертвой. Могли ли пленные польские офицеры, заключенные в Старобельском лагере, встретиться под Харьковом с немецкими войсками?

Как ни парадоксально, но подозреваемый Сталин и его защитник Мухин в один голос утверждают, что такая встреча произойти никак не могла. По версии Сталина — Мухина (озвученной, в частности, и на Нюрнбергском процессе) весной 1940 г. пленные польские офицеры были вдруг лишены права на переписку с родственниками, тайно вывезены из Старобельского (а также Осташковского и Козельского) лагеря и отправлены на дорожно-строительные работы под Смоленск. В такой ситуации встретиться с немцами в Харькове узники Старобельского лагеря никак не могли. Однако при первой же эксгумации (25 июля — 9 августа 1991 г.) в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова были обнаружены останки 167 расстрелянных польских офицеров, обнаружены фрагменты польской военной формы, личные вещи и документы жертв. Эти печальные находки еще не могут служить окончательным доказательством виновности подозреваемого Сталина — расстрел в Харькове теоретически могли осуществить и немцы — но то, что подозреваемый нагло врал, да еще и пытался ввести в заблуждение Международный трибунал в Нюрнберге, становится совершенно очевидно.

Из этого затруднительного положения Мухин выходит, руководствуясь спасительным правилом: «молчание — золото». На сотнях страниц он разглагольствует о делопроизводственных различиях между «следственным делом» и «учетным делом», с ученым видом знатока разглядывает наклон подписей, но о бесследном исчезновении (писем от узников с весны 1940 г. нет, в катынских могилах их нет, в живых их тоже нет) 4 тысяч

пленных офицеров из Старобельского лагеря «фундаментальный исследователь» обмолвился лишь дважды. В своей первой книге 1995 года Мухин обронил фразу о том, что при эксгумации *«на кладбищах Харькова были обнаружены останки погребенных преступников, умерших в лагерях немецких пленных и умерших от ран в госпиталях советских воинов».* Про польских офицеров — ни слова. Да и с каких это пор заброшенная (более того — умышленно замаскированная) яма в лесу стала называться «кладбищем», на котором хоронят «умерших от ран в госпиталях советских воинов»? В изданной в 2003 г. «подлости» Мухин пошел дальше. В полном соответствии с названием книги он с глумливым смешком признает, что под Харьковом *«откопали несколько десятков простреляннных черепов...».*

Из этого затруднительного положения Мухин выходит, руководствуясь спасительным правилом: «молчание — золото». На сотнях страниц он разглагольствует о делопроизводственных различиях между «следственным делом» и «учетным делом», с ученым видом знатока разглядывает наклон подписей, но о бесследном исчезновении (писем от узников с весны 1940 г. нет, в катынских могилах их нет, в живых их тоже нет) 4 тысяч пленных офицеров из Старобельского лагеря «фундаментальный исследователь» обмолвился лишь дважды. В своей первой книге 1995 года Мухин обронил фразу о том, что при эксгумации *«на кладбищах Харькова были обнаружены останки погребенных преступников, умерших в лагерях немецких пленных и умерших от ран в госпиталях советских воинов».* Про польских офицеров — ни слова. Да и с каких это пор заброшенная (более того — умышленно замаскированная) яма в лесу стала называться «кладбищем», на котором хоронят «умерших от ран в госпиталях советских воинов»? В изданной в 2003 г. «подлости» Мухин пошел дальше. В полном соответствии с названием книги он с глумливым смешком признает, что под Харьковом *«откопали несколько десятков простреляннных черепов...».*

Отрицая факт массового захоронения польских офицеров под Харьковом, Сталин с Мухиным лишили себя возможности свалить вину за это преступление на Гитлера. Но это отнюдь не случайная ошибка. Доказать вину Гитлера в данном преступлении им едва бы удалось. Почему? Для ответа на этот вопрос посмотрите, пожалуйста, на ту дату, которую я выше просил вас подчеркнуть тремя жирными чертами. 30 июля 1941 г. был подписан советско-польский Протокол, в соответствии с которым подлежали освобождению «все польские граждане, содержащиеся ныне в заключении на советской территории». 12 августа был издан Указ Президиума ВС СССР об амнистии польских граждан. А когда немцы заняли Харьков? 24 октября 1941 г. 24 октября. Без малого через три месяца после подписания советско-польского Протокола и месяц спустя после киевской катастрофы (окружения и разгрома полумиллионной группировки советских войск на восточном берегу Днепра в районе Киева).

Но и это еще не все. В Старобельском лагере разместился один из мобилизационных пунктов, в котором работали советско-польские призывные комиссии, занятые (как это и было предусмотрено межправительственным соглашением) формированием на территории СССР польской армии. Из всего этого следует, что Сталину предстояло или выполнить свои обязательства и освободить польских офицеров из Старобельского лагеря, или — если эти офицеры были ему очень нужны для каких-то особых тайных дел — вывезти их из Старобельска в глухую сибирскую тайгу. Сталин был известным обманщиком, но он никогда не был идиотом. Можно допустить, что Сталин обманул польское правительство и не стал освобождать польских офицеров, но как же можно было после этого оставлять их в прифронтовой зоне, да еще и рядом с призывным пунктом польской армии? Времени для эвакуации заключенных было предостаточно — даже после разгрома Юго-Западного фронта под Киевом немцы шли от Днепра до Харькова целый месяц.

Можно ли поверить в такое развитие событий? Поверить в это трудно — но предположим на

секунду, что именно таким фантастическим образом 4 тысячи польских офицеров оказались в руках у немцев. Где же в таком случае документы служебного расследования? Где приговор военного трибунала по делу о командирах конвойных войск НКВД, по вине которых особо важные (и для какой-то особой надобности нужные Сталину) «преступники» оказались в руках противника? Наконец, что делают немцы, получившие такую ошеломляющую возможность вбить клин в складывающуюся антигитлеровскую коалицию? Вместо того чтобы предъявить всему миру факт двуличной игры Сталина, они тайно (???) расстреливают польских офицеров и никогда об этом больше не вспоминают. Не вспоминают даже в то время, когда раскручивают международный скандал вокруг захоронения в Катыни.

Да, у подозреваемого Гитлера в отношении убийства пленных польских офицеров из Старобельского лагеря нет такого абсолютного алиби, какое у него есть в отношении преступления в Медном. Но вся совокупность известных фактов позволяет с вероятностью в 99,999 % говорить о том, что к массовому расстрелу под Харьковом Гитлер не имел ни малейшего отношения. Более того, он даже никогда не узнал об этом событии. А это значит, что убийца — Сталин.

Неоспоримая вина Сталина в убийстве польских узников Осташковского и Старобельского лагерей позволяет сделать целый ряд юридически значимых выводов. Во-первых, вина Москвы в убийстве польских офицеров — даже если предположить, что расстрел в Катыни был делом рук Гитлера — уже доказана. Убийство 10 тысяч безоружных людей ничуть не менее, нежели убийство 14,5 тысячи может быть признано преступлением, к которому *«есть все основания применить пункт «б» статьи 6 Устава Нюрнбергского Международного военного трибунала, который относит к военным преступлениям нарушения законов или обычаев войны, в частности — убийство или истязание военнопленных»* (цитирую Заключение Комиссии экспертов Главной военной прокуратуры РФ).

Во-вторых, подтверждается подлинность обнаруженных в архивах документов (письмо Берия, решение Политбюро), причем подтверждается не разглядыванием подписей и бумажных волокон под микроскопом (в конце концов, при наличии желания и денег можно подделать любую бумагу), а реальным фактом исполнения именно тех решений, которые зафиксированы в документах руководства ВКП(б)/НКВД.

В-третьих, мы убеждаемся в том, что подозреваемый Сталин постоянно врет. Все лето и всю осень 1941 г. поляки одолевали Сталина вопросами о том, куда делись пленные офицеры. Все это время Сталин врал им в глаза, разыгрывал скромные любительские спектакли (в присутствии польского посла куда-то звонил по телефону и, получив от телефонной трубки «ответ», объяснял, что все давно уже освобождены и просто скрываются от призыва в армию); однажды на полном серьезе предложил поискать «сбежавших польских офицеров» в… Маньчжурии. При этом Сталин доподлинно знал, что останки расстрелянных офицеров и полицейских надо искать не в Маньчжурии, а в месте тайных захоронений НКВД в Пятихатках и в Медном. Если даже поверить на секунду в версию о том, что узники Козельского лагеря были отправлены на дорожно-строительные работы под Смоленск, где их в июле 41-го бросила охрана, то Сталин мог бы рассказать представителям польского правительства эту «правду», а не издевательские байки про Маньчжурию. Такое поведение подозреваемого в любом суде будет расценено как косвенное доказательство его виновности.

В-четвертых, становится понятной странная, на первый взгляд, линия поведения комиссии Бурденко и советских обвинителей на Нюрнбергском трибунале. Советская сторона упорно настаивает на том, что в Катыни было расстреляно 11 тыс. польских военнопленных, но при этом не предпринимает никаких усилий к тому, чтобы обнаружить их останки, и прекращает эксгумационные работы после обнаружения 925 тел убитых. За те без малого два года, что

прошли с момента освобождения Смоленска до слушания «катынского дела» в Нюрнберге, можно было перевернуть вверх дном весь Катынский лес. Однако «комиссия НКВД» (именно так следует по сути дела называть комиссию Бурденко) ничего подобного не делает, так как доподлинно знает, что кроме останков 4,5 тыс. расстрелянных в Катыни узников Козельского лагеря никаких других трупов в польской военной форме, с польскими орденами и знаками различия, с письмами и документами на польском языке найти не удастся. Поэтому в Нюрнберге советские прокуроры и «свидетели» просто и незатейливо врут.

Переходим теперь к третьему по счету событию преступления, к расстрелу в Катынском лесу. Подозреваемый Гитлер обвиняется в совершении двух преступлений: убийстве пленных польских офицеров, захваченных немецкой армией в районе Смоленска в июле 41-го, и в организации провокации международного масштаба в апреле 43-го года. Теоретически подозреваемый мог совершить оба эти преступления. «Бригада Сталина — Мухина» имела в своем распоряжении военные архивы поверженной Германии, сотни тысяч пленных офицеров вермахта и СС, статус страны-победительницы, на законных основаниях оккупирующей часть Германии, и 60 лет времени на поиски доказательств вины Гитлера. И что же она нашла?

Впрочем, поиски в немецких архивах и допрос немецких подозреваемых могут быть лишь вторым этапом расследования. На первом надо выяснить — как и при каких обстоятельствах 4,5 тысячи польских военнопленных, якобы помещенных в три «лагеря особого назначения» с карикатурнонелепыми вымышленными названиями (№ 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН), оказались в лапах у гитлеровцев? Где была особо проверенная охрана этих «лагерей особого назначения», почему она позорно бросила вверенный ей контингент? Г-н Мухин решает этот вопрос с завидной легкостью. С треском разорвав майку на груди, он начинает истошно вопить:

«Потому что проклятая 2-я немецкая армия со 2-й танковой группой, начав наступление 10 июля в 200 км от Смоленска, 16 июля уже взяла его с юга, и никто ее остановить не смог. А не менее проклятая 9-я немецкая армия с 3-й танковой группой, зайдя с севера, в это время взяла Духовщину и вела бой за Ярцево — железнодорожную станцию на востоке от Смоленска…»

Я готов немедленно согласиться с тем, что 2-я, 3-я, 4-я и все прочие армии вермахта должны быть прокляты на веки веков. Но для расследования преступления одних этих выкриков будет маловато. Для начала следует выяснить — что должны были делать и что реально делали начальники Тюремного управления НКВД и Управления конвойных войск НКВД в ситуации, когда «одна проклятая немецкая армия — справа, другая — слева…». Напрасно, очень напрасно «бригада Мухина — Сталина» надеялась на то, что секретные отчеты Тюремного управления НКВД о ходе и итогах «эвакуации тюрем» никогда не будут обнародованы: *«…В 12.00 часов 23.06 по распоряжению начальника тов. Стана заключенные были выведены обратно на прогулочный двор и из всех заключенных были отобраны 14 человек, осужденных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.40 г.* (это те, кто опоздал на работу более чем на час. — *М. С.*), *30 человек, осужденных по бытовым статьям УК, и 40 человек малолеток. Указники и бытовики в количестве 44 человек были освобождены, а малолетки водворены обратно в камеры. После отбора 84 указанных заключенных начальником 2-го отдела УНКГБ тов. Гончаровым, сотрудником УНКГБ Дворкиным, Нач. Тюремного отделения УНКВД тов. Станом при участии других сотрудников НКГБ и НКВД оставшиеся на прогулочном дворе около 2000 заключенных были расстреляны. Весь учетный материал и личные дела заключенных сожжены…*

Тов. Климов дал распоряжение по телефону — при невозможности эвакуации намеченный контингент ЗКк отправке уничтожить, а остальных заключенных освободить… в 20.00 я

приступил к выполнению распоряжения зам. начальника УНКВД по уничтожению ЗК по к-р. ст. (контрреволюционным статьям. — *М. С.*), *но так как противник занял ст. Дубно и продолжал наступать на город, [уничтожить] всех ЗК, подлежавших к уничтожению, не смог, осталось закрытых в камерах около 60–70 чел. В 22 ч. 30 мин. с остальным личным составом пришлось оставить тюрьму и отправиться в г. Ровно…*

Из тюрем Львовской области убыло по 1-й категории 2464 человека, освобождено 808 заключенных, вывезено перебежчиков 201 и оставлено в тюрьмах 1546, главным образом обвиняемые за бытовые преступления… Все убывшие по 1-й категории заключенные погребены в ямах, вырытых в подвалах тюрем, а в гор. Злочеве — в саду…

По состоянию на 22/VI в тюрьме г. Тарнополь содержалось 1790 чел. заключенных. Из этого количества 560 чел. убыло по 1-й категории. Погребение произведено в вырытых специально для этой цели ямах, однако часть 197 чел. погребены в подвале НКГБ, мелко очень зарыты, операцию проводил нач. УНКГБ…

Из 3-х тюрем г. Станислава, Коломыи, Печенежина этапировано вагонами 1376 чел. По 1-й категории убыло 1000 человек. По заявлению нач. тюрьмы г. Станислава т. Гриценко погребение произведено за пределами тюрьмы в вырытой для этой цели яме. Часть 1-й категории погребено на территории тюрьмы в яме…

В тюрьме г. Бережаны по состоянию на 28/У1-с/г содержалось 376 чел. заключенных, убыло по 1-й категории 174 чел. Погребение произведено в расположении воинской части (старая крепость).

Из общего количества убывших по 1-й категории осталось в подвале тюрьмы 20 человек, которых не успели вывезти, так как нач. райотдела НКГБ Максимов категорически отказал в предоставлении машин для вывоза трупов…»

Недостатки в работе, проявленные при эвакуации тюрьмы г. Бережаны, нашли свое отражение в нескольких длинных и нудных объяснительных записках:

«… Машины в кол. 2-х штук были представлены лишь только в 21 ч. 30 мин. 29.06.41, а в 22 часов г. Бережаны подверглись усиленной интенсивной бомбардировке, из города власти ушли. Нач. НКГБ т. Максимов оставил свои машины, ушел пешком, к этому времени на 2-х машинах в тюрьме погружено 40 трупов, и я дал распоряжение вывезти их в приготовленную яму. Не доезжая ямы 400 м, машины попали под сильную бомбардировку и пул. обстрел. У одной машины был пробит радиатор, легко ранен один надзиратель, машины брошены в 400 м от ямы, в городе оставаться было невозможно, мы вышли за город и оттуда мною были посланы за машинами с трупами нач. тюрьмы тов. Красан и опер. упол. Литвин, чтобы выбросить в яму трупы и забрать из подвала тюрьмы 20 трупов, также отвезти в ту же яму. Нач. тюрьмы тов. Красан моего распоряжения не выполнил, не завез трупы в яму, а выбросил их в реку под мост и не вывез 20 трупов с подвала, доложив мне о том, что это сделать невозможно ввиду сильной бомбардировки…»

Это — первая неделя войны в западных областях Украины. Да, имеют место неразбериха, суета, противоречивые приказы, взаимные упреки начальников НКВД и НКГБ. Но вот чего нет и в помине, так это бесследного исчезновения нескольких тысяч «ЗК по к. р. ст». Все пересчитаны, по большей части расстреляны, места убийств по возможности замаскированы. Там, где противник в первую неделю практически не наступал (участок тогдашней советско-венгерской границы в районе г. Станислав, ныне Ивано-Франковск), значительная часть заключенных не «эвакуирована по 1-й категории», а вывезена живыми в глубь страны. В

дальнейшем, после того как государственно-карательная машина пришла в себя после шока первых дней войны, порядок эвакуации тюрем начинает входить в рамки жестких директивных указаний:

«… 7. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага.

2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т. п. особо опасных (т. е. советская законность, которую так восхваляет Мухин, предполагала возможность существования особо опасных беременных и несовершеннолетних «диверсантов». — *М. С.*), — *освобождать.*

3. Всех осужденных по Указам Президиума ВС СССР от 26.6, а также осужденных за бытовые, служебные и другие маловажные преступления… использовать организованно на работах оборонного характера по указанию военного командования, с досрочным освобождением в момент эвакуации охраны тюрьмы.

4. Ко всем остальным заключенным (в том числе дезертирам) применять ВМН — расстрел…»

А вот теперь, преодолевая естественное омерзение, попытаемся прочитать то, что пишет г-н Мухин про обстоятельства исчезновения польских военнопленных:

«…Пленные взбунтовались и решили сменить исправительно-трудовой лагерь в СССР на лагерь военнопленных у цивилизованных немцев… С конвоем ушли только несколько человек, евреев по национальности, остальные остались ждать «обхождения в соответствии с принятыми международными нормами». Вот и дождались…»

Вон оно как: заключенные «лагерей особого назначения» взбунтовались, а конвой стыдливо опустил глазки и, извинившись за доставленные ранее неудобства, ушел. С песнями и евреями. Кстати, где они? Где эти важнейшие свидетели — единственные, кто бы мог подтвердить факт существования мифических «№ 1-ОН, № 2-ОН…». Почему на Нюрнбергском процессе в качестве «свидетелей обвинения» выступали смоленский прислужник оккупантов и профессор из Болгарии, а не эти загадочные *«несколько человек, евреев по национальности»*? И почему «бригада Мухина — Сталина» за 60 лет так и не обнаружила в своих собственных, советских архивах никаких документов, никакой служебной переписки по совершенно невероятному факту оставления противнику нескольких тысяч зэков-иностранцев? По поводу оставления 20 незамаскированных трупов несчастных украинских крестьян, расстрелянных в местечке Бережаны, поднялся целый скандал, а 4,5 тысячи (или даже 11 тысяч — по версии Мухина — Сталина) польских офицеров оставили немцам просто так? И никому за это даже выговор не объявили?

Абсурдная сама по себе история про «лагерь особого назначения», уйти из которого было проще, чем сбежать на речку из пионерского лагеря, становится окончательно маразматической, если «наложить» ее на версию Мухина (товарищ Сталин и комиссия Бурденко до такого не додумались) о причине появления этих самых «ОН».

Есть факт, очевидный и бесспорный — с весны 1940 г. родственники пленных польских офицеров перестали получать от них письма. У этого факта есть простое объяснение — именно в это время пленные были расстреляны. Мертвые не пишут. Такое объяснение, разумеется, не устраивало советскую пропаганду, но ничего другого она придумать не смогла, и поэтому факт

прекращения переписки просто обходился молчанием. Мухин попытался стать большим сталинистом, нежели сам товарищ Сталин, и изобрел следующую издевательски-глупую историю. Кормить задарма пленных офицеров было слишком накладно *(«у Советского Союза на руках появилась обуза в виде 9000 здоровых злобных мужиков, которые никакой пользы не приносили, но которых требовалось кормить неизвестно сколько времени»)*, поэтому их отправили… нет, не домой к семьям, а на дорожно-строительные работы. Но — робкий и застенчивый Сталин стеснялся признаться в том, что польские офицеры в советском плену работают. Разорвать в одностороннем порядке договор о ненападении с Польшей — не стеснялся. Не стеснялся на глазах всего мира подписать с Гитлером соглашение о ликвидации польского государства и разделе его территории («Договор о дружбе и границе»), не стеснялся устами Молотова назвать Польшу «уродливым детищем Версальского договора», не стеснялся держать в лагерях «пленных» необъявленной войны более года после окончания этой войны — а вот сообщить о том, что офицеры работают лопатой и кувалдой — застеснялся *(«признать, что пленные офицеры направлены в трудовые лагеря, для советского правительства было невозможно и в мирное время, и тем более во время войны»).*

Весь этот вздор придуман Мухиным только для того, чтобы произнести следующую, еще большую глупость: *«К чему это автоматически должно было привести? Само собой, к лишению их права переписки — они не должны были никому сообщать о своем осуждении»*. Тюрьма изобретена гораздо раньше письменности, но с тех пор, как люди научились читать и писать, письма заключенных проходят цензуру. Порядок известен — в лагерях польские военнопленные сдавали свои письма администрации в открытых конвертах, чтобы цензору не приходилось даже тратить лишнюю минуту на распечатывание. «Само собой», достаточно было один раз объяснить полякам, что письмо с малейшим упоминанием о работе на стройке немедленно выкинут в печку, и выдуманная Мухиным «великая тайна Сталина» была бы надежно сохранена. В конце концов, и пленному, и его семье важно было не столько содержание, сколько сам факт получения письма: если пишет, значит еще жив. Так вот, совмещая обе бредовые версии Мухина, мы приходим к тому, что для советского правительства допустить разглашение тайны работы пленных *«было невозможно и в мирное время, и тем более во время войны»,* но именно во время войны 11 тыс. польских офицеров были беспрепятственно оставлены противнику в качестве живых свидетелей — с лопатами и киркой в руках…

Невероятная, противоречащая реальной практике эвакуации тюрем, не подтвержденная ни одним документом, ни одним свидетелем, выдумка о том, что пленные польские офицеры в полном составе были оставлены конвоем НКВД и в том же полном составе, без единого уцелевшего, попали в руки немцев, делает, строго говоря, дальнейшее обсуждение излишним. Так не бывает.

Никакой «линии фронта» в общепринятом значении этих слов в середине июля в районе Смоленска не было. Было несколько танковых и моторизованных дивизий вермахта, которые с разных сторон подошли к Смоленску, Ельне и Ярцево, оторвавшись от своей пехоты на 100–200 км. 21 июля началось контрнаступление советских войск, в ходе которого пять армейских оперативных групп нанесли удары из районов Белого, Ярцева и Рославля по сходящимся направлениям на Смоленск с целью деблокировать окруженные северо-восточнее Смоленска войска 16-й и 20-й армий. Ожесточенное смоленское сражение продолжалось до 5 августа (как считал командующий группы армий «Центр») или даже до 10 сентября (как пишут советские военные историки). В этом хаосе ударов и контрударов, на театре военных действий, который представлял собой «многослойный пирог» из рубежей обороны немецких и советских войск, по меньшей мере, часть польских офицеров имела возможность или отойти на восток, или, напротив, уйти на запад, в Белоруссию, где были многочисленные деревни и

местечки с преобладающим польским населением.

Однако ни одного (!!!) живого человека, который бы был участником или свидетелем блужданий многотысячной толпы в польской военной форме по лесам и дорогам Смоленщины, так и не найдено. Ни одного. Тем не менее предположим невозможное возможным и рассмотрим гипотетические варианты действий подозреваемого Гитлера.

По здравой логике, подозреваемый Гитлер должен был использовать попавших в его руки польских офицеров с пользой для себя. Среди нескольких тысяч человек всегда находятся те, кого угрозой смерти, обманом или подкупом удается склонить к сотрудничеству. Именно так — и никак не иначе — Гитлер использовал многотысячные толпы пленных красноармейцев. Кого-то вербовали в диверсионно-разведывательные подразделения, кого-то отправляли работать в тыловые, ремонтно-строительные, транспортные части вермахта, кого-то заставляли подписывать листовки с рассказами о привольной и сытной жизни в немецком плену… Всех остальных сгоняли на огромные, окруженные колючей проволокой поляны, где морили голодом и дизентерией. Обращение с пленными было предельно жестоким — но никаких массовых, многотысячных расстрелов не было. И уж тем более массовые расстрелы не совершались таким долгим и трудоемким способом, как выстрел в затылок каждому из обреченных. Если же поверить «бригаде Мухина — Сталина», то с польскими офицерами подозреваемый Гитлер поступил самым нестандартным образом: тайно расстрелял и тайно захоронил, не предприняв ни одной попытки использовать их в пропагандистских, военных, разведывательных целях.

Может такое быть? Такого быть не может, но мы в очередной раз поверим в невозможное, а значит, в очередной раз зададим неизбежные вопросы: где свидетели? где документы? где приказы? где имена, звания и должности палачей? Гуманности в вермахте и СС, конечно, не было, но порядок был. Известно, что после массовых расстрелов еврейского населения составлялись точные сводки использованных патронов и израсходованного на перевозку жертв и трупов бензина. Чему-чему, но аккуратности и дисциплине немцев учить не надо. И какие же ответы на эти очевидные вопросы нашла за 60 лет «бригада Мухина — Сталина» в трофейных немецких архивах, в протоколах допросов пленных офицеров вермахта и СС? Увы, ничего свежее и умнее, чем разоблаченный в ходе Нюрнбергского процесса рассказ про обер-лейтенанта Аренса и 537-й «саперный полк», который потом превратился в полк связи с тем же номером, так и не предъявлено.

Едва ли найдется суд, который после такого нагромождения нелепостей и несуразностей в позиции обвинения не освободит обвиняемого прямо в зале судебного заседания. Ничего, кроме явного желания запутать следствие и скрытого намерения выгородить истинного убийцу, «прокурор Мухин» так и не предъявил.

Насколько сомнительной является вина подозреваемого Гитлера в убийстве польских офицеров, настолько же очевидным и бесспорным является то, что именно немцы (а не подозреваемый Сталин!) подняли огромный международный скандал вокруг захоронения в Катынском лесу. В апреле 1943 г. немцы везли к раскрытым могилам в Катыни всех, кого только могли привезти: экспертов Красного Креста, журналистов со всего мира, польских военнопленных, католических священников, солдат вермахта… Получается, что подозреваемый Гитлер изо всех сил старался убедить весь мир в том, что убийство на самом деле произошло. Такое странное поведение убийцы по версии Мухина — Сталина объясняется тем, что, совершив одно преступление (убийство польских военнопленных), Гитлер решил совершить следующее преступление — клеветнически обвинить невинного Сталина.

Сразу же возникает частный, не имеющий принципиального значения, но все же интересный

вопрос — почему подозреваемый Гитлер тянул столько времени с осуществлением своего подлого замысла? Почему немцы, которые по версии Мухина — Сталина сами же и расстреляли польских офицеров, подняли грандиозный шум вокруг захоронения в Катынском лесу только весной 1943 года, т. е. после вывода польской армии (известной как «армия Андерса») с территории СССР? По состоянию на 1 марта 1942 г. в польской армии, сформированной в СССР, числилось 60 тыс. человек, шесть пехотных дивизий; в стадии формирования находились еще четыре пехотные дивизии, танковый и кавалерийский полки, артиллерийская бригада. Согласитесь, что, учитывая горячий (а часто и безрассудный) польский характер, обнародование весной 1942 года факта массового убийства польских офицеров открывало перед Гитлером совершенно удивительные возможности… Но он их почему-то упустил.

Мудрый Мухин понимает, что вопрос этот существует, поэтому дает на него ответ, который без тени смущения называет «доказательством № 6 версии Сталина». Прошу прощения, но звучит это так: *«Мы должны понимать следующее. Немцы расстреливали поляков осенью и зимой* (комиссия Бурденко на основании показаний «свидетелей» неопровержимо «установила» время расстрела как август-сентябрь, но Мухину нужна «осень-зима» для объяснения наличия теплой одежды на трупах расстрелянных. — *М. С.*), *то есть трупы остывали уже на морозном воздухе, сбрасывались в промерзшие могилы и засыпались промерзшей землей. Они были как в морге. Раскапывать их весной 1942 года было нельзя, они были еще не тронуты тленом. Другого объяснения нет».*

Оцените настойчивость, с которой г-н Мухин проводит свой сеанс камлания: *«Мы должны понимать… Другого объяснения нет…»* Другое объяснение есть. Весной 1942 г. немцы понятия не имели о том, что в Катынском лесу находится массовое захоронение польских офицеров. Вот и все. Самое простое объяснение. Что же касается «тлена»… Уважаемый читатель, в предисловии я обещал вам «простую и веселую книгу». В данной главе мне уже пришлось выйти за всякие рамки простоты и веселости. Сейчас (а дальше будет еще хуже) наш разговор подошел к обсуждению таких обстоятельств дела, которые находятся за гранью допустимого в светских беседах. Вынужден вас об этом предупредить; если вам это неприятно — можете сразу же перейти к следующей главе. В принципе все главное о так называемом «катынском вопросе» вы уже знаете…

Мудрый Мухин понимает, что вопрос этот существует, поэтому дает на него ответ, который без тени смущения называет «доказательством № 6 версии Сталина». Прошу прощения, но звучит это так: *«Мы должны понимать следующее. Немцы расстреливали поляков осенью и зимой* (комиссия Бурденко на основании показаний «свидетелей» неопровержимо «установила» время расстрела как август-сентябрь, но Мухину нужна «осень-зима» для объяснения наличия теплой одежды на трупах расстрелянных. — *М. С.*), *то есть трупы остывали уже на морозном воздухе, сбрасывались в промерзшие могилы и засыпались промерзшей землей. Они были как в морге. Раскапывать их весной 1942 года было нельзя, они были еще не тронуты тленом. Другого объяснения нет».*

Оцените настойчивость, с которой г-н Мухин проводит свой сеанс камлания: *«Мы должны понимать… Другого объяснения нет…»* Другое объяснение есть. Весной 1942 г. немцы понятия не имели о том, что в Катынском лесу находится массовое захоронение польских офицеров. Вот и все. Самое простое объяснение. Что же касается «тлена»… Уважаемый читатель, в предисловии я обещал вам «простую и веселую книгу». В данной главе мне уже пришлось выйти за всякие рамки простоты и веселости. Сейчас (а дальше будет еще хуже) наш разговор подошел к обсуждению таких обстоятельств дела, которые находятся за гранью допустимого в светских беседах. Вынужден вас об этом предупредить; если вам это неприятно

— можете сразу же перейти к следующей главе. В принципе все главное о так называемом «катынском вопросе» вы уже знаете…

Разумеется, я не претендую на роль профессионального патологоанатома. Однако даже из школьного курса химии должно быть понятно, что скорость того, что называется «гнилостный распад», зависит от температуры и притока кислорода. В мощном морозильнике мясо убитой коровы лежит «без тлена» на протяжении нескольких месяцев (или даже лет). Что будет с мясом на летнем солнцепеке? Я не могу назвать точные цифры потребной температуры и влажности, но в целом понятно, что, разместив трупы расстрелянных в теплом (или жарком) помещении, немцы могли получить к весне 1942 г. любую необходимую степень «тлена», после чего можно было закопать полуразложившиеся останки в землю и начинать пропагандистскую кампанию.

Теперь от гаданий переходим к обсуждению того, что было на самом деле. Обнаруженные и осмотренные комиссией польского Красного Креста и международной комиссией экспертов трупы были одеты в теплую одежду. Датский врач Х. Трансен (участник движения Сопротивления, проведший последний год войны, с июля 1944 г. по май 1945 г., в немецком концлагере) обращает внимание на еще одну важную деталь: *«Мне, как специалисту в области судебной медицины, сразу бросилось в глаза отсутствие primaris cadaverosis, то есть начального разложения трупа сразу после убийства. Среди тел не было ни следа мух, червей, вообще никаких насекомых — ничего указывающего на то, что во время захоронения было тепло».* На трупах было обнаружено более 3 тыс. самых разных бумаг, но ни одного письма, обрывка газеты, квитанции, справки с датой позже апреля — мая 1940 г. найдено не было. Именно эти обстоятельства сразу же привели всех участников эксгумации к предположению о том, что расстрел произошел весной 1940 года, то есть более чем за год до появления немецких войск на Смоленщине.

Это есть факт. Этот факт становится еще одним доказательством того, что злодей, негодяй и людоед Гитлер по отношению к преступлению, совершенному в Катыни, имеет очевидное алиби. Комиссия Бурденко и советская сторона обвинения на Нюрнбергском процессе или просто игнорировали этот факт, или огульно объявляли всех участников эксгумации «пособниками подлого преступления гитлеровцев».

Мухин и в этом эпизоде старается стать большим сталинистом, нежели сам Сталин. Поэтому на десятках страниц он настойчиво, с многократными повторами, с истерическими выкриками *(«такраскапывали подручные Геббельса могилы поляков до показа их комиссиям, сортировали документы, или вы будете уверять весь мир в честности гитлеровских подонков?»)* утверждает, заклинает и уверяет: немцы ГОТОВИЛИ трупы расстрелянных ими польских офицеров к показу. По версии Мухина, немцы за два месяца (февраль — март 1943 г.) до приезда польской и международной комиссий экспертов вскрыли могилы, обыскали трупы, изъяли все документы с датами позже апреля — мая 1940 г., потом снова зарыли, утрамбовали (г-н Мухин приводит даже расчет времени и технологию проведения необходимых для этого земляных работ) и только после завершения подготовки подняли крик на весь мир.

Возможно ли это? Конечно, возможно. Ничего противоречащего фундаментальным законам сохранения материи и энергии в версии Мухина нет. Было бы желание и ресурсы — сделать можно все, что угодно. Нам остается только возможно точнее оценить — что именно предстояло сделать?

«…Местные рабочие спускаются в ямы, где покоятся убитые, и разделяют останки, причем часто приходится их отрывать друг от друга — настолько сплющены и спрессованы слои трупов. Мундиры, конечно, слежавшиеся, слипшиеся, выцветшие. О том, чтобы

расстегнуть пуговицы, не может быть и речи. Вход пускают ножи. Чтобы достать все, что человек носил с собой при жизни, разрезаются карманы, кармашки и даже голенища сапог…» (Ю. Мацкевич).

«…Документы — в том состоянии, в каком они находились на трупах, — деревянными палочками тщательно очищались от грязи, жира и гнили…» (К. Скаржинский).

«…Несомненно было, что трупы никто не перекладывал. Верхние слои плотно прилегали к нижним. Не буду вдаваться в объяснения химических процессов, которые к тому времени уже должны были произойти, вызвав слипание этих слоев. Картина однозначно свидетельствовала о том, что трупы лежат здесь уже несколько лет…» (И. Бартошевский).

«…Было очевидно, что останки пролежали вместе в могилах много месяцев. Трупы лежали вплотную один к другому и были так спрессованы, что стоило большого труда их разделить… Все мундиры, все белье и вся обувь явно были подходящими по размеру, да и обтягивали тела так плотно, что, по-моему, снять эти мундиры, а затем одеть трупы заново, было бы не только трудно, но попросту невозможно… Высохшая мозговая масса располагалась таким образом, что было ясно: тело не сдвигали с места и не переворачивали по меньшей мере два года, а вполне вероятно, и гораздо дольше…» (Х. Трансен).

Так выглядело то, что эксгумировали в апреле 1943 года. Следовательно, от немцев, — если они на самом деле занимались «подготовкой» трупов расстрелянных ими польских офицеров, — требовалось осторожно разделить слипшееся месиво тел, с ювелирной аккуратностью расстегнуть пуговицы на истлевшей одежде, снять сапоги с полуразложившихся трупов, извлечь все бумаги, очистить их *«от грязи, жира и гнили»*, отобрать и уничтожить все свидетельства того, что к началу лета 1941 г. убитые были еще живы, снова испачкать оставленные «для показа» документы в трупной гнили, спрятать их в карманы одежды, в голенища сапог… И проделать это надо было 4243 раза. После этого оставалось только «одеть и обуть» останки и утрамбовать трупы в яме, да так, чтобы даже профессиональные судмедэксперты ни о чем не догадались.

Возможно ли это? Возможно. Очень трудно, почти невероятно, но если приложить колоссальные усилия, привлечь лучших специалистов… Чудеса иногда случаются. Или могут случиться. Стул, на котором вы сейчас сидите, может летать. Этот физический парадокс называется (если мне не изменяет память) по имени ученого, который до такого додумался, «чудо Джинса». Стул состоит из молекул. Молекулы непрерывно, но хаотично, движутся. Существует бесконечно малая (но не равная нулю!) вероятность того, что в один сказочный миг все молекулы двинутся в одну сторону — и стул взлетит в воздух. История о том, что немцы проделали вышеописанные манипуляции с трупами — и никто, ни один эксперт не заметил подлога — относится к разряду «чуда Джинса». Невероятно, но в принципе возможно. И вот только теперь мы подходим к тому обстоятельству «катынского дела», о котором обычно пишут в первых же строчках даже самых коротких статей на эту тему:

«…Судя по пулям, извлеченным из трупов офицеров, а также по обнаруженным в песке гильзам, выстрелы производились из короткоствольного оружия калибра 7,65 мм. Похоже, эти пули немецкого происхождения. Опасаясь, как бы большевики не использовали это обстоятельство в своих интересах, немецкие власти бдительно следили, чтобы члены Комиссии ПКК не спрятали ни одной пули или гильзы. Наивно было рассчитывать на эффективность этого распоряжения: уследить за его выполнением было невозможно…» (из отчета Технической комиссии польского Красного Креста).

Уследить не удалось, стреляных гильз с немецкой маркировкой было слишком много. Специалистам не стоило большого труда определить, что польских офицеров в Катыни расстреливали немецкими пистолетами «Вальтер». Разумеется, с использованием немецких же патронов.

Уследить не удалось, стреляных гильз с немецкой маркировкой было слишком много. Специалистам не стоило большого труда определить, что польских офицеров в Катыни расстреливали немецкими пистолетами «Вальтер». Разумеется, с использованием немецких же патронов.

До появления Мухина вся «бригада Сталина» наперебой рассказывала об этом факте (а это несомненный, бесспорный факт), как о неопровержимом доказательстве того, что поляков в Катыни убивали немцы. Я же готов признать, что г-н Мухин умнее всех своих предшественников из «бригады Сталина», вместе взятых. Мухин понимает две простые вещи:

— к августу 1941 г. в распоряжении вермахта было уже более миллиона единиц советского стрелкового оружия и совершенно астрономическое количество боеприпасов к нему (всего во втором полугодии 1941 г. на брошенных складах было потеряно 360 миллионов патронов к пистолету ТТ, они же патроны «автомату» ППШ). Таким количеством боеприпасов немцы могли перестрелять пол-Европы, не говоря уже про 4,5 тысячи польских военнопленных;

— захоронение в Катыни не было обнаружено «бригадой Сталина»; оно было обнаружено и с невероятным шумом и пропагандистским треском предъявлено миру «бригадой Геббельса». Следовательно, надо как-то объяснить тот парадоксальный факт, что немцы привезли иностранных экспертов и журналистов к разрытым могилам, заваленным немецкими же гильзами.

Немецкие гильзы на месте расстрела являются, по сути дела, косвенным доказательством непричастности подозреваемого Гитлера к убийству польских офицеров в Катыни. Логика тут очень простая. Если немцы изначально планировали свалить вину за совершенное ими преступление на Сталина, то они могли использовать для убийства советское оружие и советские боеприпасы, которые были у них в огромном количестве. Если подлый план обвинить в убийстве Сталина пришел в голову Геббельса уже после расстрела польских офицеров, то немцам следовало немного потрудиться, собрать гильзы от «Вальтера» и высыпать в яму если и не все 360 млн, то хотя бы 360 штук гильз от пистолета ТТ. Кстати, у пистолета ТТ калибр 7,62 мм, а разницу в три сотых миллиметра (7,65–7,62) во входных отверстиях в простреленных черепах (простите за цинизм) обнаружить при осмотре практически невозможно.

Мухин понимает, что это противоречие надо как-то объяснить, и предъявляет свое, весьма смелое и как всегда хамское, объяснение: *«Спешка и неуважение к умственным способностям поляков и остальной европейской интеллигенции».* Вот оно что. Спешка. Не терпелось Геббельсу выслужиться перед Гитлером, показать свое усердие и проворство, вот и результат — сначала привезли в Катынь толпу иностранцев, а потом только вспомнили о том, что сами же и расстреляли польских офицеров, и место расстрела усеяно гильзами от немецкого «Вальтера».

Может такое быть? Может профессионал политических провокаций забыть такие простейшие вещи, известные всякому старшекласснику, начитавшемуся детективных рассказов? Конечно, может. Мы же с вами уже выяснили, что даже стул может сам собой летать по воздуху.

Но только в одну сторону.

Немцы могли проявить невероятную, практически невозможную тщательность в пресловутой «подготовке» трупов. Немцы могли проявить (хотя в это верится еще меньше) вопиющую халатность и забыть о том, какое оружие и боеприпасы они использовали для убийства. Но абсолютно невозможной является такая ситуация, когда немецкие специалисты с пинцетом и микроскопом сортируют в трупном месиве полусгнившие бумаги — и при этом в упор не видят гильзы от немецкого оружия с немецкой же маркировкой. Такого не может быть, потому что не может быть никогда. Никакой стул не может одновременно лететь и вверх, и вниз.

На этом я прекращаю бесконечную «игру в поддавки» с издевательски лживой версией Мухина.

Не надо больше выдумывать невероятные чудеса. Все было предельно просто. Весной 1940 г. узников Козельского лагеря расстреляли. Единым умыслом (как сказано в Отчете экспертов Главной военной прокуратуры РФ) с узниками Осташковского и Старобельского лагерей. И в Катыни, и в Твери для расстрела использовались немецкие пистолеты «Вальтер». В показаниях бывшего начальника Калининского УНКВД Токарева есть и прямое подтверждение этого факта и вполне логичное ему объяснение (при длительной стрельбе «Вальтер» меньше перегревался, поэтому для массовых расстрелов использовали именно эту модель оружия). Важно отметить, что к расстрелу в Катыни Токарев никакого отношения не имел, так что его показания даже теоретически не могли быть частью преднамеренной фальсификации «катынского дела».

Пленных польских офицеров расстреляли с конца марта до начала мая 1940 г. Именно поэтому именно в это время прекратилась их переписка с семьями. Именно поэтому на трупах расстрелянных в Катынском лесу была теплая одежда. Именно поэтому записи в уцелевших бумагах, письмах, дневниках расстрелянных обрываются на весенних датах 40-го года. Именно поэтому нет и не было никаких следов существования «лагерей особого назначения» под Смоленском. Именно поэтому нет и не было ни одного свидетеля бегства охраны этих мифических лагерей в июле 1941 г. Именно поэтому никто, ни один польский военнопленный, якобы оказавшийся на свободе после бегства охраны, не остался в живых — все они были убиты еще за год до появления немецких войск на Смоленщине.

Совершивший бесчисленные преступления Гитлер не виновен в убийстве польских офицеров. Поэтому убийца — Сталин. Расстрел беззащитных «военнопленных», большая часть которых не сделала ни одного выстрела по советским войскам, был первым по счету преступлением Сталина. Вторым преступлением была ложь, отказ от признания своей вины и использование «катынского дела» для внесения раскола в антигитлеровскую коалицию. Не правительство Сикорского, а именно Сталин использовал ситуацию для того, чтобы освободиться от обязательств по советско-польскому соглашению от 30 июля 1941 г. Не Геббельс, а Сталин своими преступлениями (убийством и последующим упорным нежеланием признать вину) убеждал солдат вермахта, которых целыми подразделениями привозили к катынским могилам, что в бою с Красной Армией лучше погибнуть, чем сдаться в плен. *«В результате возросшего ожесточения в ходе Второй мировой войны были дополнительно убиты на фронтах миллионы советских, британских, американских, немецких солдат»* — гласит аннотация издательства (обычно эти аннотации пишет сам автор) к «Антироссийской подлости» Мухина. Хочу надеяться, что с «миллионами» авторы аннотации все же сильно преувеличили, но если хотя бы один немецкий солдат, вспомнив о груде трупов в Катынском лесу, стрелял в наших отцов и дедов на одну минуту дольше, то вина за эту кровь лежит на Сталине. И если бы только за эту…

Похвалив уже Ю. И. Мухина за ум, не могу не отметить его исключительную точность в выборе

названия книги. Да, это действительно антироссийская подлость. Затянувшаяся на полвека ложь, примитивные и подлые попытки сокрыть правду, заставить замолчать тех, кто пытался докопаться до истины в «катынском деле», долгое время лежали позорным пятном на репутации нашей страны. Сегодня тем, кому отсутствие чести и совести позволяет называть самих себя «патриотами», хочется, чтобы это позорище снова вернулось в нашу жизнь.

Большие тиражи «Антироссийской подлости» не могут не огорчать, но они не могут и удивлять. «Правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно», — писал полтора столетия назад великий знаток человеческой души Ф. М. Достоевский. Искажать мысль классика грешно, поэтому я привел ее в оригинальном виде. Не имея ничего общего ни с политикой, ни с пресловутой «политкорректностью», я бы, тем не менее, эпитет «русского» из чеканной формулы Достоевского убрал.

Всякого рода-племени человеку проще катиться вниз, нежели карабкаться в гору; проще ползать, чем летать. Проще искать козни проклятых «евро-каменщиков», нежели научиться бросать мусор в мусорное ведро. Проще поверить в утешительную, хотя и явную ложь, нежели принять на себя ответственность за все — хорошее и мерзкое — в истории своей страны. И все же — постарайтесь не увлекаться «правом на бесчестье». Не позволяйте заученной истерике профессиональных провокаторов вводить вас в состояние даже самого кратковременного беспамятства.

Глава 13

Пожар на складе

Отступать дальше некуда. Мы подошли к последней главе и последней теме. Не хотелось бы про такое вообще писать, да и не подходит это к заявленной в предисловии «легкой и веселой книге»… С другой стороны, просто пройти мимо нагромождений лжи и лицемерия в самом трагическом вопросе истории войны тоже нельзя. Поэтому тем, кто готов к нелегкому и очень грустному (порой — страшному) чтению, я предлагаю тринадцатую главу. Это глава про смерть, страдания, подвиг и мученичество. Глава про людские потери Советского Союза во Второй мировой войне.

Начнем же мы с вещей простых и безобидных. С одного математического парадокса, который называется «малая разность больших величин».

1000–999=1.

Есть возражения? Нет возражений. Теперь чуть-чуть, всего на один процент, увеличим первое число.

А второе число чуть-чуть, всего на один процент, уменьшим. Что получилось?

1010–989=21.

Вот это и называется «эффект малой разности больших величин». Там чуть-чуть, здесь чуть-чуть, а разность выросла в двадцать один раз! К слову говоря, этот парадокс не является совсем уже отвлеченной игрой ума. Всякий конструктор знает, что его надо учитывать при простановке размеров на чертеже, т. е. паз шириной в 5 мм на расстоянии в 670 мм от торца детали должен быть «образмерен» индивидуально и конкретно, в противном случае, при

Topreading.ru

простановке двух размеров (670 мм и 675 мм), можно получить что угодно, но только не требуемые для сборки 5 мм…

К чему это я? А все к тому самому, к 27 миллионам. Которые раньше были 20 миллионами. Откуда взялись эти цифры? Почему Сталин говорил про 7, Хрущев — про 20, а Горбачев — про 27 миллионов погибших?

Вы, наверное, думаете, что государство в лице своих специально обученных госслужащих обошло все дворы, деревни, поселки, города и мегаполисы, сверило, сосчитало и пересчитало все картотеки всех «паспортных столов» (интересно, можно ли перевести это словосочетание на какой-нибудь европейский язык?) и СУММИРОВАНИЕМ данных по каждой деревне получило общую СУММУ потерь по всей стране? Скажу честно — я именно так и думал. Даже я, после стольких лет, проведенных за чтением сочинений отечественных «историков», не ожидал такого бесстыдства и такой халтуры, какие обнаружились в действительности.

Оказывается, никто ничего не суммировал. Оказывается, та сакральная цифра, которая присутствовала во всех учебниках, во всех газетах, которая звучала на всех митингах и торжественных заседаниях («20 миллионов погибших») и которая в 1990 году внезапно, без объяснения причин, вдруг взяла и выросла на 7 миллионов, была получена не суммированием, а ВЫЧИТАНИЕМ. Вычитанием двух огромных и совершенно произвольных чисел. В полном соответствии с теорией «малой разности больших величин».

А теперь я помолчу, а вы внимательно прочитаете ЭТО:

«Оценка численности населения СССР на 22 июня 1941 г. получена путем передвижки на указанную дату итогов предвоенной переписи населения страны (17 января 1939 г.) с корректировкой чисел рождений и смертей за 2,5 года, прошедших от переписи до нападения фашистской Германии. Численность населения СССР на конец 1945 г. рассчитана путем передвижки назад возрастных данных Всесоюзной переписи населения 1959 г… Эта цифра была получена в результате обширных статистических исследований ученых-демографов и последующей работы (в конце 80-х годов XX в.) государственной комиссии по уточнению людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне».

Вот так, «в результате обширных статистических исследований» центральный вопрос военной истории СССР был решен легко и просто. *«Численность населения СССР на конец 1945 г. рассчитана путем передвижки назад возрастных данных Всесоюзной переписи населения 1959 г.»* Надо ли доказывать, что таким путем можно было получить любую, заранее заданную, цифру потерь? О какой точности можно говорить в случае передвижки данных переписи населения на 13 лет назад? 13 лет, и каких лет!

Кто, какие ученые-демографы могут знать, как «передвигать назад» данные переписи, если эти 13 лет были совершенно уникальными? Где и когда в истории цивилизованного человечества имела место другая подобная бойня? Да, во времена средневекового зверства случались еще более масштабные человекоубийства (считается, что в годы Тридцатилетней войны в Европе погиб каждый третий, а в Чехии — каждый второй), но тогда никто и не вел демографическую статистику с принятой в XX веке точностью и детализацией. Как, на какой статистической базе можно было вычислить количественное влияние на демографические показатели (рождаемость, смертность, прирост населения) таких явлений, как массовая гибель мужчин брачного возраста (причем число этих смертей не известно, его-то как раз и предстоит определить путем арифметических игр в «передвижку»!), как массовое привлечение женщин детородного возраста к непосильному физическому труду, массовая беспризорность детей, необычайно большое число неполных семей («безотцовщина»), гигантская, невиданная со

времен «великого переселения народов», миграция населения…

Абсолютно бесспорный, на мой взгляд, вывод из сказанного заключается в том, что людские потери СССР во Второй мировой войне никому не известны. Очень может быть, что нормальное, т. е. основанное на суммировании, а не вычитании «среднепотолочных величин», исследование и было проведено сразу же после окончания войны, но его результаты по сей день строжайше засекречены.

Это предположение (о существовании реальной, относительно достоверной демографической статистики) я взял не с потолка. В серии «Документы советской истории» вышел сборник («Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945 гг.», М, РОССПЭН, 2003 г.), в котором со ссылкой на ранее совершенно секретный отчет 1959 года «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне» опубликована обширная демографическая статистика 1943–1945 годов. Чего там только нет — браки, разводы, рождаемость, смертность, детская смертность, соотношение между числом мужчин и женщин, дифференцированное по шести возрастным группам… Сельское население, городское население, на территориях, бывших под оккупацией, не бывших под оккупацией… Учет был. Был. Оставшихся в живых пересчитали. Строго говоря, по-другому и быть не могло в стране, в которой без прописки (или регистрации в сельсовете) человек просто не мог существовать (карточки на продукты питания, детский сад, школа, трудоустройство, погребение — ни одно из этих действий не могло быть произведено без штампа о прописке). Да вот только все опубликованные демографические данные приведены в процентах. Или в таких терминах, как «на тысячу родившихся», «на тысячу браков»… Но ведь тот, кто считал проценты и коэффициенты, не мог не знать абсолютных цифр!

В отсутствие достоверной информации обществу было предложено поверить сначала в цифру 20, затем — 27 миллионов. Цифры эти получены издевательски-нелепым способом вычитания двух больших величин, полученных в результате совершенно произвольных манипуляций с данными всесоюзной переписи населения 1939 и 1959 годов. Такая «методология» позволяла получить ЛЮБУЮ цифру в диапазоне 10–50 миллионов. Фактически единственный разумный вопрос в этой ситуации звучит так: «Почему Хрущев хотел, чтобы число жертв войны выражалось числом 20 миллионов, а Горбачеву потребовалось увеличить это число до 27 миллионов?» Попытке найти ответ на этот вопрос и посвящена данная глава. Не буду вас долго интриговать и сразу же скажу, что, по моему мнению, обе эти цифры ЗАВЫШЕНЫ. Число жертв войны меньше 20 миллионов, и уж тем более — меньше «горбачевских 27».

В самом общем смысле людские потери складываются из двух частей: потери личного состава Вооруженных сил и жертвы среди мирного населения. Относительный порядок в учете существует только применительно к первой составляющей — потерям Красной Армии. С нее мы и начнем. Начнем с традиционной школьной «задачи про бассейн» — в одну трубу вливается, в другую — выливается… Постараемся отвлечься от того моря человеческих страданий, которое скрывается за нижеприведенными цифрами, и займемся голой арифметикой.

К началу июня 1941 г. в Красной Армии, ВВС и на флоте, в военных формированиях гражданских ведомств несли службу 4 901 852 человек (здесь и далее — если не оговорено иное — все цифры взяты из статистического сборника «Гриф секретности снят», составленного в 1993 г. коллективом военных историков Генштаба российской армии под редакцией генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева). В рамках скрытой мобилизации («большие учебные сборы») к 22 июня 1941 г. в войска поступило еще 767 750 человек. За все четыре года войны было мобилизовано еще 28 807 150 человек. Итого: 34 476 750 человек — вот общий «ресурс живой силы», использованный в Вооруженных силах. Эти цифры весьма точны и достоверны, так как

они описывают действия военкоматов и иных служб, находившихся в тылу и ведущих строгую отчетность.

По состоянию на 1 июля 1945 г. (т. е. примерно через 50 дней после окончания боевых действий в Европе) в Вооруженных силах и военных формированиях других ведомств по списку состояло 11 793,8 тыс. человек. На излечении в госпиталях находилось 1046 тыс. военнослужащих. Я не вижу оснований сомневаться в достаточной точности и достоверности этих цифр. За 50 мирных дней командиры всех уровней могли пересчитать своих подчиненных и составить соответствующие донесения в вышестоящие штабы. Те раненые, кому суждено было умереть, уже умерли (военно-медицинская статистика свидетельствует, что вопрос жизни или смерти раненого в абсолютном большинстве случаев решается в первые несколько дней после ранения). С той точностью, с которой будут названы другие цифры, можно считать, что из 1046 тыс. раненых, которые были живы 1 июля 1945 года, не умер никто. Что же касается боевых действий против Японии, которые начались 9 августа 1945 года, то безвозвратные потери Красной Армии в этой операции составили 12 тыс. человек. Эта цифра составляет менее одной десятой процента от потерь в войне с Германией и ее союзниками, поэтому в дальнейшем мы потери «японской войны» учитывать не будем вовсе.

34 476,8-11 793,8-1046=21 637.

За все время войны из Вооруженных сил СССР убыло 21 637 тыс. человек. Убыль и потери — это два разных слова с разным значением в военном языке. За годы войны из Вооруженных сил убыло 8007,1 тыс. живых людей. А именно:

— 3614,6 тыс. передано для работы в промышленность и военные формирования гражданских ведомств;

— 3798,2 тыс. демобилизовано по ранению или болезни;

— 594,3 тыс. осуждено, но при этом не расстреляно и не отправлено в штрафные подразделения.

Последняя категория требует пояснений. Речь идет о двух возможных ситуациях. Первая: человек не совершил никакого проступка, а из армии в ГУЛАГ его отправили вследствие «неправильной национальности» (немец, финн, румын, калмык, чеченец), неправильного места рождения (уроженец «бывшей Польши»), сомнительного социального происхождения (сын репрессированного). От греха подальше у таких отбирали оружие и отправляли на лесоповал или в Воркуту, рубить уголь «для фронта, для победы». Другой вариант: человек совершил нечто — с точки зрения «особого отдела» — особо опасное. Например, *«высказывал террористические намерения против вождя народа… клеветнически заявлял, что в освобожденных от немецких оккупантов районах крестьяне настроены против восстановления колхозов… в 1928 г. голосовал за антипартийную троцкистскую резолюцию…»* (надеюсь, вы понимаете, что это не ерничанье, а точные цитаты из документов СМЕРШа). Выявленных врагов «вождя народа» не расстреливали на месте и не отправляли в штрафбат «искупать вину кровью», а арестовывали и передавали из армии в распоряжение НКВД для проведения следствия и последующего осуждения. Приговором мог быть и расстрел, но эта смерть уже не входила в перечень потерь Вооруженных сил (что, строго говоря, вполне обоснованно — погибший не был жертвой войны).

И эти три цифры представляются мне достаточно точными. Событие происходило вне зоны боевых действий, строго учитывалось и контролировалось, причем контролировалось как

минимум с двух сторон: армия сдала — предприятие военной промышленности или органы НКВД приняли. Раненых демобилизовывали по решению комиссии, решение протоколировалось, по возвращении домой инвалид предъявлял документы в военкомат для получения пособия. Ошибки и неточности возможны, но они относительно весьма малы.

Есть еще одна категория военнослужащих, которые убыли из действующей армии, но по состоянию на 1 июля 1945 г. были, вне всякого сомнения, живы. Это дожившие до конца войны военнопленные. Ни точного, ни даже приблизительного их числа не знает никто, но есть одна вполне достоверная цифра: количество военнопленных, прошедших через «фильтрационные пункты» и учтенных в документах Управления по делам репатриации. Еще раз повторяю — живых было больше, далеко не все бывшие военнопленные хотели оказаться на пороге «фильтрационного пункта», некоторые пытались остаться на Западе, некоторые пытались подделать документы и вернуться домой, минуя встречу с органами НКВД, но только зарегистрированных и персонально учтенных набралось 1836 тыс. человек.

21637-8007-1836=11794.

11 794 тыс. военнослужащих погибли или навсегда и безвестно покинули пределы СССР. Таков результат, причем достаточно достоверный и точный результат решения задачи «про бассейн». Это означает, что общие безвозвратные демографические потери военнослужащих Вооруженных сил СССР даже теоретически не могут быть больше **11 794 тыс. человек.** Все, что больше — не более чем голословное кликушество на тему «трупами завалили». Специалистам фамилии современных кликуш хорошо известны, а всем прочим и незачем загромождать память всяким мусором. Постарайтесь запомнить главное: закон сохранения материи никто еще не отменял, и всякий бред про «25…, 37…, 43… миллиона убитых солдат» можно смело выбрасывать в корзину. Далее появляются цифры все менее и менее достоверные, так как речь теперь пойдет о событиях и процессах, которые происходили под огнем, непосредственно на линии фронта, а то и за этой линией, на территории, контролируемой противником:

— 5,23 млн военнослужащих Красной Армии, ВМФ, ВВС, пограничных и внутренних войск НКВД убиты или умерли на этапе санитарной эвакуации. Именно такая цифра получена коллективом историков под руководством Кривошеева путем суммирования донесений войск. Разумеется, она не включает в себя все случаи гибели советских солдат в бою (главным образом — вследствие хаоса и паники первых месяцев войны, когда целые соединения исчезали вместе со штабами и всей штабной документацией);

— 1,10 млн человек умерли от ран в госпиталях (как ни дико это звучит, но кошмарная цифра в миллион умерших людей является свидетельством высочайшей квалификации и самоотверженного выполнения своего человеческого и воинского долга со стороны всех работников советской военной медицины — от рядового санинструктора до главного хирурга; из 22 млн случаев ранения 21 млн закончился спасением жизни раненого; с учетом отсутствия простейших — по меркам сегодняшнего дня — медикаментов и чудовищной перегруженности всех медучреждений эти цифры выглядят подлинным чудом);

— 0,40 млн умерли от болезней, погибли в результате несчастных случаев и аварий (небоевые потери).

Для сравнения отметим, что в вермахте за 6 лет войны небоевые потери составили 200 тыс. человек.

— 0,16 млн расстреляны по приговорам военных трибуналов или решением вышестоящих

командиров;

— 0,22 млн погибли в бою, сражаясь на стороне противника. О точности этой цифры говорить не приходится, тем не менее в книге Кривошеева (стр. 392) указана именно такая цифра потерь «добровольческих формирований» вермахта и СС, укомплектованных бывшими советскими гражданами.

С оценкой численности этой категории все очень зыбко: с одной стороны, военнопленные и дезертиры были основным, но отнюдь не единственным источником личного состава для «добровольческих формирований», с другой стороны, указанная цифра в 0,22 млн не включает в себя потери тех пособников оккупантов из числа бывших военнослужащих Красной Армии, которые вели бои с советскими партизанами в составе «полицейских батальонов» и прочих карательных частей и подразделений.

В сумме получается цифра в 7,11 млн убитых и умерших, гибель которых не вызывает сомнений. Самой сомнительной и неопределенной является статистика, связанная с пленом и дезертирством — сама природа этих позорных явлений исключает возможность ведения точного персонального учета.

По данным Кривошеева, пропавшие без вести и «неучтенные потери первых месяцев войны» в сумме составляют 4559 тыс. человек. Но при этом общий «баланс прихода и расхода» личного состава Вооруженных сил не сходится на огромное число в 2186 тыс. человек (см. стр. 140–141). Сами авторы сборника объясняют это, в частности, «значительным числом неразысканных дезертиров». Для того чтобы арифметический (не военно-исторический, а всего лишь арифметический) баланс сошелся, надо признать, что общее число всех категорий пропавших без вести (пленные, дезертиры, неучтенные в донесениях штабов убитые, оставленные на захваченной противником территории раненые) составляет 6745 тыс. человек (4559 + 2186). Цифра огромная. Как видите, она больше числа учтенных убитых и умерших от ран в госпиталях. Такова цена катастрофического разгрома первых месяцев войны…

По оценкам немецких историков, общее число советских военнопленных составляет не менее 5,2 млн человек. Еще раз повторюсь, что это наиболее осторожные оценки (ряд авторов поднимают цифры до уровня 5,7–5,8 млн). Относительно точным можно считать только число освобожденных из плена: 319 тыс. было освобождено летом-осенью 1941 г. (украинцы, прибалты, этнические немцы); еще 504 тыс. были освобождены до 1 мая 1944 г. (главным образом — в связи с зачислением в «добровольческие формирования» вермахта и СС). Для тех, кого это еще удивляет, могу указать страницу (Кривошеев, стр. 334).

Число погибших военнопленных на протяжении многих десятилетий оставалось предметом политических спекуляций. Сначала сводки Совинформбюро называли нереально малые цифры пропавших без вести красноармейцев, затем, на Нюрнбергском процессе, было заявлено о 3,9 млн уничтоженных пленных; сборник Кривошеева, занижая общее число пленных, называет и удивительно малую цифру в 1,3–1,7 млн погибших в немецком плену; немецкая военная статистика говорит о 0,67 млн погибших после февраля 1942 г., но при этом игнорируется самая страшная и самая массовая гибель советских военнопленных осенью и зимой 41-го года. Современные немецкие историки, анализируя документы вермахта и СД, приходят к оценке в 2,2–2,6 млн, в том числе порядка 1,5–2,0 млн погибших в первую военную зиму. Не претендуя на какую-либо точность, я предлагаю считать следующим образом: из общего числа захваченных в плен вычесть число вернувшихся на Родину и освобожденных из плена противником. Итого: 5,2-1,84-0,82=2,54 млн.

Число погибших военнопленных на протяжении многих десятилетий оставалось предметом политических спекуляций. Сначала сводки Совинформбюро называли нереально малые цифры пропавших без вести красноармейцев, затем, на Нюрнбергском процессе, было заявлено о 3,9 млн уничтоженных пленных; сборник Кривошеева, занижая общее число пленных, называет и удивительно малую цифру в 1,3–1,7 млн погибших в немецком плену; немецкая военная статистика говорит о 0,67 млн погибших после февраля 1942 г., но при этом игнорируется самая страшная и самая массовая гибель советских военнопленных осенью и зимой 41-го года. Современные немецкие историки, анализируя документы вермахта и СД, приходят к оценке в 2,2–2,6 млн, в том числе порядка 1,5–2,0 млн погибших в первую военную зиму. Не претендуя на какую-либо точность, я предлагаю считать следующим образом: из общего числа захваченных в плен вычесть число вернувшихся на Родину и освобожденных из плена противником. Итого: 5,2-1,84-0,82=2,54 млн.

Суммируя указанное выше число убитых и умерших от ран (7,11 млн) с предполагаемым числом погибших в немецком плену (2,54 млн), мы получаем некую цифру в 9,65 млн. Это количество военнослужащих, которые, по всей вероятности, до конца войны не дожили. Сравнивая эту цифру с полученным методом решения «задачи про бассейн» максимально-возможным числом безвозвратных демографических потерь военнослужащих Вооруженных сил СССР (11,79 млн), мы обнаруживаем арифметическую разницу в 2,14 млн. Два миллиона человек, про судьбу которых никто не знает ничего определенного. И, скорее всего — никогда уже не узнает. Не мудрствуя лукаво, я предлагаю просто поделить это число пополам: половину отнести к категории убитых в бою, но не учтенных в донесениях штабов, вторую половину считать «неразысканными дезертирами» и пленными, ушедшими на Запад или скрывшими свое прошлое и под вымышленными именами оставшимися на территории СССР.

Теперь нам осталось только свести все обилие цифр в одну таблицу:

Дополнительным подтверждением достоверности проведенных выше расчетов могут считаться данные учета извещений («похоронок»), поступивших в военкоматы за все время войны. Их набралось 12 401 тыс. штук. Нет ничего удивительного в том, что их оказалось на 600 тыс. больше, чем сумма всех перечисленных в таблице категорий потерь. Извещения приходили как на убитых, так и на тех, кто по документам штабов считался пропавшим без вести. А это значит, что всего могло быть выписано порядка 13,6 млн извещений. С учетом неизбежного дублирования (когда по запросам родственником в связи с их вынужденными переездами в разные военкоматы высылалось по нескольку извещений об одном и том же человеке) «похоронок» могло оказаться еще больше. Другими словами — указанные в таблице итоговые цифры отнюдь не занижены. Возможно, они даже несколько завышены.

Скорее всего, полученные результаты удивили вас, уважаемый читатель, своей «малостью». И я вас отлично понимаю — последние 20 лет наши отечественные публицисты вели отчаянную «гонку на гробах», оглушая самих себя истерическими воплями: «трупами завалили… одна винтовка на троих… по двадцать наших солдат за одного убитого немца…» Меньше, чем на 20–25 млн погибших — причем только из числа военнослужащих — никто уже и не соглашался. Но мы не будем пугать себя криком. Злосчастная «одна винтовка на троих» если и имеет некоторое отношение к реальным событиям, то случаи такой преступной неорганизованности могли иметь место лишь летом-осенью 41-го года. Да и тогда подобные ситуации возникали отнюдь не от объективной нехватки оружия — имевшимся в наличии стрелковым вооружением можно было оснастить по полным штатным нормам военного времени 450–750 дивизий… В 1944–1945 годах Красная Армия заваливала противника не трупами, а артиллерийскими снарядами. Советская военная наука не без основания гордилась

тем, что на завершающем этапе войны Красная Армия реализовала на практике такой термин, как «артиллерийское наступление». Средней нормой считались плотности в 150–200 орудий на 1 км фронта наступления и 50 тысяч снарядов калибра 122-мм и выше для подавления обороны одной пехотной дивизии вермахта (что означает три снаряда весом не менее 22 кг каждый на одного немецкого солдата). И это — в среднем. В крупнейших наступательных операциях конца войны создавались гораздо большие плотности. Так, при прорыве немецкой обороны в ходе Висло-Одерской операции (январь 1945 г.) в полосе главного удара были созданы фантастические артиллерийские плотности в 420 орудий на 1 км фронта. На каждом метре обороны немецких войск разорвалось по 15 снарядов среднего и крупного калибра. В полосе наступления 5-й Ударной армии за один час было израсходовано 23 килотонны боеприпасов — это мощность «хиросимской» атомной бомбы.

Для полноты картины завершающего этапа войны надо учесть многократное превосходство Красной Армии в танках и абсолютное количественное превосходство в воздухе. Начиная с осени 1944 года увидеть в небе над Восточным фронтом немецкий истребитель удавалось редко, а немецкий бомбардировщик — практически никогда (остатки немецкой авиации, вырабатывая последние запасы авиационного бензина, пытались предотвратить окончательное разрушение немецкой промышленности и транспортной сети, осуществляемое непрерывными массированными налетами американских «летающих крепостей»). То, что при таком подавляющем огневом превосходстве потери личного состава Красной Армии в разы (не в десятки раз, но в разы) превосходили потери противника, не должно удивлять. Это, простите за цинизм, «нормально». Потери наступающего и должны были быть выше потерь обороняющегося — особенно если обороняющийся проявляет высочайшую дисциплину, стойкость и мужество.

Здесь я вынужден на минуту отвлечься от предмета обсуждения, так как на собственном опыте мог уже убедиться в том, что фраза про стойкость и мужество немецких солдат вызывает немедленную потерю слуха и зрения у некоторых читателей. Не далее как в марте 2008 г. я имел честь выступать перед приличнейшим собранием питерской интеллигенции. Так даже в этом, избранном обществе после слов про стойкость и мужество мне тут же задали дословно следующий вопрос: *«Вот Вы сказали, что солдаты вермахта воевали за правое дело…»* Я такого не говорил и не писал. Я вообще понятия не имею о том, за что воевал тот или иной конкретный Ганс или Фриц. Может быть — за фюрера и великую Германию, может быть — в мечтах о поместье с батраками в завоеванной России, может быть — за своего лучшего друга Курта, погибшего неделю назад… Не знаю, и не мое это дело. Я не поэт, не писатель, не философ. Как историк я обязан констатировать факт — немцы сражались с величайшим упорством, не отдавая без боя ни одного клочка нашей земли; по нескольку месяцев вели бои в полном окружении; при малейшей возможности переходили в умело организованное контрнаступление. Для того чтобы сломить сопротивление такого противника и отбросить его на 3 тысячи км от Волги до Эльбы, солдатам Красной Армии пришлось проявить не меньшую стойкость и мужество. И понести значительные потери.

Приведем несколько конкретных примеров.

Практически единственным образцом успешной стратегической наступательной операции Красной Армии начального периода войны является контрнаступление под Москвой. За один месяц (с 5 декабря по 7 января) безвозвратные потери (убитые и пропавшие без вести) составили 139,6 тыс. человек. Немцы потеряли в битве за Москву 77,82 тыс. убитых и пропавших без вести — но это за все время операции, с 3 октября по 10 января, т. е. с учетом потерь двух месяцев безуспешных попыток дойти до стен Кремля. С приемлемой для данного случая точностью можно принять немецкие потери декабря 41-го года за одну треть от суммарных безвозвратных потерь. При таком допущении соотношение потерь сторон

выражается числом **5,35 к 1.** Потери наступающей Красной Армии были в пять раз больше потерь вермахта. Но это — декабрь 1941 года. Это наступление на одном энтузиазме, по пояс в снегу, на лютом морозе, почти без артиллерии. Как пишет в своих воспоминаниях Г. К. Жуков (в то время — командующий Западным фронтом), *«нам приходилось устанавливать норму расхода боеприпасов 1–2 выстрела в сутки на орудие. И это, заметьте, в период наступления!»*

Теперь возьмем статистику потерь второго полугодия 1943 года. Это период широкомасштабных наступательных операций Красной Армии (Курская битва, освобождение Смоленска и Донбасса, форсирование Днепра, освобождение левобережной Украины и Киева). Общие (убитые, пропавшие без вести, раненые) потери Красной Армии составили 4809,3 тыс. человек. Общие потери вермахта и войск СС за тот же период составляют 1413,2 тыс. человек. Соотношение общих потерь: **3,4 к 1.**

Имеет смысл рассмотреть отдельно третий квартал 1943 г. (июль, август, сентябрь). На этот период приходится Курская битва — одно из крупнейших сражений Второй мировой. Общие потери Красной Армии составили 2748 тыс. человек, в том числе безвозвратные (убитые и пропавшие без вести) — 694 тыс.

Потери вермахта и войск СС: общие — 709 тыс. человек, в том числе безвозвратные — 231 тысяча. Соотношение общих потерь: **3,8 к 1.** Соотношение безвозвратных потерь: **3,0 к 1.**

Второе полугодие 1944 года. Красная Армия практически непрерывно наступает по всему фронту. На этот период приходятся три грандиозные стратегические наступательные операции: «Багратион» (разгром немецкой группы армий «Центр» в Белоруссии), Львовско-Сандомирская и Ясско-Кишиневская. При этом в абсолютных цифрах потери Красной Армии (в сравнении со вторым полугодием 1943 г.) заметно меньше: 3 258,8 тыс. общие и 690,2 тыс. безвозвратные. Немцы потеряли 1 300,3 тыс. человек, в том числе безвозвратно — 650,4 тысяч. В структуре потерь противника впервые огромную долю составляют пропавшие без вести (463,3 тыс.). Соотношение общих потерь: **2,5 к 1.** При оценке соотношения безвозвратных потерь возникает проблема определения числа погибших в общей сумме «пропавших без вести» немцев. Фактически мы вынужденно переходим в область гаданий. Учитывая, что массового пленения, сопоставимого с ситуацией 41-го года, в вермахте все же не было, можно очень и очень условно предположить, что половину от числа «пропавших без вести» немецких солдат составляют убитые. При таком допущении соотношение числа погибших снижается до **1,7 к 1.**

Непосредственно в ходе операции «Багратион» (а это самая крупная — и по численности советских войск, и по достигнутому успеху — стратегическая наступательная операция) потери Красной Армии составили: общие — 765,8 тыс., в том числе безвозвратные — 178,5 тыс. человек. Потери противника: 26,4 тыс. убитых, 263,1 тыс. пропавших без вести, 109,7 тыс. раненых. Соотношение общих потерь: **1,9 к 1.**

Соотношение по числу убитых (при тех же допущениях о числе погибших) составляет **1,13 к 1.**

Разумеется, точность каждой из приведенных выше цифр можно оспорить. Нет двух источников, в которых цифры потерь (по периодам или операциям) не отличались бы на 10–15 %. Тем не менее все эти оговорки не меняют существенно общую картину, а она вполне ясна и очевидна — соотношение потерь непрерывно изменялось в лучшую (если в разговоре о гибели миллионов людей может быть что-то «хорошее» и даже «лучшее») для Красной Армии сторону. И хотя в безответственной публицистике последних десятилетий принято клеймить

«бездарных и кровавых сталинских генералов», нельзя не признать, что соотношение потерь, достигнутое в ходе операции «Багратион», может считаться образцовым (хотя, конечно же, лучшим образцом для подражания является не это чудовищное кровопролитие, а мир и согласие, достигнутые в Европе за последние полвека).

В целом с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1944 г. вермахт и войска СС безвозвратно (с учетом пропавших без вести и пленных) потеряли на Восточном фронте 2,62 млн человек. В частности, группа армий «Центр», офицеры которой в ноябре 41-го рассматривали в бинокль улицы Москвы, безвозвратно потеряла 844 тыс. человек (в том числе 401 тыс. убитых и 443 тыс. пропавших без вести). Для сравнения отметим, что на всех фронтах, с 1 сентября 1939 г. по 31 декабря 1944 г. потери вермахта и войск СС составили 3360 тыс. убитых и пропавших без вести (из них порядка 2850 тыс. человек к началу 50-х годов считались погибшими). Другими словами, потери на Восточном фронте составили 78 % (более трех четвертых) от всей суммы немецких потерь — вполне красноречивый ответ на вопрос о том, какая армия «сломила хребет фашистскому зверю».

Трудно сказать — с чем, с какими цифрами потерь Красной Армии имеет смысл сравнивать число безвозвратных потерь сухопутных войск Германии. Корректным ли будет сопоставление их с суммарными безвозвратными потерями Красной Армии, значительную часть которых составляют погибшие в плену, погибшие от пули советских же солдат или расстрельной команды НКВД? В самом обобщенном виде можно констатировать, что потери Красной Армии в три-четыре раза превысили потери противника. Едва ли имеет смысл дискутировать о возможном уточнении этой цифры. **В три-четыре раза.** Эти пропорции достаточно реалистично отражают то, что происходило на полях грандиозной битвы.

В завершение этой темы я вынужден отметить, что коллектив Кривошеева все же влил изрядный черпак дегтя в результат своего уникального и высокопрофессионального труда. Возможно, кто-то сделал Кривошееву «предложение, от которого нельзя отказаться». Не знаю — но на странице 390, после подробного и вполне корректного (т. е. в целом совпадающего с результатами фундаментальных работ немецких историков) анализа структуры и числа немецких потерь вдруг, как чертик из табакерки, появляется следующая фраза: *«Анализ некоторых архивных материалов и публикаций в советской и зарубежной печати показывает, что…»* После этого безвозвратные потери Германии на одном только Восточном фронте вырастают до невероятной цифры в 6 923,7 тыс. человек! И это только начало.

Затем к ним прибавляются столь же ошеломляющие потери союзников Германии в сумме 1 725,8 тыс. человек. Одна только Венгрия, оказывается, «ухитрилась» потерять на Восточном фронте 864 тыс. человек! Примерно в девять раз больше, чем Италия, и ровно в десять раз больше, чем Финляндия (см. стр. 392), хотя финны выставили против СССР 16 дивизий, которые летом 41-го и летом 44-го вели многомесячные кровопролитные бои, которые даже отдаленно нельзя сравнить с «подвигом» венгерских войск под Сталинградом. Но и этого показалось мало — в общей совокупности «безвозвратных потерь противника» появляются японцы, китайцы и корейцы в весьма скромном (для них) количестве 723,8 тыс. человек. В результате всех этих манипуляций удалось получить соотношение потерь Красной Армии и противника как 1,3 к 1.

Ларчик открывается предельно просто. Война для Германии закончилась полной и безоговорочной капитуляцией. После этого любой немецкий военнослужащий (например, охранник на складе боеприпасов в Германии, за всю войну не сделавший ни одного выстрела) мог на формально-законных основаниях считаться военнопленным. Эта юридическая коллизия открывает огромные возможности для манипуляций с числами (не стоит забывать, что на двух солдат действующей армии и у нас, и у немцев приходилось «полтора человека» в различных

тыловых и вспомогательных службах). Именно за счет суммирования реальных боевых потерь вермахта с колоссальным числом «майских военнопленных» и были получены вышеупомянутые цифры. Тот же трюк был произведен применительно к Венгрии. А вот Финляндия не капитулировала, 2-я советско-финская война закончилась подписанием Соглашения о перемирии (19 сентября 1944 г.), именно поэтому на стр. 392 реальные потери финской армии оказались в 10 раз меньше спекулятивной цифры венгерских «потерь». Появление же в расчете 640 тыс. японцев и китайцев, плененных в Маньчжурии (по большей части — уже после капитуляции Японии), ничем иным, кроме «черного юмора», и назвать-то нельзя…

20-11=9.

27-11=16.

Есть возражения? Думаю, что уже есть. И совершенно не случайно про цифру 20 (затем — 27) миллионов советских людей, погибших в годы войны, знают (по крайней мере — слышали) все, про цифры потерь Вооруженных сил (9–10–11 млн) знает всякий читатель военно-исторической и публицистической литературы — но при этом очевидная и бесспорная арифметическая разность между числом 27 и числом 11 не упоминается практически нигде и никогда. И это вполне объяснимо — даже у тех, кто заказал цифру в 27 миллионов, не хватило духу громко и открыто предположить, что немцы уничтожили 16 миллионов человек гражданского населения. Это слишком — даже для позднесоветских, равно как и нынешних, «имперских», пропагандистов. Поэтому арифметическая разница между высочайше установленной цифрой в 27 миллионов и числом безвозвратных потерь Красной Армии существует как кантовская «вещь в себе». О ней не говорят вслух — даже тогда, когда, казалось бы, не заметить ее невозможно.

Например, в 2001 году все тот же коллектив военных историков под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева выпустил новый, исправленный и дополненный, вариант своего статистического сборника («Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование», М., Олма-Пресс). Цифру безвозвратных демографических потерь военнослужащих составители оставили прежней, т. е. 8,7 млн человек. Соответственно, до 27 им надо было «добрать» целых 18,3 млн Отчаянными усилиями (о которых речь пойдет ниже) удалось насчитать 13,7 млн. После этого идет такая фраза: *«Количество погибших за годы войны мирных граждан в результате немецко-фашистской оккупации составляет больше половины всех людских жертв Советского Союза (сравните 13,7 млн чел., и 26,6 млн чел.)».* Сравнить же названную цифру 13,7 с арифметически необходимой цифрой 18,3 и обсуждать огромную «недостачу» в 4,6 млн авторы сборника благоразумно не призывают…

Разумеется, и цифра потерь гражданского населения в 13,7 млн человек ужасна. К счастью, она значительно завышена. Набирали 13,7 млн следующим образом. После бесспорной и не вызывающей никаких возражений констатации трагического факта *(«варварское уничтожение мирных жителей проводилось во всех республиках СССР, подвергшихся вражескому нашествию»)* сразу же идет конечный вывод: *«Всего было преднамеренно истреблено мирного населения на оккупированной территории более 7,4 млн человек».* Ссылка на источник № 526. Что такое 526? Это энциклопедический справочник «Великая Отечественная война. 1941–1945», изданный в 1985 году. Я уже не говорю о том, что в фундаментальной монографии 2001 года сама ссылка на выпущенный в эпоху тотальной цензуры энциклопедический справочник смотрится довольно странно. Как ссылка на роман Жюля Верна в современной монографии по проектированию подводных лодок. Важнее другое — в 1985 г. правдой о войне считалась цифра в 20 млн погибших. Как же могут стыковаться те

Topreading.ru

цифры с «новой правдой» про 27 миллионов? Они и не стыкуются. Поэтому составители сборника не моргнув глазом добавляют к числу жертв гитлеровского террора полученное из неких «социологических исследований» превышение фактической смертности населения на оккупированной территории над средними значениями мирного времени. В результате получают еще 4,1 млн. Кто и как определил это «превышение», если даже численность населения, находившегося под оккупацией, известна с точностью не более «плюс-минус 5 миллионов»? А если существует, оказывается, конкретная статистика насильственных и ненасильственных смертей на оккупированной территории, то зачем же тогда понадобилась игра с «передвижкой» итогов переписи населения на 13 лет? На эти вопросы дан короткий и убедительный ответ: *«По имеющимся данным».*

Еще 2,16 млн погибших составители сборника обнаружили среди так называемых «остарбайтеров» — советских граждан, вывезенных на принудительные работы в Германию. Методика получения этой цифры традиционная: вычитание вместо суммирования. Число вернувшихся в Советский Союз «остарбайтеров» известно. Документы Управления по делам репатриации дают цифру в 2 654 тыс. человек. Огромный разброс существует в оценке числа вывезенных на принудительные работы. По немецким данным, это не более 2,8–3,0 млн человек (причем в эту сумму входят как гражданские лица, так и военнопленные, переданные в распоряжение немецких промышленников). По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (в дальнейшем — ЧГК) оккупанты угнали на принудительные работы 4,3 млн человек. Составители статсборника указывают «точную цифру» в 5 269 513 человек. Далее методом вычитания получается и число погибших.

При этом составители сборника не обратили внимание на то, что всякому здравому смыслу противоречит представленное ими соотношение числа погибших военнопленных (1,78 млн) и погибших «остарбайтеров» (2,16 млн). Конечно, условия труда и жизни подневольных рабочих были очень тяжелыми. Особенно — в сравнении с тем представлением о «труде», которое существует у современного офисного клерка. Так, в одной из московских газет я недавно прочитал описанную в самых драматических тонах историю про двух украинских девушек, насильственно вывезенных в Германию. Они попали на ферму, где хозяин поручил им уход за целым стадом в 40 коров. В понятиях московского журналиста — это каторга. Увы, сытый голодного не разумеет. 40 коров в хозяйстве крепкого немецкого «кулака» — это не менее 400 литров молока в день. Молочная река с берегами из овсяного киселя. Даже если этот «кулак» был бездушной и злобной скотиной, для которого несчастные, оторванные от дома и родных девчушки были всего лишь разновидностью домашних животных, то и в этом случае частно-собственническое нутро подсказывало ему, что домашнюю живность надо кормить. О такой «каторге» даже мечтать не мог умирающий от голода советский военнопленный, которого летом 41-го расстреливали за попытку доползти до лужи и напиться дождевой воды, а уж избивали ежедневно безо всякого повода…

Удивительные цифры, связанные с количеством и судьбой «остарбайтеров», составители «нового Кривошеева» подкрепляют ссылкой № 537. Это статья в журнале «Социологические исследования» № 12/1991. К этой ссылке дано и весьма примечательное примечание составителей статсборника: *«Кроме погибших на принудительных работах в Германии, к числу общих потерь гражданского населения отнесены 451 у 1 тыс. так называемых «невозвращенцев» из состава остарбайтеров, которые при активном участии военных властей Англии, США и Франции были завербованы в качестве дешевой рабочей силы в страны Западной Европы, Латинской Америки, в США и Австралию».*

Вот он, звериный оскал капитализма — сманили простодушных колхозников и пользовались ими в качестве «дешевой рабочей силы». Количество обманутых «социологи» сосчитали опять

же с завидной точностью — до 100 человек. Не иначе как объездили всю Австралию, Канаду и США. Жаль, что не сообщили они столь же точные цифры заработной платы «дешевых рабочих»…

Возвращаясь к «новому Кривошееву», следует отметить последнее и главное — на важнейший, официальный и основополагающий источник информации о жертвах гражданского населения СССР составители сборника сослались только один раз. В самом начале статьи о людских потерях появляется ссылка на документы ЧГК. Правда, этим источником воспользовались совсем не для того, что найти там хотя бы минимально достоверные цифры потерь. Авторитетом ЧГК решено было подтвердить давнишнюю и, казалось мне, давно уже выброшенную на свалку фальшивку — пресловутую «Памятку немецкого солдата». Мои ровесники должны еще помнить этот текст: «… *Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек…*»

Разумеется, никто и никогда такой «памятки» не выпускал и не видел. Перед нами вполне «нормальный», стандартный образец военной пропаганды военного времени. Ее задача не меняется из века в век — представить солдата противника в виде исчадия ада. Нормальная боевая работа: экипаж огнеметного танка ОТ-130 жжет противника огнесмесью КС, военный пропагандист «жжет сердца людей» пламенным словом. Говорить при этом одну только правду — это такая же измена Родине, как и умышленная подмена огнесмеси шампунем. На войне — как на войне. Но что делает эта фальшивка в солидном военно-историческом исследовании 2001 года?

Впрочем, 2001 год — это уже прошлое. С учетом скорости происходящих в России изменений — далекое прошлое. Возьмем с полки книгу первой категории свежести. Издана в 2007 году. А. Дюков «За что сражались советские люди», М., Яуза, ЭКСМО. И книга новая, и автор весьма молод. Аннотация издательства утверждает: *«Перед вами книга-напоминание, основанная на документах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, материалах Нюрнбергского процесса, многочисленных свидетельствах очевидцев с обеих сторон. Первая за долгие десятилетия! Книга, которую должен прочитать каждый!»* А вот и мнение самого автора о своем сочинении*: «Книга, которую вы держите в руках — первая отечественная работа, в которой относительно комплексно рассматриваются основные аспекты истребительной политики нацистов на оккупированной советской территории».*

Несколькими страницами далее А. Дюков откровенно делится с читателем своим творческим методом. Он пересказывает печальный эпизод из воспоминаний К. Симонова: в освобожденном от немцев городе Черновцы (северная Буковина) чудом уцелевший еврей, крича и плача одновременно, рассказывал Симонову об ужасах истребления еврейского населения города; несчастный никак не мог остановиться, *«и все продолжал кричать то же самое, что кричал мне, каким-то людям, которые толпились до этого возле нашей машины…».* Пересказав это, Дюков делает следующий вывод: *«Вот так — кричать и плакать — должны и мы, рассказывая о нацистском геноциде советского народа».*

Я готов с этим согласиться, но только с одним, принципиальным и неотъемлемым уточнением: крик и плач уместен в любом тексте (роман, рассказ, стихотворение, киносценарий, даже философское эссе), кроме научно-исторического. Там, где читателя начинают взвинчивать «криком и плачем», историческая наука заканчивается. И начинается пропаганда. А крикливая пропаганда, маскирующаяся при этом под «комплексное рассмотрение основных аспектов», особенно вредоносна. Что немедленно демонстрирует книга А. Дюкова. В книге 500

страниц авторского текста да еще 76 страниц приложений. При этом все, что имеет отношение к центральному и вполне конкретному вопросу истории истребительной (без каких-либо кавычек) политики нацистов на оккупированной советской территории, занимает меньше половины страницы. Вот это «все» в его полном объеме:

«По сей день неизвестно, сколько мирных граждан было убито на оккупированных территориях. Советские историки говорили о 10 миллионах (772), современные российские исследователи называют цифру в 13,5–14 миллионов мирных граждан, к которым следует прибавить 2,5 миллиона уничтоженных военнопленных (последняя цифра явно занижена) (773). *Существует, однако, другая, еще более ужасающая оценка. Согласно этим расчетам, до войны в областях, подвергнувшихся оккупации, проживало в общей сложности 88 миллионов человек, а к моменту освобождения в них осталось 55 миллионов человек* (774). *Даже если сделать поправку на эвакуацию части населения, на призыв в Красную Армию, на тех, кому посчастливилось впоследствии вернуться из нацистских лагерей, цифра гражданских потерь составит более 20 миллионов».*

Странно, но при всем уважении к товарищу Сталину (каждую главу своей книги А. Дюков украсил эпиграфом, взятым из речей и выступлений Вождя Народов), автор забыл процитировать известные слова Сталина о том, что *«в результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек».* Семь миллионов вместе с потерями Вооруженных сил, а не *«более 20 миллионов гражданских потерь».* Примем к сведению, что даже своему кумиру А. Дюков верит не во всем, и посмотрим внимательно на использованные им источники.

772 — это учебник «История КПСС» 1970 года выпуска. 773 — это тот самый «новый Кривошеев», о котором шла речь выше. Но самое интересное — это 774. Источником «ужасающей оценки» численности населения оккупированных территорий до и после войны оказался синьор Дж. Боффа («История Советского Союза», пер. с итальянского, М., Прогресс, 1980 г.). Откуда итальянец в 1980 г. мог получить ту информацию, к которой не допускали советских историков? Впрочем, какой же он «синьор»? Правильнее сказать — «товарищ Джузеппе». Московский корреспондент газеты «Унита». Уникальные цифры могли быть получены им в единственном месте — на очередном инструктаже в той организации, которая содержала все эти годы итальянскую компартию.

Вернемся, однако, от «ужасающих оценок» товарища Джузеппе к товарищу Дюкову. Если первый по значимости вопрос *(«сколько мирных граждан было убито на оккупированных территориях»)* занимает полстраницы, то чем же тогда заполнена вся книга? На первый взгляд — тем, что и обещано: криком и плачем. Причем иногда «книга-напоминание» начинает вырождаться в краткий курс для начинающих садистов: *«на окраине деревни близ Белостока на пять заостренных колов было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые, с распоротыми животами, отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей…»* Иногда — в некое упражнение в черном юморе. Как вам, например, такой пассаж: *«…они взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава гимнастерок, держа оружие на изготовку. Их вид был омерзителен. Словно бесноватые, громко гикая, с пеной на устах, с выпученными глазами, неслись они по улицам Львова…»; «Громко гикая, с пеной на устах и длинными* (следовательно, тяжелыми!) *кинжалами в зубах…»*

Самые первые дни войны в описании А. Дюкова выглядят так:

«…Пехотинцы рассыпались по Барановичам как саранча. Они врывались в дома — поживиться трофеями. Там, где двери были открыты, они убивали за косой взгляд; там, где дома были заперты изнутри, они убивали всех. Первых попадавшихся в руки немцев советских военнопленных ждала злая судьба. На Пионерской улице солдаты вермахта привязали к столбам четырех захваченных в плен красноармейцев, подложили им под ноги сено, облили горючим и заживо сожгли (12)».

Под номером 12 числится ссылка на стр. 169 книги А. Шнеера «Плен». Возможно, тут имеет место типографский брак, и у Дюкова в рукописи была указана другая страница, но в том экземпляре «Плена», который стоит у меня на полке с дарственной надписью автора, на странице 169 указанных слов нет. Но не эта мелочь важна — примечательно другое. По странному совпадению на стр. 169 можно прочитать следующее:

«Обычно на сборных пунктах размещали от десятков и сотен до нескольких тысяч человек. Охрана этих пунктов состояла всего из 2–10 солдат. Малочисленность охраны объяснялась тем, что по сообщениям разведчиков НКВД «среди военнопленных имеются упаднические настроения, и военнопленные, имея полную возможность бежать, не уходят из лагерей… в селе Кривополье их охраняют всего 6 охранников. В Умани большое количество военнопленных. Они охраняются так, что спокойно могли бы уйти».

Как можно поверить в то, что несколько сотен (или даже тысяч) молодых мужчин под охраной пары охранников, «имея полную возможность бежать», сидели и терпеливо дожидались того момента, когда их сожгут живьем или посадят на кол? При всем при этом кошмарный случай с сожжением четырех пленных в Барановичах вполне мог иметь место в действительности. Я это вполне допускаю — по той простой причине, что в армии вторжения было 3 миллиона солдат и офицеров. Среди такого количества вооруженных людей неизбежно, статистически неизбежно должно было набраться несколько тысяч психически ненормальных садистов, у которых в условиях сильнейшего стресса, каковым является война, окончательно «слетела крыша». Однако товарищ Дюков «слезами и криком» пытается ввести в невменяемое состояние своих читателей — и все это лишь затем, чтобы представить эти, редчайшие для обстановки победоносного наступления вермахта первых недель войны случаи НОРМОЙ. Общим правилом. Причем правилом, якобы прямо предписанным приказами немецкого командования.

Начинается книга Дюкова с «живых картинок» такого сорта:

«…Эрих фон Манштейн думал обо всей прекрасной германской земле; от нежности у него перехватывало горло. Долг перед родиной требовал покинуть ее; генералу и его солдатам предстояло уйти воевать в дикие восточные земли, населенные многочисленными ордами недочеловеков (А. Дюков с каким-то маниакальным упорством, едва ли не на каждой странице, повторяет — якобы от имени немецких солдат и генералов, рассуждающих о русских — это слово: «недочеловеки», «недочеловеки», «недочеловеки»…). *Генерал фон Манштейн вспоминал о своей прекрасной родине. В это время в дивизиях его 56-го танкового корпуса офицерам* ***зачитывался приказ командования об обязательном истреблении всех политработников, евреев и советской интеллигенции*** (подчеркнуто мной. — *М. С.*)».

Я не знаю, о чем думал Манштейн вечером 21 июня 1941 года и от чего у него «перехватывало горло». Я не увлекаюсь спиритизмом. Но вот известнейшие мемуары Манштейна («Утерянные победы») может сегодня при желании прочитать каждый:

«…За несколько дней до начала наступления мы получили приказ OKW, который позже стал известен под названием «приказа о комиссарах». Суть его заключалась в том, что в нем предписывался немедленный расстрел всех попавших в плен политических комиссаров

Красной Армии — носителей большевистской идеологии. С точки зрения международного права политические комиссары вряд ли могли пользоваться привилегиями, распространяющимися на военнослужащих. Они, конечно, не были солдатами. Я вряд ли стал бы рассматривать как солдата, например, гаулейтера, приставленного ко мне в качестве политического надзирателя… Но какого бы мнения мы ни придерживались относительно статуса комиссаров с точки зрения международного права, их расстрел после взятия в плен в бою противоречил всяким представлениям о солдатской морали.

Выполнение этого приказа угрожало не только чести войск, но и их моральному духу. Я был поэтому вынужден доложить моему начальнику, что ***в моих войсках этот приказ не будет выполняться. Я действовал при этом с согласия командиров частей и в своем корпусе так и поступал. Впрочем, естественно, мои начальники были полностью согласны с моим мнением*** (подчеркнуто мной. — *М. С.*). *Попытки отменить этот приказ привели к успеху только много позднее* (приказ был отменен в марте 1942 года. — *М. С.*), *когда стало ясно, что единственным результатом «приказа о комиссарах» было то, что комиссары самыми жестокими способами заставляли войска сражаться до последнего…»*

Можно, конечно, не поверить в то, что пишет Манштейн. Но тогда совсем уже непонятно — почему надо верить видениям Дюкова? В любом случае, пресловутый «приказ о комиссарах» предписывал расстреливать вовсе не «советскую интеллигенцию» и даже не коммунистов как таковых, а исключительно и только попавших в плен политработников Красной Армии, т. е. вооруженных мужчин, которые силой партийного слова, а также пистолета ТТ обязаны были воспрепятствовать даже малейшим помышлениям о плене среди рядовых красноармейцев. Причем 8 июня 1941 г. (т. е. еще до начала боевых действий на Восточном фронте) главком сухопутных войск Браухич издал Дополнение к «приказу о комиссарах», в соответствии с которым «*предпосылкой к принятию мер в отношении каждого политического комиссара являются открыто проявляемые или замышляемые действия, направленные против немецких Вооруженных сил».*

Можно, конечно, не поверить в то, что пишет Манштейн. Но тогда совсем уже непонятно — почему надо верить видениям Дюкова? В любом случае, пресловутый «приказ о комиссарах» предписывал расстреливать вовсе не «советскую интеллигенцию» и даже не коммунистов как таковых, а исключительно и только попавших в плен политработников Красной Армии, т. е. вооруженных мужчин, которые силой партийного слова, а также пистолета ТТ обязаны были воспрепятствовать даже малейшим помышлениям о плене среди рядовых красноармейцев. Причем 8 июня 1941 г. (т. е. еще до начала боевых действий на Восточном фронте) главком сухопутных войск Браухич издал Дополнение к «приказу о комиссарах», в соответствии с которым «*предпосылкой к принятию мер в отношении каждого политического комиссара являются открыто проявляемые или замышляемые действия, направленные против немецких Вооруженных сил».*

А если уж мы начали читать мемуары Манштейна, то имеет смысл перелистнуть еще две страницы:

«*… Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками — он был вырезан и зверски искалечен. Мой адъютант и я много ездили по районам, в которых еще могли находиться части противника, и мы решили не отдаваться живыми в руки этого противника…»*

От Манштейна полет творческой фантазии переносит Дюкова в расположение частей 2-й Танковой Группы вермахта:

«…Перед построенной поротно шеренгой саперного полка командиры зачитали приказ фюрера и верховного командования вермахта. В быстро сгущавшихся сумерках читать было сложно, и гауптман посвечивал на бумагу фонариком; неровный свет придавал его лицу смутно-зловещее выражение…

Солдаты знали: в это же самое время эти же слова произносятся на всем протяжении Восточного фронта. Приказ фюрера читают в соседних пехотных дивизиях, в изготовившихся к удару танковых частях…

…Рядовой Отто Тышлер вглядывался в восточный берег Буга. На всем огромном фронте от Балтийского до Черного моря миллионы таких же немецких солдат смотрели на восток. Там, за пограничными столбами расстилалась богатая, щедрая, плодородная земля. По прихоти истории эту прекрасную землю населяли тупые и грязные русские, перемешавшиеся с бесчисленными азиатскими дикарями… эти выродки-славяне… жидобольшевистская нелюдь… недочеловеки… славянско-азиатские орды…»

Теперь аккуратно закроем книгу Дюкова, опустим ее в мусорную корзину, вымоем руки, прополощем горло и нос, проветрим помещение. После этого постараемся разобраться с теми приказами, которые зачитывали (или никогда не зачитывали!) солдатам вермахта в целом, и солдатам Танковой Группы Гудериана — в частности. Слово «разобраться» (в отличие от «кричать и плакать») предполагает определенное умственное усилие, так что не обессудьте, уважаемый читатель — цитаты будут длинные и тяжеловесные.

До сведения каждого солдата должны были быть доведены требования «Директивы по поведению войск в России» (утверждена главным командованием вермахта 19 мая 1941 г., текст хранится в Государственном военном архиве Германии под учетным номером BA-MA, RW4/v. 524). Вот этот документ, от первого до последнего слова:

«Главное командование Вермахт. Директива по поведению войск в России.

1. Большевизм — смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Германия ведет борьбу против его вредного мировоззрения и его носителей.

2. Эта борьба требует бесцеремонного и энергичного противодействия большевистским подстрекателям, партизанам, саботажникам, евреям и полного устранения любого активного и пассивного сопротивления.

3. По отношению ко всем служащим Красной Армии — также и пленным — необходимо проявлять особую осторожность и острейшую бдительность, так как необходимо считаться с коварными методами ведения борьбы. Особенно непроницаемыми, непредсказуемыми, коварными и бесчувственными являются азиатские солдаты Красной Армии.

4. При взятии в плен воинских подразделений их руководство должно быть сразу отделено от подчиненных.

5. Немецкий солдат оказывается в Советском Союзе перед лицом не единообразного населения. СССР является государственным образованием, которое объединяет в себе множество славянских, кавказских и азиатских народов, держащееся вместе на насилии большевистских властителей. Еврейство широко представлено в СССР.

6. Значительная часть русского населения, особенно обедневшее из-за влияния большевистской системы сельское население, оказывает внутреннее неприятие большевизму. В небольшевистских русских людях национальное самосознание, связанное с глубоким религиозным чувством, будут чаще всего находить радость и благодарность за освобождение от большевизма в религиозных формах. Благодарственные молебны или процессии ни в коем случае не прекращать и им не мешать.

7. В разговорах с населением и в поведении с женщинами следует проявлять величайшую осторожность. Многие русские понимают немецкий язык, но не говорят на нем. Вражеская разведка будет особенно активна на занятой [вермахтом] *территории, чтобы получать данные о важном в военном смысле оборудовании и мероприятиях. Любая необдуманность, недооценка противника и доверчивость могут иметь поэтому тяжелейшие последствия.*

8. Материальные ценности всех видов и военные трофеи, особенно — продукты питания и фуража, горючее и предметы одежды — необходимо беречь и охранять. Любая растрата или пропажа вредит войскам. Грабежи наказываются по военным законам тяжелейшими приговорами.

9. Осторожно с употреблением захваченных продуктов питания! Воду можно употреблять только в кипяченом виде (тиф, холера). Каждое прикосновение к жителям таит в себе медицинские опасности. Защита собственного здоровья — обязанность солдата.

10. Для рейхсбанкнот и монет, а также для немецкой разменной монеты номиналами 1 и 2 пфеннига, а также 1,2,5 и 10 рейхспфеннига действует обязательный прием. Другими немецкими деньгами платить запрещается».

Где здесь «недочеловеки», «выродки-славяне», «грязные русские»? Смертельным врагом ясно и однозначно определен «большевизм», «его вредное мировоззрение и его носители». Объектом борьбы определены вовсе не «русские недочеловеки» (в тексте и слов-то таких нет), а «большевистские подстрекатели, партизаны, саботажники». А что, на свете существует армия, в которой бы от солдат не требовали «бесцеремонного и энергичного противодействия партизанам и саботажникам»? Единственной национальной группой, которая однозначно причислена к врагам, являются евреи. По отношению ко всем остальным предписано соблюдать «величайшую осторожность», в буквальном смысле слова «не прикасаться к жителям», уважать религиозные обычаи населения. За грабежи обещаны «тяжелейшие приговоры». Не знаю, как вам, но мне кажется, что если бы российская армия в Чечне строго выполняла подобную «директиву по поведению войск» (разумеется, с заменой слова «большевизм» на слово «терроризм»), то крови там было бы пролито в десятки раз меньше…

Имеет смысл процитировать еще один документ. Хотя он и не имеет прямого отношения к событиям начала войны, документ интересен тем, что показывает эволюцию взглядов командования вермахта на способы взаимодействия с населением оккупированных районов СССР. Речь идет о памятке «Десять заповедей немецкого солдата», распространенной в войсках в 1943 году командованием Группы армий «Юг». К каждой «заповеди» давалось еще и короткое разъяснение, но за неимением места все комментарии я пропускаю:

1. Всегда сохраняйте свой авторитет среди местного населения.

2. Будьте справедливы.

3. Поощряйте русского, если он работает хорошо.

4. Не бейте русских.

5. Избегайте любых высказываний в адрес русских, которые дают понять, что немцы по отношению к ним являются высшей расой.

6. Уважайте русских женщин и девушек точно так же, как вы уважаете немецких.

7. Откажитесь от самовольных конфискаций и незаконных реквизиций продовольствия и имущества.

8. При разговоре с русскими всегда проводите разницу между русскими и большевиками.

9. Будь сдержанным при разговоре с русскими о религии.

10. В обращении с русскими проявляйте спокойствие и чувство собственного достоинства: этим вы добьетесь большего, чем окриками и руганью.

Разумеется, между приказами и их практическим исполнением всегда существует некоторый «зазор». И хотя дисциплинированность вполне обоснованно считается характерной национальной чертой немцев, делать выводы о поведении солдат вермахта только на основании «директив» и «заповедей» было бы слишком опрометчиво. К счастью, мы дожили до того времени, когда и рассказы простых людей, переживших немецкую оккупацию, и ранее секретные отчеты военного командования могут быть опубликованы. За недостатком времени и места мы ограничимся двумя свидетельствами. Они относятся к событиям первых недель войны и особенно примечательны тем, что написаны противниками — в самом исходном смысле слова «противник». Они сражались почти напротив друг друга: 9-й армейский корпус (Группа армий «Центр») наступал в полосе от Белостока до Минска, а остатки разгромленной 3-й армии Западного фронта прорывались из окружения в направлении на Минск — Могилев.

10. В обращении с русскими проявляйте спокойствие и чувство собственного достоинства: этим вы добьетесь большего, чем окриками и руганью.

Разумеется, между приказами и их практическим исполнением всегда существует некоторый «зазор». И хотя дисциплинированность вполне обоснованно считается характерной национальной чертой немцев, делать выводы о поведении солдат вермахта только на основании «директив» и «заповедей» было бы слишком опрометчиво. К счастью, мы дожили до того времени, когда и рассказы простых людей, переживших немецкую оккупацию, и ранее секретные отчеты военного командования могут быть опубликованы. За недостатком времени и места мы ограничимся двумя свидетельствами. Они относятся к событиям первых недель войны и особенно примечательны тем, что написаны противниками — в самом исходном смысле слова «противник». Они сражались почти напротив друг друга: 9-й армейский корпус (Группа армий «Центр») наступал в полосе от Белостока до Минска, а остатки разгромленной 3-й армии Западного фронта прорывались из окружения в направлении на Минск — Могилев.

В конце июня 1941 г. командир 9 АК генерал Гайер докладывал вышестоящему командованию:

«…Большинство солдат относится к населению добродушно, хотя необходимость отбирать продовольствие и лошадей, а также другие причины могут способствовать некоторым актам жестокости.

Отношение населения колеблется от удивительного безразличия до обычно боязливого любопытства и доверчивости. В связи со слишком большими разрушениями много беженцев, передвигающихся со всем скарбом, но каких-либо грабежей домов не замечено. На территории, прежде принадлежавшей Польше (т. е. в так называемой «западной

Белоруссии». — *М. С.*), *немецких солдат восторженно встречали как освободителей. Но и на прежней русской территории бывает, что бросают цветы и дружески встречают. Доверие населения проявляется прежде всего в том, что закопанное продовольствие и другую собственность снова выкапывают, когда приходим мы, так как немецкий солдат, конечно же, ее не отберет.*

Каких-либо актов саботажа со стороны населения в полосе корпуса не замечено. Напротив, в тех случаях, когда запуганное население вообще осмеливается что-либо говорить, высказывается много недовольства колхозным строем и всем большевистским хозяйничаньем. В целом командование корпуса расценивает опасность партизанской войны при участии населения как небольшую. Люди в пройденных нами районах по своему образу жизни и высказываниям не производят впечатление тех, кто вообще может фанатически придерживаться какой-либо идеи».

А вот отрывок из доклада, который 1 августа 1941 г., после своего выхода из окружения представил в Главное политуправление Красной Армии член Военного Совета 3-й Армии, армейский комиссар 2-го ранга Н. И. Бирюков:

«… С первых дней войны и до боев на Днепре немцы старались проводить в деревне такую политику, которая бы не озлобляла крестьян против немцев. Поэтому первый период, если это так можно назвать, характеризовался тем, что немцы не творили в деревнях грабежей и насилия. В этот период немцы говорили крестьянам, что «они также за социализм, но без коммунистов и жидов». В этот же период немцы у крестьян брали только яйца, молоко, иногда брали и кур, но скот, находящийся в индивидуальном пользовании, не брали. В крестьянские сундуки не лазили и крестьян не грабили…»

Как видим, немецкий генерал описывает отношение немецкой армии к населению даже в более критических тонах *(«необходимость отбирать продовольствие и лошадей может способствовать некоторым актам жестокости»*), в то время как советский комиссар утверждает, что в первые недели войны солдаты вермахта забирали у крестьян лишь то, что можно съесть и выпить на ходу (кружка молока, сырое яйцо…). На фоне этой действительности бредовые видения Дюкова *(«там, где двери были открыты, они убивали за косой взгляд; там, где дома были заперты изнутри, они убивали всех»)* смотрятся совершенно дико.

Теперь переходим к печально-знаменитому приказу от 13 мая 1941 г. «О применении военной юрисдикции (иногда это переводится как «об особом порядке подсудности») в районе «Барбаросса». По версии А. Дюкова именно этот приказ зачитывал солдатам Гудериана безымянный гауптман, и *«неровный свет фонаря придавал его лицу смутно-зловещее выражение».* Плохо работает товарищ Дюков. Халтурно. «При товарище Сталине так не работали…» Надо было поместить неизвестного гауптмана с фонариком на какой-то другой участок Восточного фронта. Так как при упоминании 2-й Танковой Группы сразу же приходит на память следующий фрагмент из мемуаров Гудериана:

«…Незадолго до начала войны на Востоке непосредственно в корпуса и дивизии поступил приказ верховного командования Вооруженных сил относительно обращения с гражданским населением и военнопленными. Этот приказ отменял обязательное применение военно-уголовных законов к военнослужащим, виновным в грабежах, убийствах и насилиях над гражданским населением и военнопленными, и ***передавал наложение наказания на усмотрение непосредственных начальников и командиров*** (здесь и далее подчеркнуто мной. — *М. С.*). *Такой приказ мог способствовать лишь разложению дисциплины. Очевидно, такое же чувство он вызвал и у главнокомандующего сухопутными силами, так как фельдмаршал фон Браухич приложил к приказу* ***инструкцию, позволяющую не***

применять этот приказ *в том случае, если он создает опасность подрыва дисциплины.*

По моему мнению и по единодушному мнению моих командиров корпусов, приказ заранее создавал такую опасность, поэтому ***я запретил его рассылку в дивизии*** *и распорядился отослать его обратно в Берлин. Этот приказ никогда не применялся в моей Танковой Группе… Обозревая прошлое, можно только с болью в сердце сожалеть, что оба эти приказа* (имеется в виду также «приказ о комиссарах». — *М. С.*) *не были задержаны уже в главном командовании сухопутных войск. Тогда многим храбрым и безупречным солдатам не пришлось бы испытать горечь величайшего позора, легшего на немцев…»*

Битый гитлеровский генерал врет и пытается обелить свое прошлое? Может быть. А может быть, и нет. В любом случае, «дисциплинарное распоряжение» Браухича, в котором тот подчеркнул, что «главной задачей войск является борьба с вооруженным противником», и фактически передал вопрос о применении «приказа об особой подсудности» на усмотрение командиров армий и корпусов, действительно существовало. Более того, уже в конце июля 1941 г. верховное командование вермахта и вовсе отдало распоряжение уничтожить все экземпляры «приказа об особой подсудности» во всех служебных инстанциях.

Приказ «об особой подсудности», конечно же, способствовал разложению дисциплины, а в той его части, которая предписывала расправы с мирным населением *(«Когда обстоятельства не позволяют быстро определить отдельных виновников, против населенных пунктов, из которых вермахт был коварно или предательски атакован, немедленно по приказанию офицера в должности не ниже командира батальона проводятся коллективные расправы»)* был, вне всякого сомнения, преступным.

И то, что вермахт был отнюдь не единственной армией в мире, которая отвечала «коллективными расправами» на нападения со стороны неизвестных лиц, ни в коей мере не меняет этой оценки: преступный приказ, противоречащий всем нормам и представлениям о праве. Однако даже этот, вскоре отмененный, а в ряде соединений никогда и не применявшийся преступный приказ отнюдь не освобождал солдат вермахта от ответственности за самочинные расправы с гражданскими лицами и уж тем более — не призывал к грабежам и изнасилованиям:

«…Судья определяет, достаточно ли в случае привлечения к ответственности военнослужащего дисциплинарного наказания или необходимо судебное вмешательство. Судья занимается разбирательством за действия против местных жителей в военно-судебном порядке только тогда, когда требуется поддержание дисциплины или охраны войск. Речь идет, например, о тяжелых проступках, которые основаны на половой распущенности, вытекают из преступных наклонностей или являются признаком того, что войскам угрожает одичание. Подлежат наказанию преступления, из-за которых в ущерб собственным войскам бессмысленно уничтожаются кров, продовольственные запасы или другое трофейное имущество…»

Почти одновременно с «приказом об особой подсудности» 7 июня 1941 г. статс-секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства Германии Бакке подписал Указания для работников гражданской администрации на Востоке. Документ объемный, но даже некоторые его фрагменты достаточно ясно характеризуют реальное содержание планов насильственной колонизации и эксплуатации России. Колонизации и эксплуатации. Не менее, но и не более того:

«…Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить

словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал «склонность к философствованию»… Вы должны быть людьми дела, которые безо всяких дебатов, без долгих бесплодных разговоров и без философствования устанавливают и проводят необходимые мероприятия. Тогда русский охотно подчинится вам.

…Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне. Не устраивайте никаких попоек с русскими. Не вступайте ни в какие связи с женщинами и девушками подчиненных вам предприятий. Заботьтесь о том, чтобы сохранить авторитет немца. Поднимайте его своими спокойными, деловыми приказами, твердыми решениями, высмеиванием дебатирующих и невежд.

…Русская молодежь на протяжении двух десятилетий воспитывалась в коммунистическом духе. Ей незнакомо иное воспитание. Поэтому было бы бессмысленно наказывать ее за прошлое. Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует или не выполняет этих задач…»

«А как же «Генеральный план «Ост»»? Действительно, куда же без него… Ни одна статья и ни одна книга не обходилась у нас без упоминания об этом людоедском плане физического истребления русского народа. Вот и составители «нового Кривошеева» в 2001 году пишут про *«генеральный план «Ост» — чудовищный программный документ гитлеровского геноцида»*.

Генеральный план «Ост» (Восток) никогда не существовал в качестве директивного документа. Более того, — он вообще ни в каком законченном виде не существовал. Под этим названием обычно проходит один из документов (единственный найденный и предъявленный на Нюрнбергском процессе) разработки плана ПОСЛЕВОЕННОГО!!! обустройства огромной территории Восточной Европы в интересах Третьего рейха. Речь идет о «Замечаниях и предложениях по генеральному плану «Ост», подписанных 27 апреля 1942 г. неким Э. Ветцелем — начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления «Восточного министерства». Цитировать этот документ целиком я не могу по двум причинам. Во-первых, он очень большой по объему и занудный по форме. Во-вторых, пространные рассуждения о сравнительной «расово-биологической ценности» и результатах «антропометрических исследований» различных восточноевропейских народов не только омерзительны, но и прямо подпадают под статьи Уголовного кодекса РФ. Поэтому нам придется ограничиться лишь несколькими фрагментами конкретных предложений составителя «Замечаний и предложений». Итак:

«…В настоящее время уже можно более или менее определенно установить в качестве восточной границы колонизации (в ее северной и средней части) линию, проходящую от Ладожского озера к Валдайской возвышенности и далее до Брянска. Из плана можно понять, что речь идет не о программе, подлежащей немедленному выполнению, а что, напротив, ***заселение этого пространства немцами должно проходить в течение примерно 30 лет после окончания войны*** (здесь и далее подчеркнуто мной. — *М. С.*). *Согласно плану, на данной территории должны остаться 14 млн местных жителей. Однако утратят ли они свои национальные черты и подвергнутся ли в течение предусмотренных 30 лет онемечиванию — более чем сомнительно, так как, опять-таки согласно рассматриваемому плану, число немецких переселенцев очень незначительно…*

Кроме того, как мне кажется, в плане не учитывается, что местное население ненемецкого происхождения будет за период в 30 лет ***очень быстро размножаться…*** *Учитывая все это, нужно исходить из того, что число жителей ненемецкого*

происхождения на этих территориях значительно превысит 51 млн человек. Оно составит 60–65 млн человек. Отсюда напрашивается вывод, что число людей, ***которые должны либо остаться на указанных территориях, либо быть выселены,*** *значительно выше, чем предусмотрено в плане… Необходимо кратко рассмотреть* ***вопрос об отношении к русским, о чем почти ничего не сказано в генеральном плане.***

Прежде всего, надо предусмотреть разделение территории, населяемой русскими, на различные политические районы ***с собственными органами управления****, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие… Русскому из горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из тульского генерального комиссариата. Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа… В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения.* ***Средствами пропаганды****, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т. п., мы должны постоянно* ***внушать населению мысль, что вредно иметь много детей****. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства… Наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Необходимо наладить широкое производство этих средств. Распространение этих средств и аборты ни в коей мере не должны ограничиваться. Следует всячески способствовать расширению сети абортариев…*

Наряду с проведением этих мероприятий в области здравоохранения не должно чиниться никаких препятствий разводам. Не должна оказываться помощь внебрачным детям. Не следует допускать каких-либо налоговых привилегий для многодетных, не оказывать им денежной помощи в виде надбавок к заработной плате… Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями…»

Да, это проект программы КОЛОНИЗАЦИИ. Насильственной колонизации. Никакого баварского пива с ганноверскими сосисками для аборигенов программа колонизации не предусматривает. Газовых камер, массовых расстрелов и печей крематория эта программа также НЕ предусматривает.

Пропаганда абортов и раздача презервативов с целью сокращения русского населения в интересах немецких колонистов, равно как и раздробление единого русского народа на жителей псевдонезависимых «бантустанов», вполне раскрывает корыстные планы колонизаторов. Можно ли это назвать «чудовищным программным документом геноцида»? Вопрос спорный. Хотя если многие люди, религиозные деятели и политические партии считают аборт разновидностью убийства, то почему бы не назвать «план Ост» программой геноцида? Спор о юридической обоснованности использования в данном случае термина «геноцид» мне неинтересен. Гораздо более важным представляется мне подчеркнуть следующий, абсолютно бесспорный факт: никакого, ни малейшего отношения к событиям 41-го года эта, написанная в апреле 1942 года докладная записка второразрядного чиновника не имела и иметь не могла.

И если на оккупированной территории горели избы и рекой лилась кровь невинных людей, то это совсем не потому, что какой-то клерк «Восточного министерства» писал проекты *«широчайшей пропаганды противозачаточных средств»* на срок в 30 лет ***«после окончания войны»****.*

Все это очень странно. На первый взгляд. Зачем было выдумывать вымышленные преступления, когда Гитлер и его подручные совершили столько реальных тягчайших преступлений, что на их перечисление не хватило бы и 576 страниц 576 книг? Зачем пускаться «во все тяжкие», выдумывая какие-то фантастические цифры потерь гражданского населения СССР, когда даже самые минимальные оценки говорят о том, что оккупанты и их пособники истребили миллионы людей. Миллионы. Что, условно говоря, 5 миллионов убитых детей, женщин и стариков — это мало? Обязательно «нужно» 15 или 25 миллионов для того, чтобы признать Гитлера людоедом? Любой солдат вермахта, даже тот, который пальцем не прикоснулся к русской женщине и угостил шоколадкой ее ребенка (а такие солдаты были, и не в малом количестве), виновен. Виновен в том, что пришел с оружием туда, куда его никто не звал. Виновен в том, что привел за собой карателей из СС. Эту вину признал сам немецкий народ. Зачем надо напрягать болезненную фантазию, выдумывая «пену на устах, длинные кинжалы в зубах и выпученные глаза»?

«Если звезды зажигают — значит это кому-нибудь нужно. Значит — это необходимо...» Я считаю, что на все предыдущее обилие вопросительных знаков можно дать вполне конкретные ответы. Существуют, как минимум, ТРИ ПРИЧИНЫ, по которым советская и постсоветская пропаганда страстно хотела преувеличить число жертв среди гражданского населения оккупированных областей СССР и найти несуществующие «планы гитлеровского геноцида русского народа». Эти причины имеют очень разный «вес» — от почти каприза, мелочного жлобства, до важнейшего связующего звена всей советской мифологии. Рассмотреть их я предлагаю в обратном порядке, от третьестепенного к главному.

Третьим по значимости (но при этом первым по хронологии) следует признать «еврейский вопрос». Да-да, он самый. Ильф с Петровым сильно ошиблись. Все вышло точно наоборот: евреев в России почти уже нет, а злосчастный «еврейский вопрос» — все еще есть.

Я прекрасно понимаю, что нормальному человеку, да еще и не знакомому с «обстоятельствами дела», мое предположение может показаться очень странным. Я готов заранее извинить нормального человека за то, что он сейчас подумал о моей нормальности. Действительно, с позиций здравого рассудка трудно понять, почему в Большой Советской энциклопедии есть статья «Освенцим», но в этой статье нет слова «еврей» ни в каком падеже. Нормальный человек никогда не догадается, что за странный знак был изображен на надгробном памятнике в городе Невеле (Псковская область). А это шестиугольная «звезда Давида» над братской могилой замученных евреев, каковую звезду бдительные власти «обрезали» до пятиконечного состояния. Потому что «нечего тут выпячивать...».

Нормальный человек (если он только не видел это сам на экране телевизора) никогда не поверит в то, что 19 апреля 2001 г. несколько десятков депутатов Государственной Думы («лучшие люди страны») отказались встать и почтить минутой молчания память жертв геноцида (19 апреля 1943 г. началось восстание в Варшавском гетто). Впрочем, минуты молчания в любом случае не получилось, так как зал оглашался шумной перебранкой, дикими воплями Жириновского и Шандыбина, а усиленный микрофонами голос председательствующей, нашей несравненной Л. Слиски призывал каждого «определиться в этом вопросе самостоятельно».

А как? Как определиться в «этом вопросе», если необходимость почтить память миллионов безвинно убиенных людей является вопросом? Кроме школьного учебника истории большинство депутатов и избирателей ничего не читали. В школьном (равно как и в любом советском вузовском) учебнике о геноциде евреев не было сказано ни слова. Самые любознательные могли купить вышедший именно в 2001 году статистический сборник «Россия

и СССР в войнах XX века». И что же они могли там прочитать? А вот это:

«…Война, развязанная гитлеровцами против СССР, была войной на истребление целых народов, в первую очередь славянского, русского населения… Варварские действия немецко-фашистских захватчиков по истреблению советских людей, особенно славянских народов и в первую очередь — русского народа, унесли миллионы человеческих жизней… Уничтожению подлежали не только славянские народы, но и другие народы, жившие на территории СССР. Наиболее жестоким было отношение к евреям, которых немцы истребляли в первую очередь, наравне с коммунистами…»

Если профессиональные историки, кандидаты и доктора наук действительно считают, что евреев истребляли «наряду с другими народами» и «наравне с коммунистами», то они никакие не ученые, а невежды и самозванцы. Если знают правду, но при этом пишут про *«истребление советских людей, особенно славянских народов и в первую очередь — русского народа»,* то они лжецы.

Гитлер не вынашивал планы «сокращения численности еврейского население в течение 30 лет после окончания войны посредством раздачи презервативов и пропаганды абортов». Он вообще не собирался «сокращать» эту численность.

Евреи, все — от мала до велика, от грудных младенцев до седобородых старцев, были обречены на полное, поголовное истребление. Этот приговор не был связан с какой-либо экономической или политической целесообразностью. Не принималось во внимание ни вероисповедание жертвы, ни ее поведение, ни даже согласие на сотрудничество. Массовые убийства евреев начались в первые же дни (не первые недели — дни!) после гитлеровского вторжения на территорию СССР. Там, где поголовное истребление людей, за которыми даже палачи не признавали никакой вины, кроме еврейского происхождения, производилось с немецкой организованностью и методичностью, жертвы могли рассчитывать на быстрый и «легкий» расстрел. Там, где местные «активисты» брали инициативу на себя, о расстреле евреям оставалось только мечтать…

К 22 июня 1941 года на территории, которой предстояло стать оккупированной, проживало порядка 4 млн евреев (в том числе — 1,9 млн на аннексированных в 1939–1940 гг. территориях Прибалтики, восточной Польши, Бессарабии). Эвакуироваться на Восток смогло порядка 1 млн евреев (главным образом из районов левобережной Украины и центральной России, куда немцы пришли лишь к осени 41-го года).

Из оставшихся в распоряжении захватчиков 3 млн евреев погибло не менее 2,83 млн человек. Оставшиеся в живых 150–200 тыс. евреев (примерно 5 % от исходной численности) уцелели вовсе не потому, что немцы проявили снисхождение к кому-то из них. Просто в рамках сложных политических игр Гитлер вернул Румынии Бессарабию с Буковиной, да еще и подарил так называемую «Транснистрию», т. е. территорию Украины между Днестром и Южным Бугом. И если в начале войны истребление евреев румынскими войсками и жандармерией носило массовый и крайне изуверский характер, то после поражения под Сталинградом румынское руководство прекратило массовые убийства и даже разрешило доставку в еврейские гетто продовольственной помощи от международных организаций. Что же касается зоны немецкой оккупации, то там погибли практически все не успевшие эвакуироваться евреи.

В городе-герое Бресте перед войной проживало 25 тысяч евреев. До освобождения дожило 19. Не 19 тысяч, а 19 человек (шестерых из них спасла, спрятав в своем доме, семья Полины Макаренко). Такие семьи «праведников мира» нашлись едва ли не в каждом оккупированном городе и местечке. К настоящему времени израильским мемориально-исследовательским

центром «Яд ва-Шем» установлено более 18 тысяч имен людей, спасавших евреев в годы геноцида. Этот величайший и беспримерный в истории подвиг самопожертвования (за укрывательство евреев каратели безоговорочно расстреливали всех причастных) в статистическом отношении дает ничтожные доли процента уцелевших. Да еще несколько десятков тысяч евреев дожили до освобождения, сражаясь в партизанских отрядах.

Уравняв евреев с коммунистами (*«немцы истребляли евреев наравне с коммунистами»*), историки из Генштаба проявили, в лучшем случае, дремучее невежество. Коммунисты на оккупированной территории обязаны были зарегистрироваться в местной комендатуре. Вот и все. Если они не мешали жить немцам, то относительно спокойно доживали до прихода Красной Армии. После этого их опять регистрировали — на этот раз в органах НКВД. Приказ НКВД СССР № 001683 от 12 декабря 1941 г. с дополнениями от 18 февраля 1942 г. требовал всего лишь «обеспечить агентурное наблюдение» за такими, дважды регистрированными, коммунистами. Евреев же сгоняли к противотанковым рвам вовсе не в целях «агентурного наблюдения»…

В данном вопросе российские историки 2001 года всего лишь продолжили традиции 60-летней давности. В первые же дни войны советская пропаганда растерялась перед градом немецких листовок с коротким, но выразительным лозунгом: «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича». Ничего лучше, чем поза перепуганного страуса, придумано не было. Всякие упоминания о геноциде евреев начали старательно вычеркиваться из газетных полос. Сегодня в подробностях известна история «редактирования» сообщения ЧГК о зверствах немецко-фашистских оккупантов в Киеве. 25 декабря 1943 г. был составлен и завизирован председателем ЧГК Шверником текст официального сообщения, в котором про Бабий Яр было сказано, что «гитлеровские бандиты произвели массовое зверское истребление еврейского населения». Затем, по жестко установленному порядку, текст сообщения ЧГК ушел на согласование в ЦК ВКП(б). 2 февраля 1944 г. (спустя целый месяц!) текст вернулся в ЧГК с правкой, внесенной рукой начальника Управления агитации и пропаганды ЦК товарища Г. Ф. Александрова (будущего маститого ученого, академика АН СССР). «Еврейское население» было вычеркнуто и заменено на «тысячи мирных советских граждан». Шверник намек понял, и более в сообщениях ЧГК никаких евреев не было (лишь в акте по Минску — а этот город и его окрестности стали местом уничтожения 100 тыс. евреев — было упомянуто наличие гетто).

27 января 1945 г. войска 1-го Украинского фронта освободили лагерь смерти Освенцим. То, что в Освенциме евреев убивали сотнями тысяч, было сразу же установлено армейским командованием. Политотдел фронта создал специальную комиссию, которая к 5 февраля представила подробный отчет, в котором, в частности, отмечалось уничтожение в Освенциме летом 1944 г. 600 тыс. евреев из Венгрии. Однако официальное сообщение ЧГК появилось лишь через три месяца, 7 мая 1945 г. Из него следовало, что в Освенциме систематически уничтожались не евреи, а «миллионы граждан всех стран Европы».

Однажды совравший вынужден врать дальше и больше. Если в Бабьем Яру и сотнях других таких мест были расстреляны не евреи, а «мирные советские граждане», то надо же было придумать какое-то объяснение, какую-то мотивировку совершенного злодеяния. В советскую эпоху в ходу был «классовый подход». Фашизм был объявлен «террористической диктатурой крупной монополистической буржуазии», в соответствии с этой логикой писалось: «Жертвами гитлеровских палачей стали десятки тысяч рабочих-стахановцев и передовых колхозников». Поскольку в наши дни упоминание о «стахановцах и передовых колхозниках» вызовет скорее кривую ухмылку, фальсификаторам пришлось перейти на «национальные рельсы», т. е. приписать немцам намерение физически уничтожить русский народ.

27 января 1945 г. войска 1-го Украинского фронта освободили лагерь смерти Освенцим. То, что в Освенциме евреев убивали сотнями тысяч, было сразу же установлено армейским командованием. Политотдел фронта создал специальную комиссию, которая к 5 февраля представила подробный отчет, в котором, в частности, отмечалось уничтожение в Освенциме летом 1944 г. 600 тыс. евреев из Венгрии. Однако официальное сообщение ЧГК появилось лишь через три месяца, 7 мая 1945 г. Из него следовало, что в Освенциме систематически уничтожались не евреи, а «миллионы граждан всех стран Европы».

Однажды совравший вынужден врать дальше и больше. Если в Бабьем Яру и сотнях других таких мест были расстреляны не евреи, а «мирные советские граждане», то надо же было придумать какое-то объяснение, какую-то мотивировку совершенного злодеяния. В советскую эпоху в ходу был «классовый подход». Фашизм был объявлен «террористической диктатурой крупной монополистической буржуазии», в соответствии с этой логикой писалось: «Жертвами гитлеровских палачей стали десятки тысяч рабочих-стахановцев и передовых колхозников». Поскольку в наши дни упоминание о «стахановцах и передовых колхозниках» вызовет скорее кривую ухмылку, фальсификаторам пришлось перейти на «национальные рельсы», т. е. приписать немцам намерение физически уничтожить русский народ.

В сравнении с такой нелепостью даже классическая советская формула («хотели превратить свободолюбивых советских людей в рабов») гораздо ближе к истине. А если убрать неуместный эпитет «свободолюбивых» и не обращать внимание на то, что правовой статус советского колхозника находился где-то между государственным рабом древнего Китая и крепостным крестьянином конца XVIII века, то все и вовсе становится на свои места. Да, именно этого Гитлер и хотел — превратить Россию в колонию, а русских загнать в положение «белых негров». Для достижения этой преступной цели убивали всех сопротивляющихся. Не всех подряд (поголовно уничтожали исключительно и только евреев), а всех сопротивляющихся.

Удельный «вес» геноцида евреев в общем объеме репрессий оккупантов менялся во времени и пространстве. В первые недели и месяцы войны уничтожение еврейского населения было практически единственной составляющей массового террора гитлеровцев и их пособников на оккупированных территориях. Почти все описания расстрелов и казней лета-осени 41-го года, если только они не вымышлены, в реальности относятся к массовым убийствам евреев. В дальнейшем, в связи с развертыванием партизанского движения, жертвами карателей все в большей и большей мере становилось нееврейское население. Но даже в Белоруссии, в этой «партизанской республике», где общее число жертв мирного населения, по заявлениям ЧГК, составило 1 547 тыс. человек, половину погибших (порядка 730 тыс.) составили евреи. В Прибалтике и Молдавии между понятиями «террор оккупантов» и «геноцид евреев» можно практически ставить знак равенства. На востоке Украины и в оккупированных областях России доля евреев в общей численности населения была значительно ниже, к тому же многие успели эвакуироваться. В этих районах оккупированной территории СССР нееврейское население преобладает в общем числе жертв.

Покончив на этом с обсуждением «еврейской составляющей», перейдем ко второй, несравненно более важной причине того отчаянного стремления найти несуществующий план «геноцида русского народа», который проявляла и проявляет коммунистическая и неосталинистская историческая пропаганда.

Даже параноик Гитлер не был клиническим идиотом, и он отлично понимал, что сами по себе булки и сосиски из земли не вылезут, на земле кто-то должен работать, а заменить русских (украинских, белорусских, молдавских) крестьян на немецких колонистов если и планировалось, то лишь *«в течение 30 лет после окончания войны»*, но уж никак не летом 41-го года, в самый разгар боевых действий. Прагматизм и расчетливость справедливо считаются

национальной чертой немцев, а простейший и очевидный расчет подсказывал, что спокойствие в тылу проще и дешевле всего обеспечить, не обостряя без нужды отношения с местным населением. Даже если кто-то в руководстве вермахта и немецкой оккупационной администрации и смотрел на русских, как на «славянско-азиатских выродков», то требования дисциплины вынуждали его сдерживать свои низменные чувства. По крайней мере — до той поры, когда Россия будет реально и окончательно разгромлена.

Причины того, что оккупированные территории были в конечном итоге залиты морями крови, невозможно понять без учета действий второго участника войны, а фальшивки вроде пресловутой «памятки немецкого солдата» («*убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик*») были придуманы как раз с целью отвлечь внимание от намерений и действий советского руководства.

Если и не сам «гитлеровский план Ост», то отдельные письменные документы его разработки сохранились и были предъявлены в Нюрнберге. Сталин вел себя гораздо осмотрительнее — он не доверял бумаге свои мысли о той судьбе, которую он уготовил населению оккупированных немцами западных областей СССР. Тем не менее сохранилось немало документов и свидетельств очевидцев, позволяющих вполне достоверно реконструировать «сталинский план Вест».

3 июля 1941 г., на двенадцатый день войны, Сталин наконец-то обратился к своим подданным с большой речью. Отказавшись признать за собой хотя бы одну малейшую ошибку, он честно предупредил: «*Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями*». И это была чистая правда. Две тоталитарные деспотии уже успели к тому времени набраться кровавого опыта массовых репрессий, которые они обрушивали и на собственный народ, и на население порабощенных стран Европы. Не приходилось сомневаться в том, что бывшие сообщники по разбою в равной мере постараются превратить вооруженное столкновение своих армий в невиданную по жестокости бойню. В той же речи от 3 июля 1941 г. прозвучала фраза, дающая первое представление о том, какими методами товарищ Сталин намеревается вести эту небывалую войну:

«*…При вынужденном отходе частей Красной Армии не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться*».

Уже одно только прямое и точное выполнение этого приказа (а речь Сталина, к тому моменту уже назначившего себя председателем Государственного Комитета Обороны, была именно обязательным к исполнению приказом) означало голодную смерть миллионов людей на оккупированной территории. Правда, «суровость российских законов смягчается их неисполнением». Приказ об истреблении всех запасов продовольствия и топлива не был выполнен в полном объеме, но огромные и многообразные разрушения системы жизнеобеспечения населения (водопроводы, электростанции, элеваторы) были во многих местах произведены.

Голодом русского мужика не удивить. Бесконечная череда войн, мятежей, набегов, неурожаев научила людей «варить суп из топора». Но в России бывает холодно, а зима 1941–1942 гг., как на беду, выпала очень ранняя и очень морозная. Это обстоятельство также было принято во внимание. 17 ноября 1941 г. Сталин лично подписал Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428:

Topreading.ru

«…Приказываю:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе немедленно бросить авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и подготовленные диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами…»

Гладом и хладом не исчерпывался перечень «казней египетских», которые Сталин решил наслать на мирное население оккупированных районов. Даже массовое сожжение домов, после которого жители оказывались с детьми на 30-градусном морозе, можно считать безобидной забавой — в сравнении с той «народной войной», которую всеми доступными ему способами разжигало советское руководство.

Уже 1 июля 1941 г. ЦК КП(б) Белоруссии выпустил директиву, в которой призвал *«уничтожать врагов всюду, где их удастся настичь, убивать их всем, что попадется под руку: топором, косой, ломами, вилами, ножами… При уничтожении врагов не бойтесь применять любые средства — душите, рубите, жгите, травите фашистских извергов…».* От партийного начальства не отставало и начальство военное. 6 августа 1941 г. бывший нарком обороны маршал Тимошенко — на этот раз в качестве командующего войсками Западного фронта — обратился «ко всем жителям оккупированных врагом территорий». Маршал, растерявший свою армию, потерявший десятки тысяч танков, самолетов, орудий, требовал теперь от безоружных людей таких действий: *«…Атакуйте и уничтожайте немецкие транспорты и колонны, сжигайте и разрушайте мосты, поджигайте дома и леса… Бейте врага, мучьте его до смерти голодом, сжигайте его огнем, уничтожайте его пулей и гранатой… Поджигайте склады, уничтожайте фашистов, как бешеных собак…»*

Да, я в курсе, как это должно правильно называться: «Земля горела под ногами оккупантов». Только земля горела не сама по себе, она горела вместе с жителями. И лозунг «Все для фронта, все для победы» мне известен. Я только хочу понять — до каких пределов распространяется это «все»? Совсем — все? Мы за ЛЮБОЙ ценой не постоим? И если превращение своей страны в выжженную, безлюдную пустыню совместимо с понятием «победа», тогда чья это победа?

Для достижения победы командование Королевских ВВС Великобритании избрало тактику массированных ночных налетов на города Германии. Под развалинами домов, в огне пожаров погибли сотни тысяч мирных жителей. Не успела закончиться война, как в Англии началась ожесточенная общественная полемика по вопросу о допустимости такого бесчеловечного отношения к женщинам и детям противника. Накал дискуссии был таков, что командующий английской бомбардировочной авиации генерал Харрис фактически был вынужден покинуть страну и удалиться в Южную Африку. Имена погибших пилотов бомбардировщиков отказывались внести в списки героев войны… Почему же мы не считаем возможным даже задуматься о допустимости принесения в жертву СВОИХ женщин и детей?

По меньшей мере, сомнительна и военно-оперативная ценность партизанской войны, осуществляемой при помощи лома, вил, косы и ножа. Разумеется, действуя таким образом — и расплачиваясь за каждого зарезанного немецкого тыловика жизнями сотен советских людей, — можно было нанести некоторый урон живой силе противника. В этом ли была главная задача вооруженной борьбы в тылу врага? Вермахт вел боевые действия на фронте, отдаленном тысячами километров от заводов в Германии. И если «яйки и млеко» еще можно

было отобрать у местного населения, то патроны, снаряды, мины, бензин приходилось тысячами эшелонов везти по железным дорогам из Баварии и Саксонии до Волги, Дона и Кубани. Фактически вся военная машина вермахта висела на десятке «стальных нитей» железных дорог, проходящих через огромные лесные массивы Белоруссии и Брянщины. Систематическое разрушение этих коммуникаций могло поставить немцев в тяжелейшее положение. Но это не та задача, которую могли решить безоружные крестьяне с топорами и вилами…

Не пора ли наконец признать, что в глазах товарища Сталина население оккупированных областей стало отработанным шлаком, не имеющим более никакой ценности: этих людей невозможно было использовать ни как рабочую силу, ни как «призывной контингент». Хуже того — эти люди находились вне его контроля, они могли теперь иметь свое личное мнение и обменяться им с соседом, они могли видеть живых иностранцев и по меньшей мере знаками и жестами общаться с ними, они могли быть использованы противником как для работы, так и для набора в антисоветские вооруженные формирования. Прошли десятки лет после войны, а вопрос «Проживали ли вы на оккупированной территории?» оставался в анкетах, которые заполняли миллионы советских людей, и положительный ответ считался «пятном на биографии». А уж тогда, в разгар войны, Сталин и вовсе не собирался церемониться с этим «шлаком», поэтому сожженная вместе с жителями деревня рассматривалась им как вполне приемлемая цена за убийство пары зазевавшихся немецких отпускников.

Можно спорить о том, нашлась бы на свете армия, командование которой не ответило жестокими репрессиями на такие призывы и действия («душите, рубите, жгите, травите, как бешеных собак»). Гадать же о том, как будет реагировать командование вермахта и СС, и вовсе не приходилось. Однако советское руководство не просто отдавало себе отчет в том, что результатом избранной им тактики партизанской войны будут беспощадные массовые расправы с населением — оно любыми возможными способами подталкивало противника к максимально-жестоким действиям.

Документы вермахта, к несчастью — слишком многочисленные, свидетельствуют о том, что в самые первые дни войны, уже в июне 1941 г. наступающие немецкие войска во многих местах находили трупы своих солдат, в силу ряда причин оказавшихся в плену (отставшие, раненые, экипажи сбитых самолетов), которые были замучены с невообразимой садистской жестокостью. Мне представляется совершенно невероятным предположение о том, что красноармейцы, т. е. в основной своей массе вчерашние русские, украинские, белорусские крестьяне, уже в первые дни войны успели проникнуться такой безумной ненавистью. Гораздо более реалистичной выглядит гипотеза о том, что эти преступления совершались специальными командами НКВД с целью преднамеренного провоцирования немецких войск на ответные расправы с гражданским населением и пленными.

В том же направлении действовали и заброшенные в тыл противника «партизанские отряды», которые — если говорить о ситуации 41-го года — практически полностью состояли из оперативных сотрудников НКВД, а вовсе не из сошедших с картины советского художника подростков и старика с берданкой. По характеру решаемых задач это были фактически карательно-диверсионные группы, которые не только провоцировали своими действиями немцев на ответные репрессии против местного населения, но и сами беспощадно расправлялись с крестьянами, которые не проявляли достаточной готовности помогать этим «народным мстителям».

Оказавшееся «между молотом и наковальней» население начинало стихийно вооружаться и создавать отряды местной самообороны для защиты от «партизан» и наводнивших леса банд вооруженных дезертиров. Немцам оставалось лишь взять под свой контроль эти вооруженные

группы и превратить их в подчиненную им полицию. Указания Сталина о превращении оккупированной территории в выжженную пустыню весьма способствовали росту численности «полицаев». Легендарный патриарх советских диверсантов, участник четырех войн, полковник И. Старинов в статье, написанной в 2000 году, говорил: *«Получилось, что мы сами подтолкнули местных жителей к немцам… После лозунга «гони немца на мороз» немцы сформировали полицию численностью около 900 тыс. человек».* Сама цифра (900 тыс.) многократно завышена, но она ярко отражает личные впечатления практика партизанской войны о том, что «полицаи были на каждом шагу…».

Об отношении населения к «партизанам от НКВД» можно судить по следующим, страшным в своей красноречивости, цифрам. На Украине органы госбезопасности оставили в тылу врага и перебросили туда 778 отрядов и групп общей численностью 28 753 человек. По состоянию на 25 августа 1942 г. действующими числились 22 отряда, насчитывающие 3310 человек. В Белоруссии из 437 групп и отрядов, которые были заброшены в тыл противника, к концу января 1942 г. прекратили свое существование 412. Управление НКВД по Ленинградской области направило в тыл противника 287 отрядов общей численностью 11733 человек. К началу февраля 1942 г. из них уцелело всего 60 отрядов общей численностью 1965 человек. Все это называется одним коротким словом — разгром.

К ноябрю 1942 г. общая численность «вспомогательной полиции» выросла до 320 тыс. человек, еще 48 тысяч состояло в отдельных полицейских (по роду деятельности — карательных) батальонах. Были созданы и более крупные формирования, например, так называемая «Русская освободительная народная армия» численностью в 10 тыс. человек, которой немцы передали функции борьбы с советскими партизанами на обширной территории Брянской и Орловской областей. Можно долго спорить о том, уместно ли использование термина «вторая гражданская война» применительно к тому, что в 1942–1943 гг. происходило на оккупированной территории России. Важны не термины, важно то, что под суровый шум брянского леса отряды вооруженных русских людей с остервенением убивали друг друга, жгли деревни, расправлялись с теми, кого каждая сторона на свой лад считал «изменником», не щадя ни старого, ни малого. А уж о том, что на Западной Украине развернулась полномасштабная, чудовищно жестокая гражданская война с участием польской Армии Крайовой, бандеровской Украинской Повстанческой армии, советских партизан, украинских «полицаев», и спорить не приходится.

«…А стрельба уже со всех сторон. И горит уже. Мы спрятались, а Галя соседская — нет. И дяди моего нет, он еще раньше к хлеву пошел… Когда всё уже успокоилось, узнали — это петровцы окружили Старую Рафаловку и повели бой с бандеровцами. Бандеровцев убили нескольких, а местечко наше, считай, полностью уничтожили. И людей убили, не скажу даже сколько. Галю живьем в огонь бросили. Обгорелый труп дяди нашли мы около хлева. А на дворе и возле дома — еще сгоревших шесть трупов.

В нашем хозяйстве уцелел только погреб. В нем нашли Олежку соседского. Был он в новеньких, бабкой сшитых башмачках и с распоротым штыком животиком…»

Старая Рафаловка — это село на украинском Полесье, у железной дороги Ковель — Сарны. «Петровцы» — это партизаны из отряда «дяди Пети» (полковник Антон Бринский). Через три месяца после успешной операции в Рафаловке полковнику Бринскому присвоили звание Герой Советского Союза; ныне в Нижнем Новгороде его именем названа улица и детская библиотека. Питерский историк А. Гогун (из книги которого был процитирован рассказ о резне в Рафаловке) нашел еще несколько упоминаний об этом событии и об этом Герое. Так, 20 июня 1943 г. начальник штаба партизанского движения Ровенской области товарищ Бегма в своей докладной записке на имя Маленкова и Хрущева писал:

В нашем хозяйстве уцелел только погреб. В нем нашли Олежку соседского. Был он в новеньких, бабкой сшитых башмачках и с распоротым штыком животиком…»

Старая Рафаловка — это село на украинском Полесье, у железной дороги Ковель — Сарны. «Петровцы» — это партизаны из отряда «дяди Пети» (полковник Антон Бринский). Через три месяца после успешной операции в Рафаловке полковнику Бринскому присвоили звание Герой Советского Союза; ныне в Нижнем Новгороде его именем названа улица и детская библиотека. Питерский историк А. Гогун (из книги которого был процитирован рассказ о резне в Рафаловке) нашел еще несколько упоминаний об этом событии и об этом Герое. Так, 20 июня 1943 г. начальник штаба партизанского движения Ровенской области товарищ Бегма в своей докладной записке на имя Маленкова и Хрущева писал:

«…В Ровенской области в начале Отечественной войны разведупром были оставлены небольшие специальные группы с рациями с чисто разведывательными целями. С развитием партизанского движения на Украине эти группы начали быстро возрастать за счет местного населения…, так, например, полковник Бринский — «дядя Петя» — вырос до 300 человек, капитан Каплун — до 150–400 чел., майор Медведев — до 600 чел… Все находящиеся в этих группах люди охраняют штабы, занимаются заготовкой питания, а боевых операций за год с лишним не сделали ни одной… Люди разлагаются, имеется масса случаев самовольных расстрелов ни в чем не повинного населения, массовые пьянки, хулиганство и т. д.»

В донесении штаба УПА округа «Заграва» о событиях в Старой Рафаловке упоминается как о вполне заурядном событии: *«Большевики напали на Старую Рафаловку, которую сожгли. Убили 60 человек, из них 8 районного актива. Убит политический референт Тетеря».* Ничего из ряда вон выходящего в этом и не было. В отчете округа «Дунай» от ноября 1943 г. отмечены следующие эпизоды: *«На село Карпиловку напали ночью красные банды, ограбили, сожгли и убили при этом 183 наших крестьян. Село Дерть окружили, ограбили, забрали 300 шт. скота. 3 ноября снова напали на с. Боровое, дожгли хозяйства, которые оставались немцами не сожженные, и убили 20 крестьян…»* Всего в течение осени 1943 г. красные партизаны расправились с жителями 29 деревень украинского Полесья, немцы за тот же период сожгли там 77 деревень…

Разумеется, Гитлер (обозначая под этим именем всю машину фашистской тоталитарной деспотии) является главным виновником этой трагедии. Все погибшие в кровавой вакханалии массового террора на оккупированной территории СССР должны считаться жертвами фашистской агрессии — даже если их убийцы говорили на русском или украинском языках. Именно гитлеровская агрессия сделала возможной эту многолетнюю бойню, именно Гитлер дал в руки оружие, направил и разжег огонь братоубийственной войны. Я не подвергаю это ни малейшему сомнению. Я только хочу спросить — а товарищ Сталин тут ни при чем? На нем нет вины за эту кровь? Не сталинский ли режим довел народ до такого умопомрачения, в котором чужеземный вооруженный враг показался на миг освободителем?

А теперь переходим к самому главному. К пожару на складе.

Пожар на складе случается тогда, когда проворовавшемуся завхозу надо спрятать следы своих многолетних махинаций. Матерые жулики понимают, что пожар должен быть большой, «солидный» и, самое главное, документально зафиксированный в органах МВД и пожарной охраны. Вот тогда под это «дело» можно списать все, что угодно. Ну а если пожар случился сам собой, да еще и по причине, не вызывающей подозрения в поджоге — например, от удара

молнии, то это и вовсе самый радостный день в жизни жулика…

В памятном для страны 1937 году в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения. Однако население о результатах этой масштабной работы ничего не узнало. Итоги переписи были признаны «вредительскими», итоговые отчеты — засекречены, руководители научного коллектива, проводившего перепись, — арестованы. В январе 1939 г. была проведена повторная перепись населения, причем еще до подведения ее результатов товарищ Сталин огласил «правильный» результат: в стране победившего социализма проживает 170 млн человек.

В настоящее время о «расстрельной переписи» 37-го года написаны монографии и сотни газетных статей. Считается, что реальная численность населения по результатам переписи 1937 года была равна 162 миллионам. С учетом некоторого прироста населения в 1938 году (хотя этот год — год кульминации массовых репрессий — едва ли был особо «урожайным» на людей) объявленные официальные результаты переписи 1939 года завышены на 6–7 млн человек. Другими словами, реальное число жертв сталинских репрессий 30-х годов (а это не только «большой террор» 37-го года, но и раскулачивание, голодомор периода коллективизации, очистка городов от «нетрудового элемента», этнические чистки) измеряется не теми сотнями тысяч, которые подтверждаются документами партийных и карательных органов, а многими миллионами людей.

Так на складе образовалась недостача в 6–7 миллионов. Война и послевоенный «восстановительный период» отнюдь не ослабили ни пресс беспощадной эксплуатации «рабсилы», ни масштабы репрессивной политики государства. Миллионы людей, согнанных на «спецпоселение» или в так называемые «рабочие батальоны», в совершенно нечеловеческих условиях продолжали рыть каналы, строить дороги, рубить уголь и возводить очередные «гиганты сталинской индустрии». Из бесконечной череды свидетельств приведем лишь одно — письмо безымянного рабочего М. И. Калинину от 18 июня 1945 года:

«…Чтобы описать все подробно о жизни рабочих-трудармейцев стройки ж/д Быстровка — Рыбачье, то потребовалось бы написать такую же книгу, как «Хижина дяди Тома», но пока ограничусь только этим клочком бумаги… Пища готовится гораздо хуже, чем хороший хозяин готовил бы свиньям. Рабочая сила используется не только на трассе, но более даже на всякие благоустройства: прораба, строймастера и прочих чиновников… Нелишним будет сказать здесь несколько слов о детях, которым здесь, как и их отцам, выпало влачить свое жалкое существование. Малыши здесь кроме 300 гр. черного кислого (от которого даже за ушами трещит) хлеба ничего не получают. Появляется в 3-и месяца раз сахар в магазине, но и то выдают его по разным темным причинам не полностью… Прошлой зимой рабочих не только голодных, но и буквально нагих принуждали работать на трассе при морозах, доходящих до 20 градусов, где некоторые погибали совершенно, а другие остались с отмороженными членами тела…»

Сколько людей навсегда осталось на этих «стройках века» — одному Богу ведомо. А уж чего точно не знает ни один человек, так это того, верил ли Сталин в Бога и готовился ли он дать отчет на Высшем суде. Зато доподлинно известно, что предстать перед земным судом Сталин не планировал, «ревизионной комиссии» не ждал и отчитываться перед «сбродом тонкошеих вождей», окружавших его, не собирался. Прятать хитрым способом «недостачу» многих миллионов своих рабов Сталин посчитал излишним, поэтому без тени смущения назвал цифру в 7 млн погибших в войне — примерно столько же, сколько в Германии. И дело с концом.

Хрущев тоже не готовился к приезду «ревизионной комиссии» (каковая неготовность и привела его в конечном итоге к октябрьскому 1964 г. Пленуму ЦК…), а резкое — сразу в три

раза — увеличение числа жертв войны потребовалось ему для сугубо внешнего употребления. По сути дела Хрущев был первым, кто начал вести нормальную внешнюю политику. Нормальную по форме: он ездил за рубеж, к нему приезжали высшие руководители других стран; Москва принимала Международный фестиваль молодежи и буржуазных режиссеров с буржуазными фильмами. Нормальную по содержанию: окружающий мир перестали считать «враждебным империалистическим окружением», да и само слово «мир» перестало восприниматься как обозначение короткого периода подготовки к новой войне. В этой новой реальности международных отношений огромная, ошеломляющая цифра людских потерь СССР (20 миллионов) нужна была Хрущеву в качестве «идеологического башмака», которым он мог в нужный момент ударить по столу переговоров.

На все «неудобные» вопросы — от робких напоминаний о необходимости вернуть полученную по ленд-лизу технику до требований предоставить свободу выбора странам Восточной Европы — звучал один оглушительный ответ: «Двадцать миллионов человеческих жизней! Какие вам еще деньги? Мы мир спасли! Мы своей кровью заплатили…» Я прекрасно помню, как в августе 1968 года советский народ кипел искренним негодованием: «Мы же их освободили! Мы столько людей положили, а они нас выгнать хотят?»

А потом пришла феерическая эпоха «перестройки и гласности». Обозревая доставшееся ему наследство, Горбачев (или кто-то из его советников) не мог не заметить «чудеса» сталинской демографической статистики. Соответственно, в общем ряду мер по «обновлению социализма и демократизации внутрипартийной жизни» решено было навести некоторый порядок в деле учета людей.

А потом пришла феерическая эпоха «перестройки и гласности». Обозревая доставшееся ему наследство, Горбачев (или кто-то из его советников) не мог не заметить «чудеса» сталинской демографической статистики. Соответственно, в общем ряду мер по «обновлению социализма и демократизации внутрипартийной жизни» решено было навести некоторый порядок в деле учета людей.

Так, вероятно, и появилась цифра 27 миллионов. В не вызывающем никаких сомнений в своей реальности «пожаре» Второй мировой войны решено было спалить и «недостачу» Всесоюзной переписи 1937 года, и ужасающий рост смертности гражданского населения в тылу, и массовые репрессии послевоенных лет. Одним словом — **списать на Гитлера преступления Сталина**.

Была создана авторитетная комиссия проверенных и партийно-выдержанных доцентов с кандидатами под председательством член-корреспондента АН СССР Ю. А. Полякова. Один из ведущих сотрудников этой комиссии, доктор исторических наук А. А. Шевяков опубликовал интереснейшую статью («Социологические исследования», № 12 / 1991), в которой рассказывалось о работе комиссии и полученных ею результатах. Точнее говоря — о том, как комиссия боролась за получение порученного ей результата в 27 млн. Оказывается, есть какие-то «данные Госплана и ЦСУ СССР», но их «пока обнаружить не удалось». Что значит «не удалось»? Что значить «обнаружить»? Я понимаю, почему экспедициям энтузиастов пока не удалось обнаружить в дикой безлюдной тайге обломки «тунгусского метеорита». Что обозначает глагол «обнаружить» применительно к работе Государственной комиссии с документами Госплана?

Из статьи Шевякова следует, что единственной документальной основой были и остаются акты и сообщения ЧГК. Из этих сообщений следует, что на оккупированных территориях погибло **6 390 тыс. человек**. Так как комиссия (не ЧГК, а комиссия Полякова) уже знала, что потери

Вооруженных сил определены числом в 8,7 млн и повышать эту цифру военное ведомство не желает, то ей до директивно-заданных 27 млн предстояло набрать 18,3 млн. Соответственно, единственный относительно достоверный источник — документы ЧГК — тут же подвергается обвинению в том, что представленные в нем цифры «значительно занижены». Как и положено доктору наук, Шевяков не только констатирует факт занижения, но и дает ему объяснение. Названы три причины. Одна другой лучше. Первые две звучат так: «интенсивная миграция населения» и «незавершенность репатриации советских граждан из-за рубежа».

Странно. И то, и другое может привести к завышению, но уж никак не к занижению числа жертв. Например, каратели сожгли белорусскую деревню и расстреляли ее жителей, ЧГК засчитала всех в число погибших. А кто-то остался жив, ушел к партизанам, был ранен, вывезен в госпиталь на Волге, после излечения женился и с молодой женой уехал по оргнабору на Дальний Восток. Человек в реальности жив, но никто в Белоруссии об этом не знает. Вот это и есть «интенсивная миграция населения» и ее влияние на отчетные данные ЧГК. К такому же эффекту, к завышению числа жертв, приводила в первые послевоенные месяцы и «незавершенность репатриации советских граждан из-за рубежа» — человек числится погибшим, а фактически он попал в облаву, был насильственно вывезен в Германию и вскоре вернется домой.

Самая же интересная, третья причина мифического «занижения» числа погибших в отчетах ЧГК заключается, по версии доктора наук Шевякова, в том, что сотрудники ЧГК *«не обладали политическим чутьем и методикой выявления фашистских злодеяний».* А вот с этим я вынужден категорически не согласиться. Чего-чего, но «политического чутья» у советских чиновников сталинской эпохи было в достатке. Без лишних напоминаний ЧГК приписала немцам расстрел в Катыни, выявила «фашистские злодеяния» в деле массовых расстрелов органами НКВД заключенных в тюрьмах Львова и Винницы. И каждый отчет ЧГК перед его опубликованием проходил многоступенчатую процедуру утверждения «на самом верху». Так что если бы уже в 1945 году была поставлена задача «раздуть» число жертв до 18 млн, то сотрудники ЧГК отлично бы это «учуяли». В противном случае — сами бы вошли в общий перечень «жертв немецких оккупантов». Но не знали они, какая именно задача будет поставлена перед советскими историками в конце 80-х годов. И про «социализм с человеческим лицом» они еще не догадывались. Но разве это повод для обвинений в утрате бдительности и чутья?

Если же говорить серьезно, то полученные из отчетов ЧГК цифры действительно внушают очень и очень большие сомнения. Шевяков приводит данные по каждой республике СССР, причем с указанием процента погибших по отношению к довоенной численности населения (для РСФСР — по отношению к числу жителей, попавших под оккупацию, каковое число определено в 28 млн). В сводной таблице это выглядит так:

Может ли это быть правдой? Конечно, нет. Накануне войны население Литвы составляло 2,9 млн человек, Латвии — 1,95 млн человек. А число жертв гражданского населения в этих двух республиках оказалось в абсолютных числах больше, чем в России? И процент погибших в Латвии больше, чем в любой другой республике, включая Белоруссию (зона самых активных партизанских действий)? Как это понимать? И что такое «жертвы оккупантов» применительно к Латвии? Никакого массового партизанского движения там не было и в помине, более того, Латвия была «экспортером» карательных полицейских батальонов, которые зверствовали на территории соседней Белоруссии и России. Никакого другого «террора фашистских оккупантов», кроме геноцида евреев, в Латвии не было, но и евреев накануне войны там было не 314 тысяч, а всего 90 тысяч (в соседней Литве — 250 тысяч). Весьма странно выглядит и соотношение числа потерь в Украине и на оккупированных территориях РСФСР. Даже с учетом того, что на Украине погибло порядка 1,5 млн евреев — странно…

Печально, что в таком вопросе приходится гадать, но, скорее всего, разгадка несуразных цифр заключается в том, что в отчетах ЧГК (по крайней мере — во многих из опубликованных) названы суммарные цифры погибших местных жителей и военнопленных, а Шевяков интерпретирует их как число погибших мирных жителей, без учета военнопленных. При таком предположении все сразу же становится на свои места: Прибалтика была регионом, куда в концентрационные лагеря сгоняли и военнопленных, и «остарбайтеров». Да, звучит это несколько странно, но «советская» Прибалтика была получателем (!!!) подневольной рабочей силы. По данным Управления по делам репатриации в Литве, Латвии и Эстонии на конец войны было учтено 227 044 гражданских лиц и 56 363 военнопленных, вывезенных туда на принудительные работы из других регионов оккупированной территории СССР. Огромные лагеря для военнопленных были созданы и на Украине, где к тому же и само число захваченных вермахтом военнопленных было огромно (более 1,1 млн только в пяти «котлах»: Уманском, Киевском, Мелитопольском, Керченском и Харьковском).

Остается предположить, что вследствие ошибочного (если не сказать — преднамеренного) суммирования с числом погибших военнопленных (учтенных нами в общей численности погибших военнослужащих) даже число 6 390 тысяч убитых мирных жителей — завышено. Дальнейшие рассуждения Шевякова о том, что гитлеровцы умышленно распространяли смертельно опасные эпидемические заболевания на оккупированных территория (т. е. в тылу собственных войск), что многие «остарбайтеры» вернулись на Родину с неизлечимым болезнями, в число которых включены сифилис и гонорея, что оккупанты тайно облучали мужчин рентгеновскими лучами в целях понижения рождаемости, интересны лишь тем, что серьезный академический журнал не постеснялся напечатать такое…

Что же мы имеем в итоге обсуждения этой предельно грустной темы? Трагедия, пережитая советским народом, ужасна и не имеет аналогов в истории цивилизованного мира.

11 миллионов погибших военнослужащих.

5–6 миллионов мирных жителей, убитых и замученных фашистскими оккупантами.

Более 1 миллиона мирных жителей, погибших в блокадном Ленинграде и разрушенном дотла Сталинграде.

Неизвестное точно, но огромное (порядка 6–9 миллионов) число жертв сталинских репрессий.

И безбрежное море лжи.

Говорят, теперь с этой ложью начнут решительно бороться. По радио говорят. Сегодня, 16 апреля 2008 г. выступил с публичным заявлением заместитель начальника Генштаба российской армии генерал-полковник Скворцов. *«Борьба с фальсификациями военной отечественной истории перестала быть задачей только Министерства обороны… Необходимо поддержать инициативу МИД по созданию межведомственной рабочей группы по истории при правительстве РФ в интересах противодействия попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России…»* Во как! Я и не знал, что в перечень задач, которые поручено решать военному ведомству великой ядерной державы, входит литературная полемика с бывшим заместителем начальника Генштаба академиком М. А. Гареевым и питомцами его научной школы. В любом случае, приятно осознавать, что я написал очень своевременную книгу. Если вы, уважаемый читатель, успели купить и прочитать ее до того, как межведомственная комиссия при правительстве РФ успела всерьез взяться за борьбу с

«фальсификациями», значит, я потратил свое и ваше время не зря.

Topreading.ru